

Annotation

Ехал с работы, и приехал. Вместо весны лето, Вместо дороги песок. Что еще будет только ветер знает. Попал ты, Владимир Петрович.

Познакомимся

Если читаешь это послание, то я не зря старался описывать свои мучения — приключения. Как ты умудрился получить сей опус, не знаю. Наверно по ошибке ткнул пальцем не ту кнопку, когда пытался подобрать себе книжку для приятного времяпровождения в электронной библиотеке. Или же перепутал полку в книжном магазине, когда выискивал сборник стихов Есенина, но тебя, по чистой случайности, привлекла забавная обложка этого романа. Все это неважно, главное, что ты это читаешь, и даже не представляешь, как я этому рад. Рад, что о моих злоключениях узнает хоть кто-то из моего родного мира, может попереживает за меня, может посмеется над моей глупостью, а может ненароком и слезу пустит. Чем черт не шутит.

Но давай начнем все по порядку. Расскажу немного о себе. Не для того, чтобы похвастаться. Нет, не в коем случае, хвастаться мне в общем-то особо и нечем, расскажу лишь для того, чтобы поближе познакомится. А то как-то неправильно будет. Кто я такой да откуда, ты же не знаешь. Так вот:

Был я, до всех этих событий, заурядным парнем двадцати девяти лет отроду. Неброской, совсем серенькой наружности, ростом правда вымахал как каланча, тут ничего не скажешь, метр восемьдесят пять, но тут не моя заслуга, дед по отцовской линии постарался, он, кстати, и над моим животиком пивным потрудился неплохо. Шевелюра у меня тоже знатная — была, черная как смоль, то бабки заслуга, она казачка потомственная, нет не шевелюра казачка, бабка моя казачка, но главное тут всё-таки слово «была», теперь вот залысины на висках, обидно конечно, но тут тоже не моя вина, тут батя отличился. Глаза у меня голубые, правда за темными очками невидны, нет зрение нормальное, сам не знаю зачем носил, почему-то считал, что так выгляжу солиднее.

Холост был, в смысле не женат. Ты не подумай чего-то там насчет ориентации, тут все нормально. Никем кроме женщин не интересовался. Не везло просто. Три раза жениться хотел, и все три раза мимо кассы.

Первый раз бешеная страсть переросла в бешеную ненависть, на фоне неприязни к будущей теще. Не смогла моя несостоявшаяся супруга уговорить свою мамашу, и в контру мне, встала на ее сторону. Не пережила наша любовь романтично — скандальных отношений. В итоге я остался с поцарапанной щекой, и синяком под глазом, а она с мамой.

Второй раз, моя избранница не пришла в ЗАГС. Думаешь, что такое случается только в дешёвых романах? Если так, то перед тобой главный герой одного из них. Чего там могла испугаться несостоявшаяся супруга, не знаю, и не спрашивай, сам не понял. Пыталась потом конечно что-то объяснить, лепетала про фобию, про какой-то торт и белый лимузин, но меня как отрезало. Сразу все чувства прошли. А скорее всего их и не было, чувств этих вовсе.

В третий раз меня посетила настоящая любовь. Поверь, знаю, что говорю. Как пулей в лоб. Сразу и на повал. Бегал за ней как собачонка. В рот смотрел, ожидая команды, и бросался выполнять любой приказ едва он слетал с прекрасных губ. Готов был жизнь отдать. Увы, потребовалось отдать лишь ей — ее свободу. Полюбила она другого, принца блин на черном мерседесе.

Думал все, конец. Два месяца бухал. Запах пота и мочи стал моим спутником, пропилил все накопленное за недолгую жизнь. Веревку к люстре привязал и молился на нее как на икону. Но постепенно отпустило. Время лечит, правду народ, говорит, не врет, на себе

проверил.

Но хватит о женщинах. Что еще о себе сказать. Отслужил в армии. Неплохим радистом, стал за это время, даже запись в военном билете о моей доблести есть. Затем Курьером поработал недолго, в одной строительной фирме, письма потаскал по адресатам, кофейком начальство попоил, да мусор поубирал на полставочки, ну а уже затем на завод устроился, трудится слесарем, инструментальщиком. Нет, естественно не сразу я мастером стал, сначала курсы, потом с наставником, и только потом на самостоятельные хлеба поставили, сверла затачивать, очень работа ответственная.

Вот и все. Что о себе еще расскажешь. Все как у всех. Если только добавить, что зовут меня Владимир Иванов, по бабушке Петрович. В плечах не богатырь, и нос с горбинкой. Жил в городе Дальнезабугорске, на улице Попададьцево, в доме номер шесть, квартире двенадцать.

Ну вот и все обо мне в прошлом, вот и познакомились. Можно и к делам настоящим перейти. К тому, ради чего собственно, я и написал это послание.

Дорога в туман

Вечером, две тысячи растудыть какого года, как сейчас, помню, шестого апреля, я возвращался с работы. Дождь лил жуткий, а я в теплой куртке, в меховой шапке. А что тут удивительного. С утра мороз щипался, не слабенький, градусов двенадцать, потому и оделся тепло, а к вечеру видишь, как расквасило. Пока до машины добежал, промок, на ката облезлого похож стал. Сел за руль, куртку снял, под заднее сиденье кинул, чтоб велюр не замочила, шапку отжал и туда же, с ботинок воду слил. Завел и поехал.

Дорога, словами не передать. Снег раскис, с грязью перемешался, сцепления с асфальтом никакого, ощущение, что на катере по реке плывешь, и норовишь на обочину выплыть и со столбом встретится. Тут еще напасть, туман. И так ветровое стекло заливает, дворники не справляются, а тут еще это. Пришлось потихонечку ехать, почти шёпотом, куда денешься, обстоятельства, очень домой хочется, хоккей сегодня, полуфинал. У меня три литра пива в холодильнике и вяленные спинки путассу, это рыба такая, недорогая и вкусная, как раз по моему кошельку. В общем не доехал я до холодильника и спинок. Вот так, на цыпочках, не видя ничего впереди я и въехал вот в это.

Сначала удивился. Машина буксовать начала. Впереди молоко, окно боковое открыл, ничего не поменялось, сплошная стена, даже дороги под колесами невидны, и жарко стало, но это я на напряжение свое внутреннее списал. Пот течет, глаза заливают, дворники молотят, пытаются марево снаружи разогнать, я злой как черт. Автомобиль остановил, на улицу вылез, подумал еще, что асфальт какой-то не такой, дверкой хлопнул. И все. Вот так вот, в одно мгновение. Пух, и нет тумана. Думаешь обрадовался? Ага.

Солнце печет — слепит. Я посреди пустыни. Вот только, что с работы ехал, и уже Каракумы, или еще какая далекая хрень. Мумией застыл, хотя, судя по обстановке больше подходит слово засох, только челюсть на грудь упала, громко так хлопнулась. Стою, глазами лупою, в себя прийти не могу. Ветер по барханам песочек гоняет. Сюрреализм блин.

Очки снял, глаза кулаками потер — не, все по-старому. Еще потер. Потом еще. Много раз повторил, пока веки не защищало. Ничего не поменялось. Машина движком шелестит, ветерок песочком играет, солнышко припекает. Идиллия. По песку ногой потопал, подумал, еще раз потопал, потом попрыгал. Хрустнуло что-то. Глаза опустил, на очках стою. Когда я их только выронить успел? Руку щипнул, потом посильнее. Не, не проходит морок.

— Приплыл. — Это я сам с собой разговаривать начал. — Ну, что, Володя? — почесал я нос, всегда так делаю, когда думаю, привычка с детства. — Что делать будешь? Судя по реальности происходящее на сон не похоже. Под наркотой вроде не состою, не уважаю дурь эту. Скорей всего шиза посетила, но тоже сомнительно, не был на голову слаб никогда. Приму произошедшее за истину, коли все что вижу, существует реально. Тогда. Вот блин. Что тогда? Паника навалилась, такая, слов не передать. Три раза за руль прыгал, все куда-то ехать пытался, три раза назад выскакивал, колеса пинал вокруг машины бегал. Пот льет, меня колотит. Дурдом в общем. Но ничего, отпустило. Задумался, что делать?

Для начала разделся. Куртку с шапкой я еще в машине снял, свитер и брюки полетели на заднее сиденье, и я, оставшись в футболке трусах и ботинках, пробовал без обуви пойти, ощущение получил раскалённой сковородки на пятках, потому оставил обувь на ногах, и в таком вот спортивном виде, поднялся на ближайший бархан.

С высоты, осмотрелся, прикрываясь ладонью. Ну, что сказать. Все свое знание русского мата, я вложил в одну фразу. Повторять не буду, ее знают все, и выражает она всю палитру чувств, от полного восхищения, до полной задницы. Кругом песок. До горизонта барханы, и никакой растительности, что говорит о полном отсутствии воды, а также какой-либо разумной жизни в ближайшей перспективе.

Сел, ноги подкосились, мгновенно с воплем вскочил обратно, сопровождая это действие опять же, отборным матом. Трусы не защитили, но зато обожженная задница вернула возможность думать.

— И так, что я имею? Воды нет, еды нет, оружия никакого нет, есть автомобиль с полубаком топлива, километров на двести — триста хватит, больше вряд ли, расход топлива по песку большой. Потихонечку, в натяжечку, на второй передаче ехать можно, вопрос. Куда? — Паника вновь заскреблась в груди. — Стоп, стоп, — успокоил себя почесав нос. — Кто суетится, тот нежилец. Где тут север я понятия не имею, да и знание это мне ничего не даст. Поеду просто вперед. Буду по дороге останавливаться и с барханов посматривать по сторонам. Больше ничего на ум не приходит. Так и поступил.

Как ты думаешь, сколько времени человек продержится в пустыне, без воды? Обложись трудами профессоров от медицины, проштудируй все энциклопедии, но ответ я тебе дам и без всего этого: «Мало». Я смог два дня, ночь провел в машине, поджав под себя ноги и скрючившись, укрытый зимней курткой и с шапкой на голове. Очень холодно тут в темное время суток. Бензин-то закончился, на отметке двести шестьдесят километров заглох двигатель. Теперь холод пробирает до костей. Звезд не рассматривал, настроение не то, а луны вообще не было, то ли не вошла еще, то ли не предусматривалась реалиями местными.

Дальше только пешком. На второй день, отупев от жажды, я уже двигался по инерции. Губы потрескались, во рту ощущение съеденной наждачной бумаги, глаза, высушенные солнцем и засыпанные песком, жгло раскалёнными углями. Кожа послазила. Но я уже не чувствовал ничего. Пытка, продолжалась весь день. Вечером, на вершине очередного бархана я наконец вырубился.

Знаешь, что такое блаженство? Нет? Выпить пол-литра пива, с похмелья это не то, это суррогат ощущения. Блаженство — это когда на твою раскалённую голову течет нескончаемым потоком ледяная вода. Поверь, я знаю, что говорю. Сам испытал. Меня так в чувство приводили. Я хлебал, фыркая и кашляя, это чудо, улыбался, несмотря на треснувшие до крови губы. И был счастлив. Но только до того момента пока не открыл глаза.

Надо мной склонилась рожа, нет морда, нет, не знаю, как классифицировать этот предмет. Можешь сам определить. Три пары зеленых глаз, с вытянутыми горизонтальными зрачками, одно из которых на остро свисающем к земле подбородке, другие два, с заплетёнными в косичку бровями, откинутыми на затылок и сплетенные там с редкой растительностью из макушки, соединенные в одно целое бордовой заколкой в виде стрелы. Глаза эти смотрели на меня, змеиными зрачками, с интересом, и вертикальный безгубый рот, улыбался, точно говорю, улыбался и верещал какой-то бред, а острый нос, похожий на ястребиный клюв, подхрюкивал поддакивая. Не описался я только потому, что до этого высох, до хруста, на солнышке.

Более детально опишу это чучело, чтобы можно было понять моё состояние:

Темно зеленого цвета кожа, покрытая черными бородавками, лоснилась на солнце короткой шерстью, как у куницы. Я не удержался, потрогал. Само высокое, выше меня на голову, худое имускулистое, шашечки на прессе и развитая грудь, выдают не дюжую силу.

Ноги короткие, трехпалые ступни опираются на песок и не обжигаются, подошва там толще чем у моих ботинок. Руки длинные, ниже колен, с черными ногтями на кончиках пальцев трехпалой ладони. В одной из них длинное ружье, на манер наших, древних фитильных, прикладом опирается в песок около моей головы.

Ну как впечатляет? Штаны сухие? Вот и не смейся. Лучше бы я не очухался.

Трехпалые руки оторвали меня от земли, грубо взяв под мышки, и как котенка швырнули к костру, сунули в руки костяную плоску с вонючей желтой жижей.

Ах, да, я не описал где нахожусь. Извини, виноваты в этом моя растерянность и сковавший страх. Исправляюсь.

Стойбище, по-другому не назовёшь место моего пребывания, находилось в ложбинке, между двух барханов, в небольшом оазисе, на берегу мелкого ручья. Шесть шатров, вокруг хилого костерка, шесть несуразных сооружений, из каких-то костей и веток, обтянутое желтыми шкурами, здесь абсолютно все желтое, в тон песка. Аборигены, в количестве, которое невозможно сосчитать, из-за постоянного их перемещения, агрессии не проявляли. Потолкались вокруг меня, прокурлыкали что-то на своем языке, потолкались локтями и разошлись, потеряв интерес, оставив в одиночестве.

Отхлебнув из плоски жуткое пойло, я едва не выплюнул его назад, но сдержался. Мало ли, что. Как они отреагируют на такое отношение. Пристрелят еще, вон у каждого в руках ружье, и по сноровке, с которой они его таскают, не для украшения предназначено. Я натужно улыбнулся, и проклиная повара еще отхлебнул.

Хохот взорвал стойбище. Ну а как еще назвать их громкое хрюканье, сопровождающие приседание на корточки и хватание за живот. Хохот он и есть. Один из них, закинув оружие за спину, подошел ко мне, периодически вздрагивая от распирающего смеха, сунул свои ладони мне в плоску, размазал жижу на манер мыла, и поманив меня за собой, обмыл их в ручье. После этого постучал черным ногтем по моей голове, покачал своей тыквой, заржал, гад и ушел. Конфуз, однако, покраснел даже, и вроде сначала даже обиделся, но потом и сам заржал, упав в траву. Отпустило. Накопленные боль, страх растерянность ушли. Ну с пусть, что они уроды, ну и пусть с ружьями не расстанутся, и что не понимаю я в их лепете ничего, тоже пусть. Я жив. Остальное не так важно. Разберемся. Где наша не пропадала.

Десять дней я уже тут. Солнечные ожоги, плоды моей тупости от оставленной в машине одежды, были вылечены самым что ни на есть варварским способом. Новые, зеленые друзья — садисты намазали мое многострадальное тело какой-то едкой гадостью, которую только по недоразумению можно назвать мазью. Кожу зажгло блин так, что думал сдохну. Целый день, вот так вот, сволочи мучатся заставили, а чтоб эта мерзкая мазюка не засыхала, еще и водичкой поливали, как кактус у бабушки на подоконнике, и только вечером помыться разрешили. Но знаешь, помогло. Шкура как новая стала, даже рубцов не осталось, и не обгорает на солнце больше. Загрубела и задубела, приобрела светло-коричневый цвет.

Притерся я, за это время к новым, суровым реалиям. Теперь, вот, помогаю зеленым уродцам как могу, в основном по быту, другого пока не доверяют. Почему уродцам? А как еще их назвать? Не красавцами же. Уж больно рожи мерзопакостные. Хотя при их виде уже в дрожь не бросает, привык. Учю местный язык. Вроде получается. Понимаю уже через раз, что говорят. Но пока все больше жестами общаемся, руками крутим, губами шлепаем, пытаемся друг — другу смысл сказанного донести.

Самым главным у них в банде Гонья, что в переводе на местный, что-то вроде: «Хороший слух». Толковый такой парень — правильный. По характеру спокойный и неразговорчивый, но вот на счет послушания — суровый. Выполнения приказов требует беспрекословного.

Первый раз все объясняет обстоятельно, вдумчиво, с улыбкой и доброжелательно, по полочкам раскладывает, вопросы задавать уточняющие просит, выслушивает, отвечает на вопросы, а на второй раз, если не понял, то просто в лоб бьет, без всякого выражения эмоций. Шлеп и все. Лежи думай. Меня, кстати, не трогал пока. Скорее всего не потому, что я такой сообразительный и исполнительный перец, а потому, что относятся ко мне тут как к ребенку. Так и говорят: «Пусть», в переводе на русский: «Малыш, или сосунок», а еще тут так личинок называют.

Почему думаю, что он парень этот Гоня, а не особь женского пола? Так тут не сложно догадаться. Во-первых, у него выделяется топорщащиеся внушительное мужское хозяйство. Пусть и прикрытое густым, по сравнению с остальными частями тела, мехом, но такой первичный половой призрак, какой-то там шкуркой не скроешь. Во-вторых, накачанная мышцами грудь, не подходящая для кормления младенцев, ну и в-третьих, эта банда тут на промысле охотничьем. Бьют зверюшек местных, и занятие это, я тебе скажу, не для слабого пола. Опасное занятие.

Саму охоту я не видел, не берут с собой. Уходят утром. Меня оставляют с нянькой, с тем, в кого черный ноготь командира ткнет, а возвращаются к закату, с кусками парного мяса, увесистыми такими, и шкурами, впечатляющих размеров. Потом полночи солят, да и коптят. А так как частенько они ранеными приходят, с охоты, с ссадинами и синяками, потому и делаю вывод, что опасное у них занятие — охота эта.

Соль, кстати, тоже не под ногами валяется, за ней ходить приходится. Ее-то добычей мы с нянькой обычно и занимаемся. Увесистой киркой, на деревянную, длинную палку, насаженной, отбиваем белые куски в глубокой яме, и в лагерь относим, там меж двух камней перетираем и в мешки упаковываем. Еще в наши обязанности входит приготовление пищи и обучения Пуся, то есть меня, языку местному.

Пища готовится на костре простая, в основном мясо на углях, без всякого там маринада. На огне подогрели, и полусырое слопали, с голодухи самое то, поверь на слово, за уши хрен оттащишь. Еще компот кисленький, из ягод, что по берегу ручья растут, без сахара. Ничего так, приятный. Я вообще-то не очень такой вкус люблю, но тут привык, даже нравится стал.

Да вот еще что забыл сказать. Себя они называют: «Дроцы», что-то вроде ветра по-нашему, хотя в их понимании это слово имеет более расширенное значение, так как ветер еще и местное божество ко всему прочему.

Всего их в лагере одиннадцать. И они все по характеру разные, точно так же, как и люди. Каждый со своими закидонами. Тот, что сейчас со мной остался, веселый парень, суетливый немного, но толковый. Сидит вон напротив и втирает мне в уши правильное произношение слова мясо. Его болтовню, я конечно буду излагать своими словами — по-русски, на дроцком ты не поймешь вообще ничего. Жуткая тарабарщина.

— Мясо надо говорить правильно, — учитель явно нервничал от моей тупости, — Не муясио, а мясо, не уя, а я, не ио, а о. Мя-со, — выговорил он по слогам и постучал пальцем по моей голове. — Повтори.

— Муясио. — Пробормотал я, и оттолкнул его попытавшуюся снова стукнуть мою голову руку. — Ты себе по тыкве постучи, образина зеленая.

— Вот ведь тупой Пусь, сколько можно втолковывать в твою водянистую голову. Ты наверно специально издеваешься над таким славным парнем как я? Что тут сложного. Мя-со. Повторяй.

— Послушай Дын, — так моего учителя звали. Я высунул язык, показал и спрятал, пока тот не ухватил, были понимаешь инциденты, и постучал зубами. — Я по-другому устроен, тяжело мне, по-вашему, говорить.

— О Свободный Ветер, — закрутил мой учитель руками, это у них что-то вроде нашего: «О мой Бог», — За что ты послал мне этого уroda в ученики. — Это он меня уродом назвал. Конечно, зеркала то нет, сравнить не получится, а потом ко мне так заговорщически склонился, прямо носом в ухо, и зашипел. — Давай его на две половинки разрежем, чтобы хоть чуть-чуть нормально выглядеть начал. — Вот гад, это он пошутил так.

— Себе зашей, — огрызнулся я, но злобы не было. Он действительно хороший парень, добрый и веселый. Сидит улыбается, свой язык свой фиолетовый раздвоенный высунул, двумя пальцами сжал, глазом подбородочным оценил манипуляцию и заржал. Шутка ему блин понравилась.

— Смешной ты Пусь.

— Не Пусь я, а Владимир Петрович.

— Влудось Пусьтросичь, — Повторил он по-своему, по-тарабарски, и окончательно покотился по траве. — Так все правильно мы тебя называем. Сократи Пусьтросичь, как раз Пусь и получится.

— Слушай, ты, дыня. — Я уже даже злится начал.

— Я не дыня, я Дын.

— Дыня ты, а не Дын. У нас на грядках такое чудо как ты выращивают, самое тупое растение на свете. Вроде ягода, а присмотришься овощ — овощем.

— Ой не могу, дроцев выращивают, вот рассмешил.

Вот тупой. Он наверно долго еще так катался бы по траве, но видимо что-то почувствовал нехорошее. Потому, как резко вскочил, морду серьезную соорудил, скидывая ружье из-за спины и втягивая носом.

— Ты чего?

— Неприятности у нас, туши костер, может пронесёт. — Он завертел головой, резко вдыхая и выпуская воздух между зубов, как будто на вкус пробуя. Не к добру это.

— Что случилось то? — Я залил огонь, быстро сбегав к ручью, и встал рядом.

— Пантар. — Произнес он шепотом.

Что это за зверь такой, я понятия не имел, но впечатленный озабоченностью своего учителя, слегка трухнул.

— Возьми Кирку в шалаше и вставай рядом. — Буркнул тот не оборачиваясь.

Вернуться вовремя я не успел. Грохот выстрела и крик Дына застал меня выскакивающего на четвереньках из покрытого шкурами, помещения. Драка была в самом разгаре. Здоровенный, желтый зверюга, вцепился клешнями в подставленное поперёк ружье, и пытался отгрызть голову моего учителя. Сожрать гад хотел. Пантар этот выглядел страшновато, мурашки у меня по спине крупные пробежали, прямо от макушки вниз и спрятались в самом подходящем для них месте, засвербев неприятностями.

Огромная голова, покрытая костяными наростами, с открытой красной пастью, и двумя рядами острых иголок зубов, тянулась к голове своей жертвы, которая отчаянно отворачиваясь от шелкающих челюстей. Непропорционально маленькое, крабовое тело, опиралось на словно отрезанные у большого кузнечика ноги с зелеными когтями. Они, ноги эти, тоже не простаивали без дела, и не только держали это чучело в вертикальном положении, но еще и норовили лягнуть моего зеленого друга. Лапы — руки клешнями, с противным звуком скребли по металлу ружья, словно перекусить пытались. В общем картина складывалась неприятная. Скоро придет к моему учителю северный зверек, а следом и ко мне.

Во мне ярость проснулась, нет, страх не прошел, просто как-то спрятался, наверно с мурашками вместе куда-то залез, а ярость вылезла, не было никогда, а тут на тебе. Откуда что берется? Заорал я и разбежавшись запрыгнул, на спину вражине, хорошо так с испугу запрыгнул, удобно получилось, его короткая шея в аккурат между ног оказалась. Не знаю, что там этой зверюге на ум пришло, но дыню она бросила и в пески ломанулось со мной в виде всадника. Картина скажу, без скромности, достойна кисти великого художника: Несется по пескам, прыгает с бархана на бархан образина, пеной изо рта брызгает, а на ее шее, я, герой эпический, коленками держусь, ору матом, и киркой по башке луплю, что есть сил. Брызги летят в разные стороны, я какой-то гадостью зеленой сопливой покрываюсь, а эта сволочь прыгает не останавливается. Далеко удрали, пока я наконец дырку до мозга проколупал. С последним ударом кирка хрустнула и застряла, зверюга рухнула, а я, не успев отпустить рукоятку импровизированного оружия сделал двойной кульбит, и головой об землю выключился.

Однако, принудительное погружения моей тушки в наркоз, становится в этом мире тенденцией. Неприятной скажу я вам тенденцией. Но вот выход из тьмы сейчас порадовал больше. В прошлый то раз меня просто полили основательно волшебной водичкой, наслаждение конечно получил от этого незабываемое, но в этот раз!..

Тот, кто рассказывает, что он, придя в себя после отключки, долго лежит и слушает, что там говорят, пока думают, что клиент в состоянии овоща — обманывают. Нет, сказал слишком мягко, врут они, так как наверняка самих не вырубали, и такого бесценного опыта не имеют.

Происходит это процедура так: Сначала бессмысленные глаза открываются, и только потом, спустя время, включается мозг, а способность соображать приходит вообще только после долгого и тупого обшаривания глазами местности. Ты конечно скажешь, что в прошлый то раз я не сразу свои гляделки продрал. Конечно, согласен. Только я не думал тогда, а балдел, это, разные вещи. Не веришь мне, попроси своего соседа, покрепче приложить тебя табуреткой по голове, вот тогда и поспорим.

Но я отвлекся. Когда способность соображать, вернулась в мою бедную голову, я понял, что пристально смотрю в одну прекрасную точку, и вижу лицо ангела. Солнечный нимб вокруг, немного оттеняет черты, но от этого они выглядят еще более загадочно и привлекательно. Огромные голубые глаза, очерченные аккуратными ниточками бровей, и длинными чуть вздернутыми в верх ресницами, смотрят на меня с такой материнской нежностью, что хочется выть и плакать, жалуюсь на судьбу. Губы, такие нежные, чувственные губы улыбаются, но сразу видно, что им не смешно, они сочувствуют бедному мне, и пытаются таким вот образом подбодрить. Желание поцеловать это чудо, стало единственным, о чем я мог думать. Я вытянул губы и попытался подняться.

Шлепок трехпалой ладони по лбу, вернул меня в первоначальное положение раздавленного червя.

— Лежи сакур озабоченный (Сакур, это дикие собаки местные), рано тебе еще о случке думать. — Гоня, козел, обломал своим похабным комментарием, все мои грезы. Еще и заржали все вокруг, аборигены хреновы, охотнички недоделанные.

Мой ангел поднялся, улыбнулся, окатив нежностью, переветрил меня (по-нашему, перекрестил), проворковал, что-то неразборчиво, запрыгнул на белоснежную лошадь и исчез. Ну почему все хорошее так быстро заканчивается?

— Что?.. Что она сказала? — Я не узнал свой собственный голос. Такое волнение накатило.

— Кто? — Гоня недоуменно посмотрел на меня глазом из подбородка. — Ах Лариния. — Дошло до него наконец. — Сказала, что ты урод. — Эта сволочь снова закатилась хохотом, поддержанным хором таких же ушлепков, как и он. — Но, правда, еще добавила, что смелый. И что глаза восстановятся, со временем и перестанут в разные стороны смотреть. Смелый, косоглазый урод. — И опять ржет.

Прощаю. Всех прощаю. Я смелый. Я урод, я счастливый урод, а уродство, как известно, это просто своеобразное воплощение красоты, не оцененное пока, но со временем.... Я найду своего ангела, я докажу.

— Вставай, хватит валяться. — Гоня сволочь, второй раз меня в реальность возвращает.

Что ему нейдет? — Нужно панцирь с того пантара снять, пока вонять не начал. Дын тебе поможет. Он как раз с тобой поговорить хочет. Поспешите.

Я-то думал, что ускакал за время драки далеко от лагеря, оказалось, что нет, по кругу меня покатали, и уложили в ста метрах, рядом совсем. Дыня, несвойственно для него молчаливый, тыкал черным ногтем, показывая в каких местах рубить, и ворочал тушку моего трофея, открывая новые места сочленений жесткого панциря добычи. Мясник из меня никакой, да и дровосек не очень, поэтому я часто промахивался топором, одолженном мне, не попадая по нужным местам, к неудовольствию помощника.

— Ты, это, Путь. По аккуратнее. Ногу так себе отрубишь или мне руку. — Дын задумался. — Неопытный ты и слабый, — он опустил сразу все три глаза, что не свойственно для дроцев, они всегда внимательны, и не позволяют себе так расслабиться, обычно у них подбородочный глаз за землей наблюдает, а остальные два, по округе шарят, причем каждый в своем направлении. Уроды, что с них взять.

— И еще спасибо. Я тебе жизнь должен. От пантара обычно спасения нет, если в одиночку. На него только толпой охотятся. А ты один смог. — он снова задумался. — В общем моя жизнь теперь твоя. — Он поднял глаза и уверенно твердо посмотрел на меня.

— Зачем мне твоя жизнь Дын. Оставь ее себе. Эту зверушку я случайно завалил, с испугу, просто так получилось. — Я рассмеялся, ведь эти его слова принял за своеобразное шутовское «спасибо», но ошибся.

— Отказываешься?! — Он вскочил, выхватив свой топор и принял грозный вид, приготовившись атаковать.

— Ты охренел, дыня. — Я опешил от такой смены настроений и попятился. — Голову напекло, или моча ударила? Спрячь железку.

Он резко сник и сел в песок, со злобой отшвырнув топор в сторону.

— Прости, забываю, что ты наших обычаев не знаешь. Не принято у нас от предложенной жизни отказываться. Оскорбление это.

— Откуда я знать мог?

Он кивнул.

— Так что? — Глаза воткнулись в меня в ожидании ответа. — Принимаешь?

Блин, наверно последствия удара головой сказываются, туплю.

— Ну раз отказ за оскорбление считается, то принимаю конечно. Только не понимаю на хрена тебе это надо?

— Тогда обветри меня, и скажи, что принимаешь мою жизнь в полное подчинение, до тех пор, пока жив сам или жив жизнь отдавший.

Что за бред? Блин, вот только этого мне еще не хватало. Вот зачем мне весь этот геморрой? Зачем мне его жизнь? Что вообще тут происходит. Но и как отказать? Смотрит на меня как нашкодивший котенок. Ждет молочка. Ладно. Будь что будет. Я встал, покрутил перед ним руками, оветряя, и как можно торжественнее произнес:

— Принимаю твою жизнь Дын, в полное свое подчинение. И пусть будет так до окончания времен. Во веки веков. — Хотел еще: «Аминь» сказать, но подумал, что перебор получится, и остановился.

— Немного не по правилам, но красиво у тебя получилось. — И вдруг грохнулся на колени, восхищенно поедая меня глазами. — Клянусь до окончания жизни служить хозяину. — И бабах башкой в песок.

— Ты точно охренел, — Я подскочил к нему и попытался поднять, тяжелый гад. —

Вставай дурила, какой я хозяин к чертям. Я на такое не подписывался. Я против рабства. Зачем мне слуги? Мы друзья. Вставай!

Если бы я тогда знал, чем мне все это грозит, я бы наверно его убил. Но разве можно знать свое будущее?

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз вытянутыми зрачками, и блин, плакал. Голову на отсечение даю, это страшилище, которым можно напугать не только ребенка, но и матерого ветерана многих войн, плакало перед Володей Ивановым, не совершившим в своей жизни ничего. Плакал признавая его за своего кумира. Плакал пожирая глазами, а я краснел.

— Все Дын садись, хватит. Не заслужил я такого к себе отношения. Все ведь случайно у меня получилось. Я даже драться толком не умею. Единственный раз в школе помахал кулаками, да и то по морде получил. Не герой я, и не охотник, и смелости во мне абсолютный ноль, я ведь со страху ему на шею запрыгнул, испугался, что после тебя мой черед настанет.

— Нет. — Он поедал меня глазами. — Со страху убегают в панике, а ты в бой кинулся. Я знаю, что говорю. А на счет того, что драться не умеешь, не беда, я научу! — Он вновь вскочил на ноги и забегал вокруг меня. — Ты будешь знать все, что знаю я, даже больше. Я подсмотрю у других их знания и передам тебе.

Приплыли. Блин. Блин. Блин. Зачем мне все это? Ну, а с другой стороны? У меня теперь есть друг. Настоящий. У меня даже дома такого не было, а здесь есть. И учитель есть. Бесплатный, ха. Это не в спортзале бабки за фальшивое внимание отстегивать. Тут все по-настоящему, искренне. Я махнул рукой соглашаясь.

— Согласен.

Тренировки

Если бы я знал, чем все это обернется, гнал бы этого учителя поганой метлой. Сатрап недоделанный. Мотает меня по пустыне в хвост и в гриву, а еще другом называется. Никакого покоя от него нет. Смог, удавил бы, садист чертов.

Каждое утро наше начинается с изматывающего кросса. По раскалённым пескам, я и Дын, штурмуем в лоб барханы. Этот зеленый гад, подгоняя пинками, заставляет пробежать километров двадцать, и это меня, который за сигаретами в магазин с одышкой ходил. В первый раз я думал кровью харкать начну. Потом ничего втянулся, обогнать конечно мучителя своего не смогу, но выгляжу уже достойно.

Да забыл сказать, я теперь другой, не в смысле, что рожу пластической операцией поправил, нет, выгляжу я теперь по-другому, более мужественно что ли. Ну суди сам. Кожа теперь у меня бронзового цвета. Ожоги, что по дури получил, бросив одежду в машине, и отдав себя добровольно на растерзание солнцу, зажили, спасибо дроцам, намазали той вонючей гадостью, по смешному совпадению названной очень созвучно с нашей сметаной, и все прошло, быстро, даже шрамов не осталось.

Под лоснящейся здоровьем кожей рук и ног перекачиваются шарики мышц. Приличные, шварцнегеровских размеров шарики. Фактурное выражение появившейся силы. Заменяя собой пивной животик, кубики пресса притягивают даже собственный взгляд. Почему собственный? А кому еще тут смотреть? Всем пофиг, у них больше, и шарики, и кубики. Ступни ног очерствели, ботинки только ноги давят и мешают, теперь йоги со своими гвоздями в сторонке нервно пыхают папиросками, для меня они не авторитет. Красавец, что и говорить, сам себе нравлюсь.

Ну что этот гад, сегодня совсем офонарел, в лагерь бежать пора, а он на третий круг пошел. Ну погоди. Вспомню, когда-нибудь свои мучения, ох вспомню. Злопамятный я. Отольются кошке — мышкены слезы. Ох отольются. Не знаю еще как это сделаю, но все этому гаду припомню. Все это говорю не со зла конечно. Благодаря садистским тренировкам Дына, в последнее время у меня не сбивается дыхание, вот что значит активное, до полного изнеможения пребывание на свежем воздухе.

Как сейчас свой первый забег помню. Как утираясь потом, слезами и соплями, раскрывал, выброшенной на берег рыбой, рот. Как пытался вдохнуть и в без того заполненные легкие еще, хоть маленькую толику воздуха. Какое несравнимое ни с чем блаженство получил, когда рвануло наслаждением второе дыхание.

А ноги? Как вспомню ощущение от сведенных судорогой мышц. Это когда бежишь, уже еле переставляя непослушные конечности, и вдруг падаешь, от нестерпимой боли, катаешься, скуля по песку. А эта, дыня, зелено-рожая сволочь, подходит к тебе с улыбкой, достает острый нож и вместо того, чтобы добить, колет прямо в боль, и та отстывает. Ты получаешь пинок под заднее место, и с низкого старта, вновь устремляешься топтать пустыню.

А дальше по планам стрельба. Это чудо-ружье, с которым дроци не расстаются даже когда в толчок ходят, это не ружье, это гаубица, только без колес, и по весу, и по отдаче. У меня плечо неделю болело после первого выстрела, и задница тоже, потому как первый свой выстрел я завершил именно на ней, на три метра дальше от цели и сидя в песке. Красиво наверно получилось, и собравшиеся посмотреть, оценили это выступление клоуна в цирке,

потому смехом давились минут двадцать, да и потом хрюкали целый день вспоминая. Теперь то я знаю, как надо.

Стрельба, это вообще, отдельная тема. Ею дрои с момента снятия подгузников занимаются. Скинут пеленку и за ружье хватать, и не оторвать больше, третья рука. Ну и я привыкаю. Под смешки доброжелателей осваиваю новое для себя искусство.

Стрелял я в своей жизни много раз, но все это в тире из пневматики, а из огнестрела только в армии, один раз, и только три патрона, больше не дали, офицерам не хватить могло по мишеням поразвлекаться, вот и ограничили нас. Здесь другое дело.

Вот как сам процесс происходит. Сначала нужно патрон в патронник вложить правильно, тут главное не перепутать, нет, не патрон с патронником, а сторону где у патрона пуля, в нужном направлении уложить. Предмет этот, уж больно на наш соевый батончик похож, что по дешёвке под видом шоколадных конфет продают, только этот, серого цвета и без всяких там бантиков на концах.

Итак, открываем затвор, такая крышечка с тугой защелкой, в сторону откидывается. Далее нащупываем пулю, патрон то бумажный, нетрудно определить, вкладываем, защелкиваем. Приклад плотно к плечу, целимся строго по стволу, прицела нет, не изобрели пока, и плавно ждем на кнопку сбоку, это вместо курка. Бабах. Сноп искр и дыма. Звон в заложенных ушах, полные штаны восторга, и под улюлюканье зрителей, промах. Не смейся и не злорадствуй, сам попробуй с этой дуры пальнуть, а я посмотрю, что от твоей улыбки останется.

Стреляем долго и много, навык во мне вырабатываем. Без скромности лишней скажу, что уже неплохо получается, даже скупой на похвалы Гоня потрепал за плечо, типа молодец. Из двадцати выстрелов, три раза ветку, что вместо мишени в песок воткнули, сбил. Прогресс. А в первый раз я учителю своему чуть голову не снес. Видеть его глаза в тот момент надо было, если бы сам не испугался тогда, до чертиков, то заржал бы.

Ну и на вкусное, с топором тренировки, сейчас уже с настоящим, теперь можно, теперь я безопасен. А по началу...

Самый первый раз с конфуза начался. Хорошо тогда Гоня успел отпрыгнуть. Когда топор из моих рук вырвался и пролетев метра три воткнулся в место, где до этого сидел и наблюдал за моими потугами начальник охотников. Очень рассердился этот начальник. Тогда я от него в лоб получил в первый раз. А ведь всего-то и требовалось от меня, махнуть этой острой штукой, обозначив удар по противнику. Обозначил блин. Голова долго болела. Валялся минут пять в нокауте, башкой тряс, но сознание не потерял, опыт как говорят не пропьешь.

Топор у меня конечно отобрали, а вместо него дали дубину, чтобы значит обезопасить себя, да и меня самого, от себя самого. Мало ли что. Ну и началось. Гоняли меня, по очереди, сменяя друг друга. Больше всего, Гоня, изгалялся, мстил зараза. Бока отбили и по голове прилетало нередко, но прок был. Отрабатывали мы удары, отрабатывали блоки и уклонения, уходы под руку и в сторону, откаты назад, и подкаты вперед. Все по нескольку раз в день, до полного изнеможения.

Сейчас я уже уверенно топор держу, отполированную, своими мозолями, до кошачьих причиндалов дубину выкинул, не нужна стала. Теперь вот тактические приемы отрабатываем, и бой с тенью. Вроде получается. Во всяком случае смеяться надо мной перестали.

Вот так вот в тренировках больше месяца прошло. Дын от меня не отходил не на шаг, все рассказывал, объяснял, показывал. Многому он меня научил. Благодаря ему из городского овоща настоящим мужчиной себя почувствовал. Теперь я другой. А еще теперь свободно по дрозки разговариваю, с акцентом конечно жутким, но понимают меня все. Вписался я в общем в коллектив.

А потом мня взяли с собой на охоту. Пора говорят.

Песок. Осточертевший уже за все это время песок. С утра и до заката сплошной песок. Неутомимые гребенные дроци. Это они по лагерю неторопливо передвигаются, а тут исключительно бегом. Мест им ненасытным жадюгам исследовать побольше хочется. Носятся как ужаленные, по пеклу. Я привык уже немного, но все равно тяжело. То стартуют, только пятки сверкают, то на трусцу передут, и так целый день, отдых только вечером, когда солнышко садится.

Третий день мы на охоте. Я-то поначалу думал, что ночевать в лагерь возвращаться будем. Какой там. Это они к ручью возвращались исключительно из-за моей болезненной персоны. Теперь окреп, теперь все по-взрослому, припасы с водой на три дня и вперед. Жалобы не принимаются. Усталость не в счет. Мужчина ты или как. Вот и не скули. Всем тяжело.

Но что-то случилось. Гоня руку с ружьем в верх поднял. Знак подает. К нему бежать нужно. Дыня со мной рядом. Его теперь от меня не отлепить. Даже по нужде поначалу сопровождать повадился. Насилу отстоял свое право на уединение.

Подбежали, обступили кольцом командира нашего. Он на песке разлегся, дырку свою, что они ухом называют, прижал. Слушает. Все замерли. Тишина, только ветер песчинками похрустывает.

Гоня палец свой с черным ногтем вверх поднял, чтоб значит тихо всем. До этого и так тишина стояла, так теперь, такое ощущение, что даже ветер дышать перестал.

— Тут он. Рядом. За барханом. — Прошептал одними руками командир. — Приманку доставайте. Тихо только.

— Ну наконец-то. — Выдохнул кто-то справа от меня.

— Ну-ка цыц там, — Прошипел Гоня. — Совсем страх потеряли. Упустим зверюгу шкуру спушу.

Серьезный парень. С таким не забалуешь. В сторону бархана полетел кусок тухлого мяса.

— На колено, ружья не изготовку, приготовились. Стрелять по команде. Замерли. — Едва слышное шипение, как звук ветра прокралось по ушам

Сначала ничего не происходило. Тишина. Ох, и тяжелое это занятие — ждать. Потом ноги почувствовали мелкую еле заметную дрожь. Потом сильнее. Затем насыпанные мелкие волны песка разгладились, и пустыня начала закипать. Не вру, правда. Ты видел, как в кастрюле на огне вода начинает еле-еле пускать пузыри, все сильнее и сильнее, пока не забурлит кипятком. Вот и тут так. Только финального кипения не происходит. Мелкие песчинки взлетают в верх миллионами, и вновь падают, а за время их короткого полета следующие взлетают, и так не останавливаясь.

Напряжение росло. Такое ощущение, что даже в воздухе им запахло. И вдруг взрыв. Пустыня возле брошенного куска мяса взлетела поющим фонтаном. Взревел Гоня: «Пли!», грохот выстрелов, опять крик: «В топоры!», и мы бросаемся в облако дыма и песка горланя пересохшими глотками клич: «Гэй!»

Почему поющий фонтан? Так-то чучело, что выскочило, свистело как футбольный судья. И выглядело оно весьма жутко. Если и можно его с чем-то сравнить, с родным земным, то только с червяком. Здоровым таким червяком. На этом схожесть заканчивалась.

Пропорциональная телу, зеленая голова, покрытая редкими длинными красными волосинками, с щелью беззубого рта, задачей которого, видимо, было не схватить и разорвать жертву, а всосать ее в себя. Длинное тело без ног покрытое желтого цвета жесткой шерстью, с откровенно выделяющимся пивным таким брюшком, и длинный, голый зеленый хвост, со здоровенным таким костяным набалдашником на конце.

Живучая зараза оказалась, как минимум с десяток пуль в нее влетело, по вырывав куски мяса, оставив за собой кровоточащие зеленой жижей раны. А ей хоть бы хны. Свистит, крутится юлой и кувалдой на конце хвоста машет. Все норовит огреть тебя. Вон одному из охотников прилетело. Шагов на восемь ускакал, как камешек по волнам. Знаешь наверно, как это происходит, когда пускаешь каменюку по морю. Вот он так и скакал, при каждом отрыве от земли матерясь. По-своему конечно матерился, не по-нашему, но тоже впечатляюще, слух радовало.

Долго мы с ней возились. Уже темнеть начало, когда она наконец на песок рухнула. Что тут скажешь. Впечатлений море. Что-то типа нашего: — «Ура!», разнеслось по пустыне. На трясущихся от усталости ногах мы сплясали вокруг туши местную лезгинку, под имитацию звуков барабана охрипшими глотками. Задорно получилось. Я впечатлён. Кстати мои новые друзья очаровались исполнением барабанной дроби в моей интерпретации. Пробовали потом многие повторить. Три раза: «Ха», не получилось у них ничего, зря только губешками хлопали.

Разделку туши закончили уже под светом местной луны. Что сказать. Луна как луна, отличий я особых не заметил, пятна может по другим местам расползлись, но я тут пас, не знаток астрономии, то же и по звездам могу ответить. Из всех созвездий я кроме большой медведицы не знаю ничего, да и то не уверен сколько там в нее звезд входит, и куда какая в какую сторону смотрит. Так вот, ее, я тоже не нашел. Но ночное небо впечатляет. Мне жителю города особенно, в душе аж замирает, когда в верх смотришь. Купол бесконечности, усеянный мелкими искорками недосыгаемости. Заорать хочется от восторга.

Мы сидели кружком вокруг глиняной площадки, с жиром, сдвоенным (я не оговорился, жир в районе живота у этой твари был жидким, и его натурально выжали) с упоенного нами животного, в котором плавал и горел кусочек тряпицы. Довольные и расслабленные охотники, вытянув ноги, жевали сушеное мясо, которое взяли с собой из лагеря и запивали водой из кожаных фляг.

— Мне хоть как зовут эту зверюгу скажите. — Я лениво оторвал кусок мяса зубами, и похлопал ладонью по мешку, с разделанной добычей.

— А то ты не знаешь. — Гоня посмотрел на меня вопросительно правым глазом.

— От куда, мне разве сказал кто ни будь?

— Так, Дын! Дальше в таких случаях положено ставить многоточие. Потому что речь командира выписала такие кренделя, то будь я фольклористом, то непременно бы получил самую важную премию, за ее опубликованье. — Почему он не знает. Ты чему его учишь. — Дальше еще небольшой кусочек не норматива, а потом грозный взгляд в мою сторону. — А ты? — И вновь нужно звать фольклориста, за новой порцией наград. — Ты Фаст или погулять вышел? Почему у своего Фастира не спросил.

В потоке событий я совсем забыл рассказать, что теперь моё имя Кардир, что в переводе на русский означает грозная кирка. Догадываешься почему? Конечно за того пантара, которого я завалил. А и еще у меня есть титул — Фаст, это потому, что я теперь владею

жизнью Дына, а он теперь мой, чего ржешь, какой фастфуд, Фастир он теперь, принесший клятву жизни, в переводе. Имя теперь моё звучит гордо: Фаст Кардир. Как тебе? И я считаю, что неплохо.

— Скильдим называется эта животина, одна из самых опасных и осторожных в пустыне. — Прекратив наконец материться, снизошел до ответа Гоня. — И что бы я не слышал подобных вопросов в дальнейшем. Фастира своего береги почаще, пусть объясняет, что непонятно.

— А вот у меня еще вопрос.

— Опять! — как-то беззлобно рыкнул командир, — Второй вопрос подразумевает хороший тычок в лоб.

— А я и не тебя спросить хочу, а всех. Кто такая эта девушка...? Ну та...? Что в лагере была? — Вот вроде несложный вопрос, а почему-то, задать его я решил только сейчас. Причем в душе все затряслось и сжалось.

— Приглянулась? — Гоня усмехнулся и откинулся на спину, положив голову на трехпалые ладони. — Охотница она. — Он пожевал и сглотнул кусок мяса. — Знаменитая. Они тогда с отрядом банутьяров как раз этого пантара выслеживали. Говорят, что много бед он в лесу наделал. Вот и послали их на поиски. Но ты обломал охоту.

— Банутьяры, это кто?

— Жители лесные. Многочисленное племя у них. Хорошие охотники, мы дружим. Ладно, давайте спать. Завтра в лагерь, а потом домой. Семью увидеть хочу. Соскучился по дочкам. Он закрыл глаза.

Пустыня погрузилась в тишину. Только шуршание перекатывающегося песка, и легкое потрескивание тряпицы в жиру. В доме всегда должен гореть огонь, даже если этот дом временный лагерь.

Возвращение

Гоня нависал надо мной kloкочущим вулканом, выплевывая разрывающие мне душу обидные и несправедливые слова.

Охотники, а я теперь, как говорится, официально состою в этой зеленой банде, после пяти дней перехода по пескам, дошли наконец до поселка дроцев. Лучше бы мы засохли пустыне.

Шли в приподнятом настроении. Веселились, как дети, право-слово. Шуточками перекидывались, толкали друг друга беззлобно, только что в чехарду с салочками не играли. И только меня бил легкий мандраж. Но это и понятно. Волновался. Бояться нечего вроде, нормально там должны встретить, а вот всеравно колотит. Как примут, как посмотрят на нового соплеменника, да еще другой расы. Может это только мне свойственно — потряхивание от неопределенности ожидания неизбежного, но скорее всего это общечеловеческое чувство, за исключением деревянных на всю голову, индивидуумов, конечно.

И вот уже впереди конец долгого пути. Перевалив через очередной бархан, мы остановились, и я застыл в восхищении, с открытым ртом. Отфотошопленные картинки природы, которые у нас «три — дэ» называются, их еще на стены принято вешать и восхищаться, видел? Так вот, они — жалкое подобие той красоты, которую довелось увидеть мне. Рисунок трехлетнего ребенка, рядом с шедевром Ван Гога.

Желтая безжизненная пустыня, плавно переходящая, мелким точками, потом небольшими пятнами, и по мере удаления расплывающимися в размерах, и наконец полностью заполнявшими пространство сочно — зеленым искрящемся радостью лугом, где во всем великолепии застыло зеркалом огромное, сверкающее солнцем, озеро, на фоне плавающих в дымке облаков гор, и лес между ними, слегка подернутый дымкой, настоящий лес! Все заполнено радующейся в лучах солнца жизнью. Как же нам всего этого нахватало. Этого воздуха — наполненного ароматами цветов. Этого ветра — свежего, немного влажного, ласкающего прикосновениями кожу. Солнца, не обжигающего, а нежного, пускающего в глаза веселые зайчики зеркалом озера. Слов описать не хватает, а душой не расскажешь.

Поселок дроцев располагался на небольшом холме на берегу. Огороженное ровным частоколом, с домами юртами селение. Натоптанная тропа прямо к распахнутым воротам. И тишина. Страшные предчувствия накатили на нас ледяной волной. Никто не вышел на встречу, никто не бежит по тропинке с криками приветствия. Так не бывает. Нас не могли не заметить. Что-то случилось

Мы ворвались в ворота и застыли ошеломленные опустошением царящем здесь. Нет, ничего не было разрушено. Все юрты стояли целыми. Не видно было и следов пожара. Только трупы. Разлагающиеся на солнце, облепленные роящимися мухами, смердящие останки когда-то живых существ. Мужчины и женщины, обобранные до состояния неглиже, с рубленными ранами разбросанные в беспорядке там, где застала их смерть. Все имущество аккуратно своровано, вплоть до битого глиняного горшка. Именно аккуратно, так, как бережливый хозяин собирается к переезду. Страшное зрелище. Мой желудок сделал: «Фи», и я выскочил вон, назад за ворота.

Там долго приходил в себя, после полоскавшей мое горло рвоты. Затем, спустившись к

озеру, макал в воду голову, полоскал рот и пил, потом рвал, и снова пил, и пил. Ноги не держали, руки тряслись. Столько смертей одновременно я не видел в своей жизни никогда, да и вообще не видел, даже деда моего схоронили в мое отсутствие. А тут.

Назад вернулся не сразу. Долго еще скулил сидя на травке, собираясь с духом. Но надо. Пересилив себя, на ватных ногах, вернулся к друзьям, и в этот момент он набросился.

— Это ты! — Он брызгал слюной попадая мне на лицо. — Из-за тебя мы задержались. Из-за тебя погибли те, кого мы любим. Сдохни! — Он занес топор над мной, а я стоял, не смея сопротивляться. Никогда не видел его в таком состоянии. Всегда спокойный Гоня сошел с ума, а я только хлопал глазами, застыв с дебильной улыбкой на губах, и смотрел как опускается оружие. Медленно, в полной тишине, на удивление неторопливо касается волос, и в это мгновение замороженное время взрывается криками. Выбитая чьей-то рукой жуткая смерть отлетает в сторону, а напавший в истерике бьется в руках охотников, пытающихся его скрутить, и тут же передо мной вырастает фигура Дына, непробиваемой стеной прикрывая от взбесившегося соплеменника.

— Успокойся! — Орут в лицо сумасшедшего. — Не виноват Кардир. Мы всеравно не успели бы.

— Только посмей прикоснуться к моему фасту, проломлю голову, и не посмотрю на то что вождь! — Вопит, размахивая руками мой друг.

Все суетятся, орут, толкаются, только меня не отпускает. Стою вросшей в землю деревянной буратиной, улыбаюсь. Одно слово — дебил.

— Отпустите. — прохрипел скрученный Гоня, — не трону. — и раскидав держащих его в стороны, словно тряпичных кукол, шатаясь подошел к одному из разлагающихся тел, и рухнув, уткнувшись лицом в смердящую плоть, завыл... Жутко.

— Это его спутница (Такого понятия как жена в этом мире нет), — отрешено пошептал Дын опустив голову в землю, — и добавил еще тише, — а моих нет, он ссутулил плечи и побрел по поселку, безвольно шаркая ногами.

Оцепенение, навалившееся на меня, медленно отступило, и я сел прямо на землю, там, где стоял. Ноги не держали. Столько горя свалилось. Дроци, у которых не обнаружилось среди трупов родни, бесцельно бродили по разграбленному поселку, пиная ногами оставленный кое где мусор, а те, кто нашел знакомых, стоял на коленях, крутил руками ветрени, и шевелил губами молитву — плакал. Как это страшно, смотреть как совсем еще недавно здоровые и веселые мужики превращаются в стариков, а из смелых воинов в размазывающих слезы непонятно кого. Как в одно мгновение меняется живое существо. Горе потерь сильней всего убивает нас, высасывая душу.

— Ты прости меня. — Когда наконец вернулись силы я подошел и коснулся плеча, затихшего на безжизненном теле, Гони. — Если можешь.

Он поднял постаревшее в одно мгновение лицо и посмотрел мне в глаза.

— Я любил ее, — он встал на колени и отвернулся, как будто обратившись с жалобой к ветру. — За что...? У нас были такие прекрасные дочери. У меня был дом, был смысл жить... А теперь? — Он вновь уткнулся в труп и вновь завыл.

— Твои дочери живы. Они нуждаются в тебе. — Я не был уверен в том, что говорил, но чувствовал, что делаю все правильно. — Им нужна помощь. Соберись. А ее надо похоронить. — Я коснулся разлагающейся плоти, отвращения не было. Такой брезгливый по жизни. Что-то видимо поменялось во мне. Что не знаю. Но теперь я стал другой.

— Да. — Прошипел он и поднялся. — Да мы похороним и пойдем убивать. — Он не

стал пояснять кого именно собрался лишить жизни, но это было понятно и без слов.

— И еще. — Вождь развернулся и схватив меня за плечи крепко, до хруста сжал. — Извини. Я повел себя неправильно. Ты не виноват в случившемся, просто разум погас в тот момент в голове. Злоба затмила глаза. Прости.

Я смотрел в его глаза со земными зрачками, но видел в них глаза человеческие, простые человеческие глаза, с застывшей болью, и вспыхивающими огоньками жажды мести. И тут они вспыхнули такой яростью, что я невольно отшатнулся. Губы растянулись в хищном оскале и по поселку разнесся его твердый голос:

— Убитых собрать, завтра хороним. Потом день на сборы и идем убивать. — Последнее слово он выдохнул шипением так, что по телу пробежали мурашки.

Похороны проходили при закате солнца, в полной тишине. Сложенные аккуратно в ряд трупы передавали по цепочке, уходящей в озеро, стоящему последним, по грудь в воде родственнику, а тот отталкивал покойника погружая того в воду, затем его менял следующий, и все повторялось вновь. Тех, у которых не было среди нас родни, хоронил Гоня. Молились, молча, беззвучно шевеля губами, передавая из рук в руки скорбную ношу. Когда последний погибший был отдан озеру, охотники выстроились в одну линию и встали на колени лицом на закат. Стоять остался только вождь.

— Ветер! — Голос его зазвучал торжественно и печально. — Прими детей своих, в дом свой. Помоги им обрести покой. Приюти у костров предков. Помоги не забыть нас, друзей и родственников. Пусть дождутся. Мы встретимся. Мы скоро обязательно встретимся. — Он упал на колени вместе с последним лучом уходящего дня.

И небо наполнилось лунным светом, а звезды приняли души ушедших к ним.

Ты не такой

На следующий день я проснулся поздно. Не знаю, что на это повлияло. То ли скопившаяся усталость от дороги, толи нервное напряжение, от пережитого до этого, морально тяжелого дня, толи крыша над головой, пусть и не привычный, из прошлой жизни, потолок квартиры, а натянутая коричневая шкура какого-то животного, но всеравно, ощущение защищенности и покоя создает.

Огляделся по сторонам. Вчера, в темноте, не рассмотрел жилище, в котором пришлось ночевать. Ничего так себе. Уютненько. Непривычно конечно видеть вогнутые стены, но никакого дискомфорта нет, тем более, что перегородки, обыкновенные, прямые, на вид из рогожки сделаны, желтого цвета.

Юрта разделена на три отдельных помещения и коридор. Такой необычный дизайн, но удобно, ничего не скажешь. Из вещей остались только пол и сены, постарались грабители. Так что о быте говорить нечего. Дверей, как таковых тоже нет, просто проемы, закрытые чем-то вроде рол ставней, только открываться не вниз, а в бок. Электричества конечно тут тоже никакого нет, не изобрели еще, так что освещается все с помощью жира скильдима, но светильники довольно аккуратные, в них не плавают кусочки тряпки, как это было в пустыне на стоянках, а горит регулируемый фитиль, но самое интересное, это плафон, прозрачный и стеклянный, как у моей бабушки на даче. Первый раз тут увидел стекло. Где они его взяли? И еще почему этот светильник с остальными вещами не сперли? Загадка. В общем чисто и уютно. В моей городской квартире похуже было, не смотря на комфорт.

Заночевать здесь вчера пришлось с боем. Дом этот принадлежит Дыну, и этот фастир недоделанный, решил, что теперь он будет принадлежать мне, совсем офонарел. Зачем мне его дом? Нашел блин рабовладельца. Я, говорит на коврике лягу, типа покой охранять, а мое сиятельство в доме пусть отдыхать соизволят. И смотрит на меня как щенок побитый.

Ну я ему и высказался:

— Ты, твою маму, тудыт его растудыт, лягушка переросток, совсем охренел. Договорились же что я тебе друг, а не господин. Будешь так себя вести, верну к такой-то матери клятву твою вонючую взад.

Он побледнел сразу, заикаться даже начал:

— Нельзя клятву назад возвращать, и мама моя тут не причем совсем, и такая-то, чья-то мама мама тоже ни в чем не провинилась. Все осознаю и больше так не буду.

И кланяться давай. Охренел зараза. В общем окончательно осознал он все только после повторного моего матерного выступления, и угроз, извинился и спать в соседнюю комнату ушел, но глазами на прощание зыркнул, зараза.

Ну а как я еще мог поступить. Не могу я через себя переступить. Стыдно мне становится, неудобно, когда мне кланяться начинают. Не привык я к такому. Такое к себе отношение с молоком матери всасывается, а какого мне простому рабочему человеку? Обматерить, так это запросто, всегда пожалуйста, а от этого извините я пасс. Даже привыкать не хочу. И сейчас вон не разбудил, жалеет уставшую мою тушку.

На улице уже день, солнце в зените. Поселок убран. Все выметено, где было поломано отремонтировано, охотники сидят вокруг костра, руки греют. Угрюмые все. Молчат. Понять их можно. Такое на них навалилось. Я бы наверно выл, а они сидят и только желваками двигают. Кремни, а не мужики. Я, кивнул, поздоровавшись, и тоже молча присел рядом. Дын

сунул мне в руки миску с похлебкой. Ложек тут нет. Сначала жидкое через край выпиваешь, а затем уже остальное руками. Поначалу неудобно, но привыкаешь быстро, даже нравится начинать. Такая своеобразная неряшливость.

Долго молча сидели. Потом Гоня как-то неуверенно, отведя все три глаза в сторону заговорил:

— Мы долго совещались, Кардир. Не твоя это война. — Он поднял руку останавливая мое возмущение. — Подожди, я не все сказал. Из того, кого увели, ты никого не знаешь, а значит не можешь переживать и болеть за них душой, тащить тебя на смерть ради незнакомцев — это неправильно, поэтому мы не возьмем тебя с собой. — И снова махну на меня рукой, останавливая возмущение. — И еще. Ты вчера сказал, Дыну, что можешь вернуть ему клятву, и это, как он понял не оскорбит тебя. Друзьями вы конечно после этого не останетесь, но это уже и не важно, всеравно он скоро умрет. — Он замолчал, внимательно всматриваясь мне в глаза. И такая безнадега в них застыла, что жутко стало. — Это так? Ты сможешь вернуть клятву?

— Без меня мня женили. — Сказать, что я был в шоке от сказанного, это всеравно, что ничего не сказать. — Объясните мне, друзья мои зеленые, что тут происходит. — Клятву я верну без проблем, и от этого не перестану считать Дына другом. Даже больше скажу, верну с радостью, потому, что фастирство это мне не нужно совсем. Но почему вы думаете, что он умереть должен? Не видел я его еще жалующимся на здоровье. И с какого перепугу вы решили, что я с вами не пойду? Может стоило сначала моим мнением поинтересоваться?

— Ты даже не похож на нас. Ты другой.

— И что это меняет? Или вас напрягает, что я по симпатичнее выгляжу?

Дроци покатались от смеха.

— Ты, бледный уродец, симпатичнее? — Гоня даже захрюкал носом. — У тебя даже на один глаз меньше, а рот так вообще перевернут.

— Ага, еще я бородавками не покрыт и язык за болтливость не разрезали. — Я даже обиделся. — Хватит ржать. Объясняйте в чем дело. С какого рожна меня от себя гоните?

— Ой завел нас в нарушение правил обряда поминания мертвых, — Гоня обветрил себя священным знаком. — Ох накажут нас предки. — И еще раз обветрил. — Не гоним мы тебя. Мстить мы пойдем и умирать. Не одолеть нам баруцев.

— Это что еще за хрень нарисовалась? Кто такие?

— Ты не знаешь? — Он гневно посмотрел на Дына. Тот даже попятился.

— Хватит! — Рывкнул я. — Рассказывай, что за перцы. Кто виноват в моих знаниях, или незнаниях, потом разберетесь.

— Баруци наши враги, сколько себя помню, у нас вражда. То мы нападём на них, то они на нас. Из века в век так длится, из-за чего началось не помнит уже никто. Всегда ничья у нас. Силы одинаковы. Смерти конечно есть, но больше ранами отделяемся. Но в этот год по-другому все. Болезнь у нас приключилась, очень много дроцев озеру отдали, да еще и мы в неподходящий момент на охоту ушли, вот и побили нас. Баб с детишками они обычно не трогают, если только они сами в драку не кидаются. — он тяжело вздохнул. — к себе забирают, одних в подруги берут, других усыновляют.

— То есть вы деретесь, просто потому, что деретесь, делить вам нечего. — Я усмехнулся, вспомнив высказывание Партоса, из «Трех мушкетеров».

— Да, делить нечего.

— И много вы их поубивали? Я имею в прошлые разы.

— По-разному было.

— А договорится не пробовали.

— О чем с ними можно договорится, они враги, они даже разговаривать не станут.

Вот же придурки, детский сад, а не мужики. Это же надо убивать друг друга ради: «Просто подражаться». Ну ладно на кулаках сошлись удаль молодецкую показать, но топорами то зачем. А главное, что воспринимают все это как игру. Похоронили родных пошли мстить. Там поубивали, ждут ответку. Опять хоронят и снова убивать идут. Круг замкнутый. Они даже поговорить с друг другом не додумались. Как-то это надо исправить. Ведь пойдут сейчас биться, а там уродов зеленых больше раза в три, а то и похлеще. Перебьют их там, а я что делать буду? Да и жалко их. Привык уже к их мордам безобразным. Прикипел душой.

— Ну а со мной?

— Что с тобой?

— Со мной говорить будут?

— С тобой? — Он задумался, — С тобой, пожалуй, да.

— Тогда я с ними поговорю.

Ой дурак, ну и вот куда меня понесло. Вот сначала ляпну, а потом думаю. Пожалел он, видишь ли. Вот характер дебильный и язык без костей. О чем я с ними разговаривать буду? Кто я такой, чтобы меня слушали? И ведь не откажешься теперь. Дурак он и есть дурак.

До вражеского поселка меня провожал мой верный фастир, куда же я без него? Шли мы вместе не до самого поселка, а до тропинки к нему ведущий. К конечной точке ему нельзя, баруци не поймут, пристрелят на радостях старого своего друга.

Меня трясло, скорее всего, в предчувствии неприятностей, мозги совсем отключились, как в тумане шел, не хотелось бы думать, что это со страху. Дын уже остановился и объяснять начал, что дальше делать, когда до меня наконец дошло, что нахожусь я не в пустыне, и не в поле, а в лесу. В ЛЕСУ. Вот ведь напряжение нервное что делает. Как я вот так мог в себя провалиться, что не заметил такого.

Лес от нашего отличается, да что там говорить совсем не такой, чужой совсем. Даже под ложечкой засосало: «Как вы там без меня, березки милые?», защемило так в груди неприятно, аж прослезился.

Ну, а, что, деревья? Папоротник видел? Который в лесу сыром растет. Ну тот еще который в ночь на Ивана Купалу никак зацвести не может? Ну так вот, ничего общего.

Представь себе нашу березку, ствол один в один, даже наросты такие же, только втроем не обхватишь, хотя невысокий, на взгляд метров пять, ветки как у елки, вниз опущены, а листья сосновые иголки, только мягкие на ощупь, как у лиственницы, и к концам загибаются, а еще вместо шишек цветочки розовенькие, такая пастораль, аж противно. Кустарник местный, вылитый саксаул, один в один, только весь в шишках еловых и синего цвета. В общем разочаровал меня лес. Хотя, как вот отвлекся я на созерцание местной флоры, так и отпустило, мандраж прошёл. Руки, глянь, не трясутся.

Ладно увлекся, Дын мне уже все ухо отслонявил, клювом своим. И так, что там он говорит: Чтоб осторожен был. Понятно. Чтоб топор на готове держал. Вот чудак. Чем мне этот топор поможет, их там дюжины три или даже больше, и все с ружьями. Я даже потрогать железку свою не смогу, не успею, пристрелят раньше. Еще что. Не сворачивать с тропинки, тут недалеко. Это хорошо.

Кивнул я головой и пошел, а он в сторонке сел. Неужели ждать будет. Вот же верный какой. При первой же опасности в бой кинется, наплюет на последствия, настоящий друг. А я его, как только не обзываю. Не буду больше. Клянусь. Ну если только немножко, иногда.

Интересно, а сам то я могу быть таким — верным? Пожалуй, нет у меня ответа. Еще совсем недавно, там дома, вряд ли. Свалил бы при первой же опасности. А теперь? Вот иду, практически на смерть, а ради чего. Что меня гонит. Хочется верить, что дружба. Очень хочется. Но почему-то не уверен.

К поселку вышел как-то сразу. Лес кончился и ворота вот они. Даже вздрогнул от неожиданности. Постоял немного. Духу набрался, за коленки подержался, что бы не тряслись, и пошел.

Заметили меня сразу.

— Ты кто такой? — Образина, копия с дроцев снятая, на меня ружье направило и дулом спрашивает. — Что надо?

Струхнул слегка. Когда тебя так ласково встречают, мурашки особенно радуются. Но собрался с духом. Не для того же я сюда пришел, чтобы тут в обморок грохнуться. И заговорил грозно, мне так кажется.

— Вождя позови.

Что-то не прорвало его от моего грозного голоса. Ухмыляется ехидно гад. Наверно брови еще нахмурить надо было.

— Занят он. Обедает.

Вот тут меня прорвало. Трясучка с мандражом сбежали мурашек с собой прихватив, вот уж никогда за собой такого не замечал, затрясло аж от ярости, за такой наглый ответ, хотя нет, было что-то похожее с пантаром. У меня тогда тоже крышу сорвало. Обедать они соизволят, а я значит, червь поганый, ждать должен. Так, надо в руки себя взять, как бы делов не натворить. Собрался с духом, брови, на всякий случай нахмурил, и объяснил этой жабе зеленой все спокойно и подробно, правда немножко эмоционально получилось.

И что я думаю, и куда ему идти и на что идти, и много еще чего интересного. Все свое выступление тут описывать не буду, так как длинное получится, листов на семь, а так как, законом нецензурная речь запрещена, и запикивается, то получится семь листов точек с междометиями.

Прорвало его. Осознал, что был не прав, речь выслушал рот открыв, молча, не перебивал.

— Силен. Ща позову. — Заговорил он не сразу, только после того как челюсть на место вставил. Кивнул головой и в воротах скрылся.

Ждал я не долго. Появляется из ворот образина, вся в шрамах, мышцами перекачивается, рукой трехпалой рот свой вертикальный от жира вытирает. И ко мне. Улыбается гад.

— Это ты меня звал? — Вот дурной вопрос, кто еще то звать мог, один ведь я тут. — Говорят ты материться горазд. Повтори что стражнику сказал, а то он не запомнил.

— Повторю, только потом, если заслужишь. А сейчас поговорить надо. Отойдем?

Мы в сторонку отошли, и сели на опушке леса, рядышком, прямо как голубки поворковать.

— Говори. — Усмехнулся он.

— Зачем вы дроцев побили. Нечестно так поступать, не по правилам.

— И ты ради этого меня позвал? Зря время потратил. Теперь я правила устанавливаю. Я сильнее. Да и не записаны нигде эти правила. Так что я в своем праве.

— Можно подумать ты читать умеешь. — Усмехнулся я.

— Конечно. — Он даже обиделся.

Вот это новость. Эта образина грамотная. Может и друзья мои тоже. Никогда об этом разговоров не было. Выживу поинтересуюсь.

— Правила те неписанные, предками вашими придуманные, много поколений их соблюдают. — Попробовал я надавить на преемственность поколений, но не вышло.

— Жизнь меняется, с ней меняются и правила. Я сильнее.

— Это только твое мнение, и оно неверное.

— А ты докажи. — И опять нагло усмехнулся.

— Хорошо, зайдем, с другой стороны. Вот вы побили дроцев, теперь с кем биться будите? Рядом нет никого больше. Или сами себя мутузить до кровавых соплей начнете.

Он зачесал репу.

— Не подумал Что-то.

— Вот. — Поднял я палец вверх. — Верните им баб с детьми. Пройдет немного времени они опять достойными соперниками станут. Бейтесь на здоровье.

— Не правильно это. Отбить они их должны. Таковы правила.

Вот ведь баран тупой. Что мне с ним делать?

— Какие блин правила? Ты их только что сам отменил. Но хорошо. Давай тогда так.

Один на один.

— Это как?

— Вы что, один на один не дрались никогда?

— Не.

— Объясняю. Выходишь, к примеру, с одной стороны ты, а с другой стороны Гоня, и бьешься.

— До смерти? — Он аж подскочил на радостях, и ладошки потирает. Вот гад какой кровожадный.

— Почему обязательно до смерти, можно до первой крови.

— Не. — Он вновь сел. — Так не интересно.

— Ну хорошо, до смерти, так до смерти. — Я согласился, хотя внутри был абсолютно против.

— Это другое дело.

— Но перед этим надо условия придумать.

— Что еще за условия.

— Побеждает наш боец, вы нам баб с детьми возвращаете. Побеждает ваш, дроци уходят.

— Если они уйдут, кто с нами биться потом будет?

— Они не насовсем уйдут, через месяц вернутся, и снова один на один.

— Тут подумать надо.

— А что тут думать, так и скажи, что слабо.

Он аж подпрыгнул.

— Кому?

— Так тебе. Слабо. Струсил так и скажи. Чего тут выезживаешься.

— Согласен я бьемся завтра, противника выберу сам. — Он аж заревел от злости. О как его тукнуло по самолюбию.

Ха, и тут это дурное «слабо» сработало, купился. Сколько в нашем мире дураков от него пострадало, и ведь я один из них, а теперь сам применяю.

— По правилам они сами выбрать должны. — Я конечно возмутился для проформы, но уже понял, что спорить бесполезно.

— Нет больше таких правил. Я свои устанавливаю, я сильнее.

Ну и что делать. Придется соглашаться. Тут уж пан или пропал. Нашим деваться некуда. Не будет боя один на один, все придут. Перестреляют их тут, а так шанс какой не какой есть.

— Ладно согласен.

— Ты речь свою повторить обещал.

— Что? — Я не понял сразу.

— Что у ворот стражнику рассказал, повтори.

Раз обещал, то выполнил. Только серенько как-то получилось, без огонька. Всё-таки настрой большое значение имеет. Но ему понравилось.

— До завтра. — Мы попрощались, и он к своим пошел, а я к своим. Договорился на свою голову.

С ним биться буду

Дроцам мои договоренности понравились. В чем в принципе я и не сомневался. Отблагодарили они меня конечно своеобразно. Плече отбили в чистую. Каждая сволочь приложится старалась посильнее, выражая свою восхищенность дипломатическим даром такого мудрого меня. Рука теперь плетью висит, и синяк бордовый. Ну сволочи, да и только. Я им доброе дело сделал, а они меня искалечили. Но Дын обещал какой-то гадостью намазюкать и убедил, что к утру пройдет.

К утру не прошло. Обманул. Тоже гад, а я поверил. Нет, рука работать стала, только всеравно больно. Сижу теперь в сторонке, потираю отбитый орган, и ругаюсь потихонечку непристойно. Друзья мои зелёные чуть в сторонке полукольцом стоят. Впереди Гоня, на вороном коне. Шучу я, какой конь, не используют они такой способ передвижения. Ножками побегать они любители. Считают неправильным эксплуатировать чужой труд. Вот она истинная толерантность, даже без радуги как-то обходится.

Стоят дроци, как наверно ты уже догадался напротив ворот бруцких. Ждут. Переговариваются потихонечку. Нервничают. А те не спешат выходить, специально на нервы наверно действуют, не верится мне, что струсить тот здоровенный дядечка смог. Наверняка в дырочку в заборе подсматривает и посмеивается. Психологическое давление оказывает. Вот кто его такому научил? Тут ни школ, ни институтов нет.

Наконец-то. Соизволил супостат на бой явиться. Вон довольный какой вышагивает. Светится аж весь. Кожу жиром натер, брови в косичку аккуратно заплетены, если бы не рожа мерзкая, восхищаться можно. Медленно идет, в вразвалочку, топором поигрывает. Гоня на встречу два шага сделал и застыл памятником. Этикет, тут не возмущись. Тот подошел, раскланялись, в грудь себе постучали, то же часть обряда, разговор начали.

— По договоренности, мы пришли на битву, один на один. Ждем твоего выбора. — Наш то павлином стоит, только не хвост, а грудь распушил. Глаз подбородочный огнем сверкает, с другими двумя в переносицу противнику нацелились, и трио дырку сверлят. Сейчас дымок должен пойти.

Баруц, улыбается ехидно, головой кивает, собрание желающих подраться, напротив рассматривает. Я неподалеку, отвлекся слегка. Жук интересный под ногой попался. Блестящий, синего цвета, с каёмкой красной по краю хитиновых крылышек. Я его на ладонь посадил, люблюсь. Засмотрелся на чудо, пока там выбор происходил.

— С ним биться буду. — Под общий вздох, и последующий гомон дроцев, вынес вердикт поединщик.

Естественно меня заинтересовало, чего это наши так взволновались, на кого это такой возмутительный выбор пал? Глаза я поднял и прямо в нготь черный уперся. Чуть повыше взгляд перенес и в морду, улыбающуюся уткнулся. Сука. Прости за моветон, не сдержался.

Наши гомонят, руками машут несогласные с выбором.

Дын вокруг вождя вражьего прыгает, руками мельницу изображает, вопит сиреной:

— Меня выбери! Я фастир его. Меня можно!

Гоня за плечо беруца хватает, держит, вырваться не дает:

— Неправильно это, он не дроци, другого выбирай. — И грудь колесом топорщит, типа мня бери.

— Дроци не дроци, какая разница, с вами пришел, значит биться готов. — Смеется гад,

а мне то какого?

Все естество вниз опустилась. Встать вроде надо, а не могу. Прирос. Задница корни пустила.

Наши гомонят, возмущаются, а сделать ничего не могут. Я сижу глазами лупаю, улыбаюсь. Дебил дебилем. Еще радовался придурок, что так лихо все обставил. Дипломат хренов. Гоня подошел, по лбу мне пальцем постучал, дятел переросток:

— Ты как?

Что тут ответишь.

— Нормально. — Говорю. Как в тумане все. Мозги отключились, все на автомате.

— Не согласен он тебя на другого поменять. Уперся. Ничего сделать не можем. На вот. Возьми мой топор, он поострее и потяжелее. — И протягивает железку свою. — И да не обижайся на нас, если что.

Успокоил блин.

Ну что приплыли вы, господин Владимир Петрович Иванов. Пора некролог заказывать. Озеро ждет, рыбкам тоже кушать хочется. Шансов ноль. Как в сторону противника гляну, сердце останавливается. Но выбора нет. Поднялся не торопясь, а куда теперь спешить, торопливость сокращает срок жизни, в моем случае и так короткой. Стою на ватных ногах, начало жду. Такая пустота внутри. Топор у Гони не взял, какая разница, с каким сдохнуть. В голове туман в глазах круги разноцветные.

— Начали! — Кто скомандовал я не понял. Не до того было. Кто-то меня в спину подтолкнул, мол: «Чего стоишь? Топай давай.»

Я вперед глянул, улыбающийся баруци топором поиграл, воздух со свистом порубил, крест на крест, улыбнулся мне ласково, и не торопясь на встречу пошел. Все, это конец. Ну я и бросил свой топор не целясь, и не о чем не думая, бросил как камень, просто от себя швырнул посильнее, да и думать то не мог не о чем. Только мама привиделась перед глазами, кашей меня кормит манной в последний раз. Так тепло на душе стало. И все свет погас, отключился.

Да всё-таки привычка дело может и хорошее, но в моем случае неприятное. Вылет в астральное небытие, с возвращением каждый раз в новом месте дело гадкое. Точно говорю.

Глаза открыл, небо с облачками. Смотрю, оторваться не могу. Вокруг смех, бабы поют, дети кричат. В рай попал что ли. Неправильный рай какой-то, разговаривают не по-русски. Где-то я уже слышал такой язык? Понимаю все. Твою дивизию, я что в дроцкий рай попал, только мне здесь их рож видеть нахватало.

— Ты очнулся, Фаст! — Блин и дыня эта противная тут. Тоже в раю. Вон рожу корчит улыбается небо заслонил. Не, не может он в рай попасть с такой рожей не возьмут, ему место в чистилище, сковородки мыть. А ведь я рад его видеть. Черт, действительно рад, без дураков.

— Где я? — Голос свой не узнал, как из подземелья.

— У баруцев мы в гостях. Ты, когда их вождя завалил, упал в изнеможении. Еще бы, столько сил в удар вложить, точно ведь между глаз топор ему вогнал. И где только такого нахватался. У нас топоры не кидают. Научишь потом. А сейчас в гостях мы. Баруци пригласили. Они, оказывается, давно грохнуть своего старшего мечтали, да побаивались. Силен больно. Мировую мы гуляем. Простили все друг другу, по новой начать решили. Теперь вот празднуем. Тебя восхваляем. Благодарны тебе все...

— Нашли героя. — Пробубнил я, и сел. Вокруг карнавал бушует.

— Ту это. — Дын замялся. — Наши тут тебе клятву принести хотят.

— Чего? — Я не понял сначала, туман в голове еще не прошел, а потом дошло:

— Какую, на хрен клятву! Вы что сбрендили! Я, тебе-то вернуть хотел! А тут еще десяток придурковатых головорезов. Вон Гоне присягайте, он хотя бы знает, что с вами делать.

— Так это. — Стушевался друг. — Он первый и предложил. Так что теперь? Отказываешься? Как им после такого позора жить-то.

Долго, ненормативно с пояснениями, я донес до оппонента, что о таких вещах, надо спрашивать, а не ставить перед фактом. Он понял конечно, но на ответе с моей стороны, не перестал настаивать.

— Ладно, черт с тобой, уболтал языкастый. Согласен я. Но только, чтобы в последний раз. — Его с места сдуло. Вот что в последний раз? Сам что сказал не понял. Надо всё-таки голову полечить. Спрошу, может есть тут какая-нибудь мазь., от дури.

Фаст многоразовый

Ну вот скажи мне. Какой из меня герой? Нет, я теперь конечно не прежний Владимир Петрович. Теперь я грецкий орех двумя пальцами, указательным и средним, раздавлю, бегаю так, что олимпиаду, сразу все сезоны выиграю, но всеравно, не герой. Да и не хочу я в герои эти. Жизнь у них суетливая. То государства от злодеев спасти, то принцессу, не спрашивая на то ее согласия, от богатого папика выкрасть, а потом еще придумать, как не женится, потому что следующая претендентка на освобождения ожидает, сидя на сундуке с бриллиантами, хрустя круассаном и попивая чашечку кофе глясе.

Нет, не мое это. Но вот опять обстоятельства выше моих желаний. Не спросили меня молча поимели. Был один придурок в подчинении, теперь будет целое племя. И что мне с ними делать? Вот и я не знаю.

Присягу они решили провести торжественно, с подобающим застольем по окончании, да еще в присутствии гостей. Помирил, блин, на свою голову дроцев с баруцами. Где же ты, моя спокойная прежняя жизнь. Любимый диван, с протертой от частого соприкосновения с головой подлокотником, телевизор, с таким милым бредом эфира, усыпляющего лучше мамино колыбельной песенки в детстве. Где ты покой. Сейчас заплачу.

— Фаст — Все готово. — Дын склонился в поклоне, прервав мою слезливую ностальгию.

— Сейчас я тебе в лоб дам. Сколько раз тебе говорить, что я не фаст, а друг, сколько просить не кланяться. Ты специально подбиваешь вернуть клятву.

— Кардир! Я не понимаю твоего раздражения. То, что ты мой фаст, не отменяет того, что ты мой друг, поклон является частью необходимого ритуала, меня перестанет уважать племя, если я не буду высказывать почтение своему господину, пусть и другу. Смирись.

— Не могу. Меня коробит от такого. Неудобно становится.

— Придется привыкать. В твоём подчинении скоро будет много фастиров. Давай друг, соберись. Подотри сопли. Тебя ждут. Все готово к ритуалу. — Он хлопнул меня по плечу. — Идем.

В центре поселка, около ритуального костра собралось все местное население. Кстати костер действительно ритуальный, олицетворяющий собой жизнь племени. На нем никогда не готовили пищу, и всегда поддерживали горение. Он даже был не костром, а скорее имитацией. Внутри сложенных дров горела, довольно крупная лампадка, и каждый дрок мог подойти и погреть руки, вроде как прикоснуться к самой жизни. Красивый ритуал.

Сам поселок изменился. В него вернулась жизнь. Бегали дети. Ото всюду слышались голоса. Где-то ругались, где-то смеялись, дроци вообще народ шумный, темпераментный. Воздух наполнился запахами пищи, не помойными общепитовскими, а уютными, домашними. Территория вычищена и выметена, посыпана желтым песочком, наполнена уютом, который могут создать только женские руки. Мужик такого сделать не сможет, какой бы он аккуратист не был. Ведь даже брошенный на спинку стула в беспорядке женский халат создает определенный шарм в маленькой спальне, и это совсем не то, что брошенные у

кроватьи мужские носки. Согласись.

Меня ждали. Нет не толпой. Стройными рядами. Впереди мужчины, защитники и добытчики, сзади женщины, хранительницы, и в самом конце дети — будущее племени. Тишина, не звука, даже мухи молчат, поддавшись общему настрою витающей в воздухе торжественности момента.

Вперед вышел Гоня, и встал на колени.

Фаст Кардир. — Он заговорил громко и торжественно. — Племя дроцев просит принять их жизни в твое подчинение. Не откажи. — Он ткнулся лбом в песок, и все последовали его примеру.

Странное чувство. С одной стороны, гордость за себя, с другой удрать хочется от чувства неловкости от происходящего. Но надо взять себя в руки. Если я откажу, то нанесу обиду, которую никогда не простят.

— Принимаю ваши жизни в полное свое подчинение, и да будет так во веки веков. — Я говорил хриплым дрожащим голосом. Волнение, как себя в руках не держи, а всеравно пробивается. Дальше пошел по рядам касаясь каждого, начиная с Гони, и они следом вставали с колен, сияя улыбками счастья. Полный бред. Стать добровольно, практически рабом, и радоваться этому. Мне такого не понять.

Потом мы бухали. Да я не оговорился. Первый раз в этом мире я попробовал спиртное. Не скажу, что это блещущее ароматами послевкусия великолепное вино, нет простое плодово-ягодное, но весьма приятное на вкус и неплохо пьянящее. Столов как таковых не было, их заменяли рогожки, расстеленные прямо на земле. Но зато они ломились от угощений. Рыба, жареная, копченая и под маринадом, мясо — местный шашлык, со специфическим кисло-сладким вкусом, не скажу, что противно, но мне не зашло, стереотип видимо, слишком на наш непохож. Какие-то варенья и соленья, тоже весьма странные, из неизвестных мне ягод и грибов, и даже мед, как мне объяснили, жутко редкая вещь, подарок баруци.

Затем, под уходящее солнце, на фоне заката, танцы вокруг ритуального костра, под губной аккомпанемент имитации барабанов, и мое сольное исполнение барабанной дробы. Был бы трезвый, не за что не согласился бы губами играть. Нужно бубен изобрести. Попаданец я или погулять вышел.

И в завершении, уже почти в полной тишине, еще один геморрой на мою задницу. Приход баруци. Да. Явились. В полном составе. Думаешь побухать на халяву? Не, они все с собой приволокли. До моего покоя они явились докопаться. Попользовались пьяным придурком. Им видите ли тоже свои жизни девать некуда. Прими, в свое полное подчинение, дорогой ты наш долбодятел. Ну я и принял. А вот для чего им это нужно было? Ответ на этот вопрос я узнал утром.

Вокруг плескалась прохладная водичка, лаская кожу. Nirvana. Я лежал и наслаждался. Озеро у берега мелкое, и потому можно было, положив руки под голову, валяться прямо в прибрежных водах, погрузив тело на половину, и касаясь спиной песка.

Они пришли вдвоем. Гоня и еще один незнакомый зеленый. Сели на берегу и уставились на меня. Ждут. Какая уж тут теперь nirvana, когда на тебя пялятся. Пришлось выходить.

— Ну? — Я встал напротив, и они оторвали свои задницы.

— Поговорить надо. Фар. — Склонили они головы.

— Говорите, — я устроился, скрестив ноги на песке, — Не стойте, садитесь. Я слушаю.

— Это Струг, новый вождь баруци. — Представил Гоня своего спутника, тот склонил голову.

— Ты скорее всего не понимаешь, зачем мы отдали жизни. — Заговорил тот.

— Это так. Я еще могу понять Дына, он считает, что обязан мне, хотя я придерживаюсь другого мнения. Да и вообще я против того, чтобы мне кто-то подчинялся.

— Не спеши. Как раз пример Дына и привел нас к принятию подобного решения. Начнем с того, что ты поступаешь не как настоящий Фаст, не унижаешь, не заставляешь поступать вопреки своей воле, ведешь себя скорее, как друг. Это многое говорит. Мы так же видим, что ты совсем не герой, но ты можешь победить страх. Все живые существа бояться, но вот победить это чувство, дано не всем. Так же в поединке с бывшем вождем баруци ты выиграл только благодаря чуду. Но и это очень важно. Везение просто необходимо настоящему Фасту. И наконец, мы долго думали и совещались, собравшись двумя племенами, пока ты был без сознания, как дальше жить.

Нас много таких как баруци и дроци, но все разъединены на племена, мы разобщены, хотя являемся одной расой. Иногда торгуем между собой, но чаще деремся, подчас даже не зная почему. И вот мы решили, что может быть это знак ветра, посланный нам. Твое появление, такого странного существа из другого мира, знак, что пора объединится. Забыть все старые обиды. Простить друг друга. Ты можешь стать символом, за которым пойдут остальные. Пойдут, чтобы объединится, и создать новое общество.

— И для того вы меня практически шантажом, заставили принять клятвы жизни у одних, а потом напоив и с другими сделать то же самое. Очень благородно и правильно.

— Извини. Номы видели, что ты не стремишься к лидерству, а нам это было необходимо.

— Без меня — меня женили. Секс с согласия только одной стороны называется изнасилованием. Вам так не кажется?

Он потупился, опустив голову.

— Я же уже извинился.

— Ладно, проехали. Так что вы хотите от меня?

— Ты должен дать название новому объединенному племени, которое отныне будет носить вся наша раса.

Он не успел договорить до конца, как я уже определился:

— Долбоящеры, вы. — И со злорадством посмотрел ему в правый глаз.

— Дольсящ, произнес он на свой лад, — Красиво звучит, а что это значит?

— Великие. — Соврал я и покраснев опустил голову. А что я ему еще должен был ответить. Не правду же. Надеюсь в этом мире не найдется переводчика, способного дать пояснения.

— Да! — Вскочили, взревев новоиспеченные долбоящеры. — Это на столько красиво звучит, и так правильно по смыслу, что мы просим тебя Фаст, присвоить нашему племени это прекрасное название.

Вот, блин, пошутил, на свою голову. Как теперь смех сдерживать, когда они с гордостью себя так называть будут. Думай наперед, дурак.

И это пчелы?

Ее огромные, глаза светились жаром желания, слегка приоткрытые пухлые губы манили страстью.

— Лариния. — Прохрипел я, и впился в эти желанные кораллы страстным поцелуем страсти, и....

Получив удар по пузу и шлепок в лоб проснулся.

— Ты это чего надумал, Кардир. — Дын крутил ошарашенно глазами, остервенело очищая губы трехпальными ладонями, и с отвращением очищая рот. — Ты же можешь к себе любую женщину в постель взять, не посмеют отказать Фасту, пусть им и неприятно будет, но разделят ложе. Я не гожусь для подобных дел.

— Ты чего несешь, придурок, какое ложе! Ты вообще, как тут оказался?! Тьфу блин, такой сон обломал. — Стыдно то как, аж до чертиков. Я пытался скрыть это чувство под возмущенным криком, и плевался, матерясь и брезгливо вытирая ладонями рот. Вот, что за гадство такое. Это же надо в такое позорище вляпаться.

— Это, что же тебе такое приснилось? — Эта сволочь заржала так, что я вообще начал искать место, где можно провалиться под землю. — А я-то уж подумал, что мой хозяин того..., мной заинтересовался. Уж и не знал, что и думать. Варианты для отказа перебирать начал. — И закатывается подлец, давится хохотом, не останавливается, вот ведь гад.

— Твоей рожей вообще только пантар интересуется, и далеко не в сексуальном смысле. — Я не выдержал и сам рассмеялся. — Видел бы ты свои глаза! Они на полметра из головы вылезли.

— Ты бы свои видел... Да, и еще не напоминай мне про того пентара, ведь именно с его доброй подачи, тебя такие сны посещать начали, знаю я кто тебе спать не дает... — И ржет сволочь — Но все-таки ты некрасиво ты поступил с той зверушкой. Зачем ты ей дырку в темечке проковырял?

Дальше мы просто катались в истерике, тыкая в друг — друга пальцами, не в силах прерваться и что-то сказать.

Заглянул Гоня:

— Вы это чего?

Мы только и смогли махнуть на него одновременно руками, мол не мешай. Он улыбнулся и пожал плечами, будто соглашаясь.

— Расскажите потом. — И исчез. Я только и смог погрозить Дыну кулаком, чтобы молчал, и мы вновь, посмотрев друг на друга, грохнули хохотать.

Оказывается, что Дын приходил, сосем не за тем, чтобы со мной целоваться, он хотел сказать, что прибежал посыльный от баруци. Строг приглашал на сбор меда, обещая кучу эмоций. Что там может быть такого интересного, бортничество меня как-то никогда не интересовало? Но отказаться нельзя. Своего рода сближение племен.

До того, как нас пригласили на сбор меда, мы уже сходили на совместную охоту двух племен в пустыню, где завалили дружными усилиями скильдима, попутно пополнив запасы поселков топливом для светильников и священных костров, теперь нас в ответ зазывают на совместную веселуху. Все правильно, дружественные походы соединяют лучше, чем болтовня до состояния коматоза за кружкой компота.

Подготовка к походу за медом, это вообще, отдельная история. Мы зачем-то три дня

пили исключительно воду и ели патоку, а также ежедневно, утром и вечером натирались какой-то зеленой мазью с резким неприятным запахом, липкой и сушащей кожу. Тренировались кидать своеобразные дротики, с кожаными набалдашниками набитыми сухой травой, на концах. Нужно было непременно попасть в раскачивающуюся на веревке мишень в виде шара. Зачем это все надо при сборе меда я не понимал, а мне не объясняли.

Еще своеобразная диета и мази куда не шло, запах отбить это наверно важно, но причем тут дротики? Еще прятаться в кустах учились и быстро маскироваться, причем этому уделялось огромное значение. В общем баруци издевались над нами по полной.

Наконец этот день настал, и мы выдвинулись. Два дня шли по лесу, по еле заметным тропам, поросшим травой, больше похожей на мох, с голубыми цветочками. Несуразные деревья: березы похожие на елки, ели похожие на мухоморы, гибриды папоротников с лианами. Чего только не посмотрелся за время путешествия. Чудна извращениями местная флора, а уж про животный мир вообще не стоит говорить, тут и объема большой советской энциклопедии не хватит описывать. Чего только стоят воробьи-муравьи: голова и крылья птичьи, тело и лапы насекомого, жуть. Набрался впечатлений так, что теперь месяц кошмары снятся будут.

Строг запрещал по дороге разводить костры, чтобы не пропахнуть дымом значит. Поэтому питались в сухо мять, и спали на деревьях. Ощущения от ночевки, это вообще, что-то неопишуемое. В коконах паучьих спали, повыгнав предварительно хозяев на улицу. Происходило это так. Строг. Находил подобные логова, кидал перед ним кусок чего-то похожего на сыр и потом мы с криками, размахивая руками набрасывались на вышедших полакомиться пауков. Пауками я их конечно называю только потому, что паутину плетут, а так они больше на гномов похожи. Две руки две ноги, и голова, заостренная в районе макушки, с глазом на ниточке, ну вылитым помпончиком, в общем не животное, а меча наркомана. Разогнав этих чудов-юдов, мы залазили в их коконы и спали. Строг обещал, что они до утра не вернуться и не побеспокоят. Так и происходило. Тепло, кстати и уютно, будешь в этих местах, советую

В общем впечатлений полные штаны. Наконец, на третий день сбор меда начался. Все, что до этого происходило, можно назвать серой ежедневностью, по сравнению с тем, что началось дальше.

— Увидите гронса, — я так понял, что это он пчелу так назвал, — кидайте дротик и сбивайте на землю, и тут же в сети ее пеленайте, только под хвост не подставляйтесь. — Что под хвостом произойдет не объяснил, это, кстати, меня немного напрягло. — Скрутили, тут же в кусты прячетесь и ждите, обязательно еще прилетит. — Наставлял Строг.

— Что прилетит? — Поинтересовался Дын.

— Гронс, дурак, что еще там прилететь сможет? — Улыбнулся охотник.

— А мед тут вообще причем? — Я искренне был удивлен, ну никак у меня не вязалось то, что описал баруци со сбором сладостей.

— Все потом, они уже рядом, быстро прячетесь.

Нырнул я в кусты, в сторону отполз, все как учили, ветками какими-то и мусором голову посыпал, типа замаскировался, и замер в ожидании. Скучно, едва не уснул, но все когда-то заканчивается. Послышался гул, сначала едва слышный, но нарастающий с каждой минутой и вот уже лес трясется от рева, а на поляну вылетает монстр.

— Ни хрена себе пчелка Майя. — Открыв рот от удивления непроизвольно воскликнул я.

Да, это было что-то. Полуметровое чучело, на стрекозиных крыльях вывалилось из леса, и зависнув над полянкой с бордовыми цветками, воткнуло в один из них тонкое комариное жало, и принялось сосать, делая характерные глотки, и закатывая фасеточные глаза от удовольствия. Черная, в желтую полоску тушка вздрагивала, поглощая нектар, шесть тонюсеньких ножек мелко дрожали, а длинный змеиный хвост кренделя выписывал.

Ладно, не для того я тут что бы разглядывать. Прицелился и швырнул дротик. Удачно попал, как раз где хвост с телом соединяется. Чудище замолкло в одно мгновение и грохнулось смачным шлепком. Я прыгнул с сеткой наготове, но запутался ногой в ячее, и пока освобождался, вездесущий Дын уже спеленал зверюгу.

— Назад, в кусты, — зашипел он, и мы, нырнув в заросли, затаились, снова закидав себя ветками. Вовремя. Еще одно, такое же недоразумение вылетело из леса, и зависла над местом недавней битвы.

Теперь дротик моего фастира был точен, а я, в свою очередь, уже пеленал. Нет, не зря баруци на счет хвоста предупреждал. Едва меня этой штукой не прибили, в двух миллиметрах от уха просвистело и как кнутом пастуха щелкнуло, но все хорошо закончилось. К нам уже спешили Гоня со Строгом, и тащили на плечах свою добычу. Удивительно, но не смотря на огромный размер, эти пчелки были на удивления легкими.

— Мед то мы, когда собирать начнем? — я задал естественный вопрос. — Мы вроде не на охоту пришли?

— Так, все, собрали уже, сейчас подоим и домой.

Вот это номер, оказывается тут мед доят вот у этих милых созданий, забавно. Никогда бы не догадался. Процесс довольно интересный. Берешь кожаный бурдюк, нащупываешь в складках кожи тонкую сиську, засовываешь конец в бурдюк и доишь как корову. Опыта у меня, конечно, такого нет, ну не дояр я, от слова совсем, но ничего приноровился кое как. Правда измазался весь, липким стал и сладким. Сиська эта, проклятущая, постоянно выскакивала, и в меня струей плевалась. Но это не беда, мне Чупа-чупсом только до ближайшей речки походить пришлось, там отмылся. Вот такой вот он, местный сбор меда.

Гронсов отпустили потом, там оказывается после меда брать нечего, а убить просто так, ради забавы, среди нас желающих не было. Переночевали в коконах и на следующий день домой двинули.

Если ты меня сейчас спросишь: «Что я делаю?», то я тебя укушу. Потому, что злой как черт, мокрый и нахожусь в такой заднице, что любые описания не будут стоить и моих выкинутых ботинок. Какой-то островок посреди моря несущейся мимо воды. Нет, это все тот же лес, только затопленный. Объясню, как сюда попал:

Меда мы набрали. Прилично вышло. Строг сказал, что редкая удача, обычно меньше получается и на меня с хитринкой посматривал, как будто в этом моя заслуга. Даже неудобно стало. После пчелиной дойки отправились домой. Вот ведь совсем вроде немного времени с момента моего знакомства с этими зелеными рожами прошло, а я уже привык к их необычному облику, уже не кажутся они такими уродливыми. Теперь отличаю их одного от другого, не то, что в первое время, все друг на друга похожи были, одномордыми близнецами. Вот ведь какая человек удивительная скотина, быстро привыкает ко всему, что к плохому, что к хорошему.

Идем, значит, мы мирно, никого не трогаем, только пауков изредка, да и то только вечером, чтобы переночевать с комфортом. И надо же такая напасть, дождь зарядил. Все сильнее и сильнее поганец. Строг даже заволновался:

— Не нравится мне это, как бы беды не приключилось. — И все на небо посматривает Нострадамус недоделанный. Накаркал. А льет все сильнее и сильнее.

Где там что прорвало не знаю. Помню только крик:

— Держись! — А дальше треск, грохот, вопли охотников, и меня волной смыло.

Хорошо, что плаваю неплохо. У бабы с дедом в деревне натренировался. Там речка неширокая была, мы с пацанами соревнования устраивали, кто быстрее туда и обратно. Каждое лето туда и обратно. Детство, детство, прекрасные годы. Вот черт, аж на слезу пробил. Особенно сейчас забирает, когда тут один сижу. Но это лирика. Так вот:

Плыву я значит, отрабатываю популярный в народе стиль: «По собачьи». Из очередной волны выныриваю, фыркаю, со стволов, телом своим многострадальным, кору сбиваю, кусты, что прямо по курсу, мордой-лица царапаю. Пытаюсь ухватиться хоть за что ни будь, не получается, руки замерзли, пальцы ватные, да и несет с приличной скоростью. Молиться начал. Для начала православные молитвы, по-своему конечно, по дебильному, слов то не знаю, не научился, потом ветру, местному богу, затем предков помочь просил, ну а за тем и сразу всех, каких вспомнить смог, призвал в судьбе своей поучаствовать. Помогло. Не знаю, кто из них откликнулся, но вынесло меня на островок. Маленький, такой совсем, и сырой.

Долго я валялся и плевался, отдышаться не мог. Вокруг тьма непроглядная. Ночь наступила. Дождь моросит. Бодренький ветерок мурашки гоняет. На мне одежда Адама. Прекрасное время что бы сдохнуть. Почему одет так? Что тут удивительного. За то время, что я тут нахожусь, и что мне пережить пришлось, одежда того, порвалась. Теперь я на Маугли похож. Естество кожаный гульфик прикрывает на завязочках, вот и вся одежда, хотя нет, вру. Еще веревки две, на груди перекрещены, как у того матроса, лента с патронами, из старого фильма, не помню, как называется. На веревках этих у меня топор висел, с одного бока, а со второго нож, ключевое слово: «Висел», теперь не висит, смыло. Хорошо, что нож сохранился. Толку правда от него ноль. Согреть не сможет. Веток нарубить конечно получится, кустарника на этом озере полно, на хороший костер хватит. Но огонь-то как развести? Неправильный я попаданец. Другой хлопнул бы себя полбу и вуалям, искроглазое

пламя пылает, и греет могучего героя, великого меня.

Говорят, что если камень о камень, поколотить как следует, то обязательно возгорится искра, ну а за ней и пламя естественно. Чем собственно я и занялся. А так как свободных камешков в округе не наблюдается, то применил доступные ингредиенты — зубами стучу, и судя по звуку и интенсивности до искры осталось немного.

Вот так, приняв позу трясущегося эмбриона, под барабанную дробь немеющих челюстей, встретил рассвет. Даже не обрадовался, сил не было.

— Фаст, это ты?

До моего затуманенного сознания донесся слабый голос.

— Нет блин, Дед Мороз. — Огрызнулся я на автомате, и только потом сообразил, что меня зовут. Что я не один, что есть еще кто-то есть живой в этой заднице мира. Я вскочил на ноги, и бешено закрутил головой, в поисках источника голоса.

— Кто тут, отзовись! — Завопил. — Не вижу.

— Тут, — ответил голос еле слышно, и над водой поднялась рука.

Строг, господи, как я рад видеть его уродливую рожу. Живой. Среди мусора, из листвы и веток, торчит голова, и рука, цепляющаяся за кусок ствола какого-то дерева.

— Сейчас друг, потерпи, я быстро. — Прыгнул в воду и через мгновение был уже рядом. — Хватайся за меня, помогу, вытащу.

— Руку не оторвать, затек, да и плавать не умею. — Прохрипел он в ответ. — Ты если выживешь, передай моим, что помнил о них до конца. Два сына у меня, пусть достойными вырастут, и папку не забывают. И жена. — Он замолчал, подбирая слова. — Пусть не плачет особо. Поклянись.

— Какой, твою маму, выживешь? Ты вообще, о чем? Ну-ка соберись, ихтиандр хренов. Давай, цепляйся за меня. — Я оторвал его руку от ствола, и схватил мгновенно погрузившееся в воду тело, за заплетенные брови. Очень кстати удобный способ спасения утопающих, рекомендую. Через пять минут, уже делал искусственное дыхание, как вспомню этот момент, меня тошнить начинает, и вытряхивал через колено воду из легких, суицидника.

Получилось. Захрипел он закашлялся и глаза открыл.

— Где я?

— В раю блин. Только своеобразном, для мазохистов.

— Фаст Кардир. Это ты?

— Нет твою мать, Архангел Гавриил.

— Тебя так звали, пока ты сюда не попал?

— Послушай Строг, если ты разочарован, что не утонул, и пытаешься спровоцировать меня доделать работу воды, то ты на правильном пути. Я уже почти готов добить. Не тупи, а.

— Я понял. — Он слабо улыбнулся. — Где мы?

— Понятия не имею, водой унесло. Тебе лучше знать. Ты местный.

— Судя по всему мы в районе болот, но это неточно, ориентиров нет, все залито. Надо ждать пока вода сойдет.

— И долго?

— Дня два три.

— Не дождемся, от холода околеем, сдохнем мы тут за это время.

— А если костер развести?

— Я что, фокусник?

— Не знаю кто это, но если ты найдешь подходящие ветки посуши, то все получится. Я не смогу ходить, ноги не слушаются. Придется тебе.

Видел ты когда-нибудь как костер с помощью двух палок разжигают, нет не по телевизору, а в живую? Происходит это долго и нудно:

Сначала я носился, подбирая подходящую древесину для терок, Строгу, то что я приносил, не нравилось, то гнилая, то сухая, то порода не та, в общем пока угодил извращенцу, согрелся бегая. Потом выковыривал какой-то пух из непонятных шишек, за тем таскал все подряд, готовое гореть в будущем костре. В общем вспотел.

Все это время Строг тер. После долгих его мучений, наконец заструился слабенький дымок, потом посильнее, и вспыхнул огонь. Пусть слабенький, нестерпимо режущий глаз дымом от сырых дров, но согревающий ласковым теплом тело — огонь.

— Что у тебя с ногами? — Я поинтересовался, когда мы наконец обсохли.

— Не знаю. Меня в спину ударило то дерево, за которое я держался. Ноги тогда моментально отключились, да и я честно говоря вырубился от боли, но слава ветру умудрился как-то зацепиться, и не утонуть.

— Спина — это серьезно.

— Я знаю. У нас был один такой в поселке. С дерева упал. Жил лежа. И сам намучился и семью намучил. Лучше сразу того....

— Ну это только твое мнение, и оно неправильное. Тебя же ждут и любят. А инвалид это не тот, кто ходить не может, а тот, кто ничего делать не хочет.

— Нам всеравно от сюда вдвоем не выбраться. Один ты дойдешь, а со мной вряд ли. Я объясню, маршрут. Вода спадет и иди.

— Заткнись. Хватит ныть. Рано хоронишь. Я может и не герой, но упертый. Выдюжим.

Мы молча смотрели в костер. Не смогу я его тут одного оставить. Может он и прав, что вдвоем не выйти, и я бы на его месте так же говорил, но думаю, что и он на моем месте не смог бы бросить меня. Похожи мы в этом.

Гордый Варяг

Только на третий день вода спала на столько, что можно было выдвигаться. За это время соорудил что-то похожее на волокуши. Ничего особенного в наших условиях изобразить не получилось. Пучок веток, связанный в одном месте веревкой моего патронташа, раскрытый в другом конце веером. Сверху лежит Строг, с моим ножом на пузе, а куда еще прикажете девать столь острый предмет, привязать теперь некуда, если только к гильфику, но что-то я опасаясь последствий, а руки заняты транспортировкой.

Вот таким вот паровозом и тронулись. Медленно. Тяжелый гад, еще и стонет: «Брось меня.», — убил бы. И так на душе муторно, но куда денешься — тащу.

Ноги пробуксовывают, земля еще влажная, не просохла после наводнения. Но я приноровился. На четвереньки встал и кряхчу — упираюсь. Веер слегка переделал, веревку удлинил, через плечо перекинул, неплохо получилось, только режет, зараза, приходится перекидывать периодически на другое. Но ненадолго это помогло, натер оба, до кровавых мозолей. Но что делать, не бросишь друга.

К вечеру наткнулись на паучьи коконы. Обрадовался поначалу. Место переночевать нашлось. Веревку с плеча сбросил, и кинулся их пугать, прямо на четвереньках. Рот открыл, чтобы заорать пострашнее, а оттуда только шипение, а эта сволочь сзади, Строг который, еще и ржет. Точно убью.

Не испугались гномы, стоят, свои нитки-глаза таращат, а убежать не спешат.

— Палкой в них кинь, только не попади. — Комментирует сквозь хохот сзади больной. И не поймешь, толи серьезно, то ли стебается. Смеяться то не перестает.

Решил к совету прислушаться. Выбрал сук потяжелее, и кинул. Кинул — это не подходящее слово, скорее, подкинул, это определение больше подойдет к сути того, что мне удалось совершить, сил совсем нет. Но ничего подействовало. Разбежались. Наконец-то в тепле и с комфортом переночуем. Правда сначала пришлось Строга в кокон запихать, тяжелый он, а сил уже нет, потом еще и желудки долго спать не давали, хором пели очень громко: «Покормите нас». Еще бы, три дня не жравши. Но мы восприняли их дуэт как колыбельную, и отрубались в мрак.

Утром проснулся бодренький. С полным ощущением того, что вчера был избит ногами толпы отморозков. С кряхтением вытащил Строга из кокона, вернее вывалил, потому, что доставать его тушу сил не было, я просто кокон ножом разрезал и все, груз доставлен. Подумаешь синяк у него на попе появился, одним больше, одним меньше, не все ли равно.

Только не подумай, что он тюфяком на моих плечах путешествует, нет, он помогает, руками отталкивается, старается как может. Вон половины ногтей нет, и ладони все в кровь изрезаны.

— Поесть бы нам надо, совсем обессилим. — Его потрескавшиеся губы выглядели жутко, просвистывая усталым голосом слова, они и так-то красотой не блистали, а сейчас вообще представлял собой зрелище не для слабонервных. Да и сам их обладатель выглядел право слово не комильфо. Нижний, подбородочный глаз повис затуманенной тряпкой, правый затек огромным синяком, где только приложиться так успел, я вроде тащил аккуратно. Но думаю и у меня вид был не лучше.

— Я понятия не имею что тут съедобно, а что нет, и потому ничего не соображаю в местной кулинарии, а ты двигаться не можешь так что.... — Я развел руками показывая

степень нашей неготовности к добыче обеда.

— Вон гриб под кустом. Видишь? Ниже смотри, правее, листом сверху прикрыт. — Он тыкал пальцем показывая направление.

— Это та синяя хрень, похожая на кусок дерьма?

— Тебя от этой хрени зауши не оттянешь. — Усмехнулся он, — а за дерьмо ты еще у него прощения попросишь. Давай сделаем так, ты палок натаскаешь, и пойдешь собирать грибы, а я пока огонь разведу.

Так и сделали, и уже часа через полтора, сидели у костра с раздувшимися животами и блаженно жмурились на подпрыгивающие искорки. Грибы были действительно вкусными, даже без соли, наелись от пуза, и еще нажарили на веточках про запас в дорогу.

— Все, готов. — Промурлыкал я, закатив в нирване глаза.

— Да погоди, куда спешишь, пусть хоть чуть-чуть в животе уляжется, успеем.

— Нет, ты не понял, я не идти готов.

— А к чему тогда?

— У грибов прощение просить.

Такого хохота лес не слышал скорее всего никогда, в своей многовековой истории. Здесь смешалось все, и безысходность нашего положения, и радость от отдыха и обильного обеда, и усталость от дальней дороги и выпавших испытаний. Он вырывался из глоток громким эхом и с истерикой прятался в кроне деревьев.

— Эх, попить бы еще, — вздрагивая от смеха выдохнул я

— Там дальше должен быть ручей.

— Ты что места узнаешь? — Я мгновенно стал серьезен.

— Да. И это меня не радует. Далекое нас закинуло.

— ?. — Я просто посмотрел ему в глаза, но он понял.

— Дня два, но это если нормально, а так как двигаемся мы — то не знаю.

Обрадовал. Лучше бы молчал, настроение сразу упало. Сложил я ему на пузо жареные грибы, туда же нож, впрягся в сбрую, заржал жеребцом, и потащил. А что делать, выбора нет. Сидеть и ждать смерти не хочу, бросить тем более не могу, совесть не позволяет.

Есть такой орган у человека, никто не знает где находится, но все пользуются, по мере индивидуального развития конечно, у меня видимо он гипертрофирован. Взял ответственность на себя, сдохни, а выполни. Пищи — но тащи. Непопулярно сейчас это, знаю, но сделать с собой ничего не могу.

Уже к полудню силы окончательно истощились, и я упал в траву. Долго лежал не шевелясь, пытаюсь отдышаться. Очнулся от того, что Строг воет, подполз к нему заглянул в лицо. Он плакал.

— Ты это чего. Прекращай. — Попытался успокоить и сам чуть не завыл. Такая безнадега накатила.

— Мог, убил бы себя, и нож есть, а не могу. Не примут меня тогда к себе предки, трусом посчитают. Бросил бы ты меня Фаст. Или добил. Не дойдем вдвоем.

— Значит сдохнем вместе. — Я разозлился, нет не на него, на себя. Мысль в голове скользнула: «А может он прав?».

Неужели струсил? Владимир Петрович наверно так бы и поступил, но я уже не он. Нет недождётесь. Как я потом его родне в глаза смотреть буду? А сам себе? Нет уж. Буду тащить пока есть силы.

— Соберись и ныть прекращай. Мужик ты или нет. — Процедил я сквозь зубы. — Будем

до конца ползти, пока силы есть, а если и сдохнем, то вместе. И прекращай скулить и так хреново.

— Извини. — Он посмотрел на меня, и во взгляде полыхнула такая уверенность, что я даже вздрогнул. — Не повторится больше такого. И еще. Не говори не кому.... — Он не закончил фразы, но я понял. Да. Крепкий мужик. А то что сорвался, так это с каждым бывает. Я вон вообще, пока он не видит слезами умываюсь себя жалея.

Я подполз к веревке, закинул ее на плече, и скривившись от резкой боли, в натертой до крови ране, тронулся дальше в путь.

Ночевали толи под елкой то ли под березой, не разобрать, да и не в состоянии я был рассматривать. Крона низко опускалась, как шалаш, ну и ладно, залезли, там и отрубались.

Сон долгожданного отдыха не принес. Грибы съели еще вчера вечером, потому задерживаться не стали, двинулись дальше. Время давно уже перестало существовать. Отупевшее от боли, напряжения и усталости тело, чувствовалось посторонним предметом. Что бы хоть как-то отвлечься, я захрипел песню:

— Врагу не сдастся наш гордый Варяг. — Даже и сам не понял, как у меня так получилось перевести на местный язык русскую песню. Вот ведь как уже вжился.

— Красиво. — Послышался сзади тихий комментарий. — А кто этот Варяг?

— Герой такой был, погиб, но пощады у врага не попросил.

— Правильный был. Уважаю. Спой еще.

Я спел, все, что мог вспомнить из слов, присочинив, там, где не помнил, и даже как-то это помогло. Легче стало. Такое ощущение, что силы появились.

Их вой мы услышали за долго до появления.

— Сакуры. — Прокомментировал совершенно равнодушным голосом Строг. — След взяли. Теперь не отстанут.

— Обидно будет стать их обедом.

— Еще обиднее уйти к предкам без боя.

— Ну на счет, без боя, это вряд ли. Нож у нас есть. Даже сил чуток осталось так что пободаемся. Не переживай, предки довольны останутся.

Я прислонил его к стволу какого-то дерева. И сам сел у него между ног, прикрыв собой.

— Ну вот, спину я себе твоей тушкой прикрыв, теперь можно и гостей встречать. — Я рассмеялся, но как-то это получилось неубедительно.

— Я хотел тебе сказать, — он замолчал, подбирая слова. — Ты должен знать.... Я правильно сделал тогда, что отдал тебе право на свою жизнь. Ты лучший Фаст, которого знала эта земля. При других обстоятельствах я бы такого не сказал, но сейчас можно. Сегодня можно все.

— Прекращай. Какой из меня фаст? Я трусливый попаданец. Не способный даже развести костер. — Хриплый невеселый смех врывался из моего горла.

— Но вот когда мы вернемся домой, то обязательно нажарим с тобой того противного мяса на палочках, называемого в нашем народе прекрасным именем: «Шашлык», которое вы унизили своим маринадом. Потом выпьем вина, так, чтобы в голове зашумело, покушаем меда с горячим компотом, и будем рассказывать друзьям, посмеиваясь, о нашем приключении.

Послышался его смех и тихий голос:

— Спасибо.

Осталось только напиться

Ощерившаяся в бешенстве пасти с капающей слюной целились мне в горло, а я в ответ махал ножом. Просто, бездумно, водил рукой из стороны в сторону, с трудом различая мечущиеся силуэты, плавающие в затуманенном сознании. Сил на осмысленное действие небыло, все происходило как в кино. Видимо я всё-таки зацепил какую-то из этих адских созданий, потому, что все залито кровью. А может это моя? Не разобрать, тело уже не реагирует ни на раны не на усталость. Превратилось в бесчувственную тряпичную куклу.

Они появились перед нами неожиданно. Бесшумно выскользнув из кустарника. Совсем недавно выли где-то недалеко, и вот уже предстали привидениями перед нами. Жуткие твари — Сакуры, местные дикие собаки. Размером с нашу лайку. С грязно-серого, цвета густой шерстью и черными хаотично разбросанными по вытянутому телу пятнами, кошачьими лапами, с иголками когтей, крокодильей пастью и ушами кролика. Поиздевалась над ними природа, весь свой недюжинный талант вложила в создание подобного чучела. Но вот одна из них наконец решилась и с рычанием прыгнула, лязгнув клыками. Я почувствовал ее смрадное, теплое дыхание, обдавшее вместе с липкой слюной мое лицо.

И все...

И все, на этом закончилось. Свистнула опереньем стрела, и скулящая тушка, дергая лапами, отлетела в сторону покотившись по опавшей листве. Затем еще характерные звуки натягиваемых луков, визг сакуров, топот копыт и лицо ангела. Того самого, моего ангела из снов, которого я видел лишь однажды. Все. Приплыл. Темнота. Ну вот сколько можно?

Открыл глаза. Небо в просветах крон деревьев с плывущими облаками. Как красиво. Меня куда-то несут. Жесткое ложе раскачивается высоко над землей, пыхтение и топот множества ног. Понятия не имею кто они. И не хочу знать. Ничего не хочу. Обещал, что в следующий раз не очнусь? Выполню. Назад к тем глазам. В свой сон. Темнота.

Ну вот, опять. Ночь, или у меня пропало зрение? Нет, всё-таки ночь. На этот раз, небо звездное, луна. Боковым зрением вижу мерцание костра и суetyающиеся тени. Идите вы к черту. Назад хочу. В темноту. Надоело все. Снова мрак.

— Как ты думаешь он очнется? — Первое что слышу вновь, открыв глаза. Потолок из коричневых шкур, вогнутые стены. Знакомый запах. Я дома. Голос взволнованный. Это Гоня. Трудно не узнать.

— Лариния сказала, что у него перенапряжение, и сильная усталость. Но все должно пройти. Ей стоит верить. — Второй голос тоже знаком, это Дын. Живы курилки, оба живы. Не утонули. Улыбнулся и почувствовал, как потрескались губы.

— И Строгу она пообещала, что все нормально будет, у него ушиб сильный, хорошо приложило, как только не сломало позвоночник, удивительно. С собой забрать хотела, но он не в какую. Пока говорит Фаст Кардир не поправится никуда не поеду. Ну ты его знаешь, он упертый.

Я еще сильнее растянул губы, улыбаясь: «И этот жив. Придется местным шашлыком давится, раз обещал. Но кто бы поверил, какая это гадость.»

— Знаю. Не раз в бою друг против друга сходились. — Послышался тихий смех.

— Попить черти дайте. — Попросил я.

Трехглазое лицо Дына появилось на до мной, заслонив потолок. Удивленно —

озабоченное выражение на нем, мгновенно сменилось на радостное, а род раскрылся и выдал оглушительный рев:

— Фаст очнулся!!! — И этот рев этот покотившись эхом по комнате, выскочил из дома, и расплескался по поселку сотнями голосов. — Слава Ветру!! Фаст очнулся!! Слава Предкам!!!

Мгновенно помещение наполнилось зелеными, гомонящими и толкающимися телами. Суэта. Каждый норовит пробиться к моей тушке и заглянуть улыбающейся трехглазой рожей в глаза.

— Расступись! — В дверном проеме появился Строг. Поддерживаемый с двух сторон соплеменниками, он как ледокол, пробился к моей постели, откинул помогающие ему стоять руки, упал на колени и рухнул головой мне на грудь. — Слава Ветру. — Послышался его глухой голос.

Я лежал и как придурок только хлопал глазами, не зная, как на это реагировать, и что сказать. А что ты хочешь? Растерялся. За всю жизнь обо мне не волновалось столько народа одновременно. В горле даже пересохло и глаза зачесались. Вот только одного никак не мог понять: Что я такого сделал, что заслужил такую популярность?

Строг поднял улыбающееся лицо:

— Сегодня мы устроим праздник в твою честь. Будем кушать мясо, запивая вином и наслаждаться медом с горячим компотом. — Он рассмеялся.

— Ах ты подлая баруцкая сволочь! — Расхохотался я. — Запомнил-таки обещание. Так знай же, мерзкая твоя рожа, что, давясь вашим шашлыком, я буду сожалеть только об одном на свете. Что тебя не сожрали сакуры.

Праздник, по моей просьбе, устроили на берегу озера. Правда меня туда практически принесли на руках Сил небыло совсем.

Там узнал, что искать меня тогда, кинулись всем племенем, как только сошла вода, даже грудных детей с собой потащили. Нас обнаружили там же где мы от сакуров отбивались. Лариния, а это она спасла нам жизни, расстреляв и разогнав хищников, жгла костер, и поила наши бесчувственные тела бульоном, из мяса тех же диких собак. Фастиры связали из жердей и снятых тут же шкур носилки, уложили наши податливые тушки, и понесли домой. Вот так я и оказался в поселке.

Как и в прошлый раз, праздник прошел вкусно и весело. Меня заставили спеть «Варяга», будь проклят язык вождя баруци, потом пытали на счет других песен, вынудив затянуть «Катюшу», потом долго совместно разучивали и пели хором, коверкая слова. Весело провели время. Душевно получилось. Единственное, что напрягало, это присутствие незнакомых лиц. Но я старался не придавать этому значения, а зря. Одно из них прервало мою мирную беседу с Гоней.

— Фаст! — Незнакомец упал передо мной на колени.

— Бартыр. Ты не вовремя затеял все это. — С каким-то сожалением в голосе произнес вождь дроци. — Надо было подождать до утра. Ты же видишь, что Кардир еще слаб, для принятия решений.

— Я все понимаю, но мое племя не хочет ждать, они на столько восхищены всем произошедшим, и увиденным здесь, что требуют от меня немедленно решить вопрос. Я не могу противиться их воле.

— Что случилось. — Праздничное настроение как-то сразу слетело, и дно интимное место почувствовало неприятности.

— Племя Були просит великого Фаста, принять их жизни.

Все, барабанная дробь. Приплыл. Становлюсь царьком местных образин. Уже третье племя набивается ко мне в фастиры. Прощай свобода. Прощайте глаза ангела, времени на вас у меня больше не будет, и даже помечтать о вас теперь некогда будет. И название моего царства впечатляющее: «ДОЛБОЯЩЕРЫ», ну прямо в точности отражает всю мою суть. Я в восторге.

Вот прямо со стороны вижу: Сидит голый царь, в окружении пожирающей его глазами толпы, и раздумывает: «Повеситься или утопиться?». Махнул рукой:

— А давай, чего уж. Дави меня пока шевелюсь. Только потом не обижайтесь. Да и какая разница сколько в выгребной яме дерьма. Одной какашкой больше, одной меньше. Кто считать будет?

И принял на себя бремя ответственности еще за семьдесят с хвостиком душ.

Дальше праздник проходил без меня, я ушел от них. Послал все этих уродов к их матери в гости, и ушел. Вернее, практически уполз, из-за слабости. Сказал, что кто за мной последует утоплю, причем по ритуальному новому обычаю, с особой жестокостью. И на вопрос: «А как это?» — ответил такой хищной улыбкой, что ответ не понадобился. Взял с собой кувшин местного пойла, кусок мяса, какую-то лепешку заменяющую хлеб и бухал. Скулил и бухал.

А потом мне снились ее глаза. Я улыбался и пускал слюни как деревенский дурочек, которому леденец на полочке подарили. И это был самый прекрасный сон в моей жизни. Прямо на песке на берегу озера.

Может уже три месяца прошло, может больше, сбился со счета. Здесь такого понятия как календарь не существует. Не придумали за ненадобностью. Даже такого понятия как смена времен года нет. Зима, это тут называется: «Холодно», лето — жарко, осень — время скуки, весна — рождение жизни. Сейчас у нас тут что-то вроде зимы. Снега нет, а я скучаю по нему, по белому пушистому, скучаю по Новому Году, по Дедушке Морозу с внучкой. По санкам и снежкам, прилетающим в спину от непоседливой детворы. Очень скучаю.

На улице дождь льет уже больше недели, этот Барукс, вообще специфическое место, со своими странными законами жизни, со своими дебильными извращениями над животным и растительным миром, с разнообразием разумных существ. Я пока конечно только два из них знаю, но что-то мне подсказывает, что это не предел, и места эти меня еще удивят.

Что это за зверь такой — Этот Барукс? А я отвечу. Это название планеты, на которой я на данный момент нахожусь. Сам только, что узнал, зуб даю. Лекцию выслушал только что, от местного бомонда, о мироустройстве.

Они тут думают, что земля плоская. Точно говорю, сам в начале не поверил. На смех меня подняли, когда я попытался объяснить, как все на самом деле. Астрономы недоделанные. У них не звезды по ночам над головой, а предки костры на небе жгут. И ведь каждый из моих долбоящеров знает, к какому костру он после смерти пойдет, и кто там его встретит, точно пальцем покажет в нужную точку, только спроси, целую лекцию выслушаешь.

Солнце и луну у них по небу ветер гоняет... На вопрос почему всегда, в одно и тоже время, с лева и на право гоняет, и куда прячет на закате, а также почему они утром с другой стороны восходят, ответ идеальный: «Все в руках ветра», я просто в шоке.

Ветер — это главное и единственное божество, ведущее всех во жизни своим непостоянным характером, от рождения до смерти, и даже после нее, переселяя умерших к кострам предков, которых тут, кстати, очень чтят, и очень трепетно относятся к их визионерскому мнению, на счет своих поступков.

От скуки мне даже зимой умереть не дают. А как иногда хочется посидеть вот так, ничего не делая пару месяцев дома, и повыть от безделья. Не получается. Хотя нет, вру иногда завываю, но правда по-другому поводу и в основном по ночам — от одиночества. Друзья конечно часто приходят в гости, не оставляют меня бедолагу, вот только рожи у них уродливые, трехглазые и зеленые. И пусть их вид, давно меня уже не беспокоит, и даже нравится в чем-то, но всеравно, хочется увидеть нормальное человеческое лицо.

А еще, у них у всех есть семьи. Нормальные, со стариками и детьми, со своими скандалами и праздниками, а у меня? С кем мне судьбу тут соединишь? Со старшей дочерью Гони? Три раза ха. Как представлю нас в одной постели, и ее лежащую голову на своем плече, нежно рассматривающую меня подбородочным глазом, и воркующей ласковым голосом: «Милый», и еще для лучшего выражения чувств, язычком раздвоенным, фиолетовым в ушко — тык. Сразу появляется желание кастрироваться. А если даже теоретически, повторяю, теоретически, не надо делать таких выводов, потомство наше представить, так дрожь пробирает. Сюрреализм. Пикассо нервно курит в сторонке.

Дом у меня теперь свой, всем племенем по моим рисункам строили. Все мои фастиры старались. Кстати, что это такое, эти самые фастиры, я так и не понял, соединение

несовместимого. Рабские племена свободных людей. Красиво звучит? Вот и я говорю, что бред, а они так живут, и им нравится.

Дом конечно отгрохали огромный. Все согласно эскизам великого — меня, закончившего карьеру художника в седьмом классе общеобразовательной школы, очень даже похоже на мои рисунки на песке получилось, но вот с размерами и этажностью перестарались. Два этажа, восемь комнат. Зачем мне столько одному? С тараканами из своей тыквы в прятки играть? Положено говорят. Ты Фаст. И ведь самое главное тишком все сделали. На рыбалку отправили, и за это время сподобились.

Пока я там на пикнике развлекался: море, вино, мясо на углях, рыбалка, девочки (шучу, видел бы ты этих местных девочек), они соорудили это чудо. Прямо по центру поселка, прямо на месте ритуального костра. Нет, светоч этот на месте остался, никто не посмел поднять руку на святое. Из затруднительного положения зодчие вышли до смешного просто. Они сваи врыли трехметровые и на них уже мой терем сложили.

Стоит теперь такое чудо на ногах сваях, из бревен сложенное, кожаной крышей накрытое, и с дырками вместо окон. Я как первый раз увидел, на задницу сел:

«Стекла где?» — Спрашиваю. Они глазами лупают, не понимают. Принес плафон от светильника, показал, объяснил, вставили. Плафон они и умудрились туда воткнуть, глиной замазав. «Болбоящеры вы.» — Говорю, и ведь соглашаются, еще и гордятся. Теперь вместо окон — светильники. Особенно интересно сморится, когда солнце всходит, или заходит. Создается впечатление, что внутри свет электрический включили.

Пытался у них про Ларинию выпытать. Молчат. Как воды в рот набрали. Табу у них на нее, что ли. А она мне снится. Все чаще по ночам приходит. Вот никогда раньше не верил, что можно, вот так вот, с одного только взгляда влюбится. Вот ведь как бывает.

Пришла, взглянула и убила,

И не оставила следов.

Вот прямо про меня песня. Угадал поэт.

Что еще рассказать за жизнь свою. Попрогрествовал тут слегка. Вспомнил как бабка моя, царство небесное, шерсть пряла и как дед сети вязал, соединил две науки вместе, получилась третья, ловля рыбы бреднем.

Разложу по полочкам мое изобретение: Для того, чтобы связать рыболовный инструмент, нужен материал, леска или тонкий прочный шнур. Ни того ни другого нет. Вспомнил про гномов лесных, с их паутиновыми домиками. В одну нитку плести, получилось слабовато, применил инновационный способ прядения с помощью веретена, вышло великолепно. Правда пришлось долго учить местных сразу трем ремеслам: Прядение, вязание и бредень. Результат сногшибательный. Рыба теперь каждый день. Скоро от нее тошнить начнет. Бабы меня целовать бросились, насилу удрал.

Еще я много тренируюсь, когда дождь конечно перерыв делает. Бегаю в пустыне, с Дыном топорами помахиваю, удары отрабатываю, спарринг вроде называется, не помню точно, никогда раньше не занимался подобным, еще в море купаюсь. Но это все от скуки. На земле, включил бы комп, и все, вечер удался, ну на крайний случай телевизор. А тут что включишь. Вот и я говорю, что тоска. То рыбалка, то охота, то война с каким-то монстром, доставшим своим не толерантным поведением один из поселков. Ну что тут может быть интересного? Одно слово — скукотища.

Еще споры эти. Теперь приходится соответствовать. Приходят ко мне со своими проблемами младо-дольсящцы, вот же пошутил на свою голову. Например: Спутница

спутника своего с другой застучает, и такое бывает, они же тоже живые, и бегом ко мне: «Помоги Фаст. Жить без него не могу, а он сволочь соседку чпокает. Не пущу домой назад гада. Пускай валит к той, с кем спит. Ну и что, что у нее свой спутник есть, пускай ко мне его выгонит.», и ведь разбираться приходится. Это только со стороны смешно, а ты попробуй их помири. Или попробуй разобраться сколько яиц положено петуху, который помог соседской курице снести, это вопрос от представителя петуха, а со стороны курицы: Величина компенсации за изнасилование. Как тебе? И плевать что этот самый петух выглядит как крокодил с крыльями, суть от этого не меняется. Хватит ржать. Я с подобным каждый день дело имею.

Но что-то я расчувствовался, и изжаловался. Не обращай внимание. Настроение такое. Зима и дождь на психику давят. Спать пойду. Вон уже солнце садится, через плафон хорошо видно.

Встреча

Сегодня спортом занимаюсь, бегаю. Погода великолепная. Послал, как часто бывает, в последнее время, подальше всех этих спорщиков и просителей, докапывающихся до своего Фаста, и удрал. Красота. Не в смысле не то, что удрал — красота, а вокруг меня красота. Весна время пробуждения жизни, да, уже наступила, время быстро летит. За период зимней хандры и раздражающих каждодневных забот. ничего существенного не произошло. Если не считать того, что созданное новое племя окрепло. Старые обиды забылись. Общие охота и быт сплотили. Много семей общих появилось, даже детки уже бегают совместные. Это тут быстро, три с половиной месяца, и ты уже счастливый родитель. Таковы реалии местные.

Так вот, бегу я красотами люблюсь. Видел когда-нибудь пустыню в это время года? Очень советую. Если в живую не получится, то видео посмотри, ну или на крайний случай фото. Буйство красок. Такое ощущение, что она вся вопит вдохновением цветов о любви и страсти, и ты бежишь, раскинув руки в стороны, в этом благоухающем разноцветии, вдыхаешь аромат пробуждающейся жизни, и тоже орешь, выражая свой восторг, только обязательно отборным матом, потому что других слов описать свое состояние полета не найти.

Так вот, взбегаю я значит на один из цветущих разноцветными пятнами барханов и врастаю в песок, не прекращая орать: «Аааа...», с упавшей челюстью и вылупленными в удивлении глазами.

Ко мне приближается на белоснежной лошади она! Ангел моих снов. Лошадью это извращение природы можно назвать конечно с натяжкой, и только издали. Тело, ничего не скажу, лошадиное, голова черепахи с одним глазом посередине, а пасть клыкастая, ушей нет, ноги длинные куриные, но четыре штуки, хвост по собачьему, колечком завернут, шерсть жёсткая, как щетина поросычья.

Улыбается, значит. Да не лошадь улыбается, чур меня, девушка. Загадочно улыбается, моя Лариния, и смотрит на меня озерами голубых глаз. Белоснежный плащ, развевается на ветру, спадая водопадом с нежных плеч. Кожаное, высокое седло поскрипывает, сапожки аккуратно прищипывают коня, подбадривая двигаться в перед, а маленькая ручка в перчатке, придерживает повод, чтобы не сорваться в галоп, значит. А я стою и ору, что с меня возьмешь. Придурка заклинило.

— Приветствую тебя Фаст Кардир. — Она изящно спрыгнула около меня и припав на одно колено склонила голову. Видимо у тебя хорошее настроение, если поешь цветам? — Она говорит, еле смех сдерживая, а головы не поднимает, боже что за голос.

— Да, знаешь ли, погода прекрасная. — Чувствую, что что-то не так делаю, а понять не могу, певец хренов. И тут до меня доходит, что она на коленях передо мной стоит. Вот же тормоз. Это мне надо на песок валиться. Схватил ее за плечи. — Что ты, красавца, поднимись немедленно. Какой я для тебя Фаст. — Поднял ее, в глаза глянул, утонул, и опять в ступор впал. Вот что с нами мужиками женщины делают. — Рад видеть тебя. — Ну вот, уже и хрипеть начал.

— Я вижу. — Она кивнула головой, и лукаво стрельнула глазами, застенчиво как-то у нее это получилось, от груди моей в землю и на лошадь получилось.

Я на автомате тоже глазки в низ опустил, надо же посмотреть, что так ее рассмешило. Вот же бабушкин огурец. Чувствую, что отварной рак, по сравнению со мной не такой уж и

красный. Дошло наконец, что тут не так. Это же надо быть таким дебилом. Я же практически голый, один только гультфик из всей одежды, и тот срамоту мою еле прикрывает, вот же гребаное мужское начало. Предатель!

Развернулся бочком, опустил руки, как бы невзначай, срамоту прикрыл. Она вроде, как и не заметила, и только отстраненно морду лошади поглаживает, но глаза то все выдают, в них бесенята скачут. Вот ведь лоханулся. Произвел первое впечатление, блин. А потом вдруг представил, как все это со стороны выглядит, ну и не сдержался, заржал. Что с придурка возьмешь.

Но девушка вполне нормально отреагировала, то же смеяться начала, и задорно у нее это так получилось, как колокольчик зазвенел

— Прости, Фаст, недостойно себя веду. Но ты уж больно выглядишь комично. — А сама хохочет, и слезы вытирает.

— Какой я, Фаст. — Смеюсь, остановится не могу, — Владимир Петрович я Иванов.

— Кто? — Все, приплыли. Имя мое на местном звучит как Пусь, что означает в самом пристойном смысле малыш, а основное значение — личинка. Лариния даже голову в сторону отвернула, чтобы я окончательно не сгорел от стыда.

— Да нет. — Пытаюсь оправдаться. — Это тут меня по началу так называли, сейчас то я Кардир, Фаст дольсящкий...

Будь проклято мое неуместное чувство юмора. Ну что мне стоило назвать племя как-то более героически. «Пустынные орлы» к примеру, или еще как ни будь пафосно, нет, придумал же название, от которого самого смех разбирает. По-русски получилось вроде: «Личинка, владеющая жизнями долбоящеров». Узнают местные истину, на кол посадят.

— Просто Кардиром зови. И еще. Я обязательно прощу прекрасную Ларинию, но только при условии, что она позволит проводить себя. Даже несмотря на мой неприглядный внешний вид. — Наконец-то перестал я тупить.

— А мне и Пусь нравится. Забавно называть такого героя малышом. Но почему же ты считаешь, что вид у тебя неприглядный, очень даже красиво. Фактурно и мужественно выглядишь, как будто с древней картины сошел. Мне нравится.

Неужели это комплимент? Это прекрасное создание назвало меня мужественным героем. Ох как хочется верить, что это не просто ничего не значащие слова, что это не просто, для поддержки разговора, не ничего незначащий комплимент

— Мне кажется, что полуголый мужик, рядом с такой прекрасной девушкой, смотрится мягко говоря неуместно.

— В поселке, это конечно так, но мы в пустыне, осудить некому. — Она улыбнулась, и мне вновь пришлось разворачиваться боком.

— Увы. — Вздохнул я. — Но моя прежняя одежда пришла в негодность, а местные такого не шьют. Да и вообще ничего не шьют, им незачем.

— А я, думала, что тебе нравится выставлять тело на показ. — Она улыбнулась. — Я помогу, пришлю что ни будь. Конечно не изысканное, но добротное и удобное, что-то более дорогое мне увы не по карману, я всего лишь охотница.

— В моем народе не принято принимать такие подарки от женщин. — Я гордо вскинул подбородок.

— Тогда тебе и дальше придется ходить голым. — Она вновь рассмеялась, стрельнув глазами. — Но я в принципе не против, мне нравится.

Дебил, осел, это же надо выпендриться: «В моем народе.», «Подарки от женщин». —

Одно слово вождь долбоящеров.

— Я имею в виду, что оплачу расходы, только вот не знаю, как. Как происходит вообще здесь торговля, чем платят.

— Очень интересно. Она внимательно посмотрела на меня. — От куда ты? Из каких мест, если не знаешь элементарных вещей.

И я рассказал ничего не скрывая, а она слушала, распахнув в удивлении прекрасные глаза.

Про чудный мир той цивилизации, потерянной мной навсегда. Про поезда и самолеты, про высотные дома, про телевиденье и интернет, про телефоны, об всем что только мог вспомнить. Она слушала не перебивая, лишь только изредка удивляясь. Когда я закончил уже смеркалось. Даже не заметил, как пролетело время.

— Это очень похоже на легенду о происхождении нашего народа. Люди, наши предки, пришли сюда из другого мира. Они сумели выжить на новом месте и после долгих мытарств приспособились, основав первый поселок. Со временем они даже нашли возможность вернуться назад, но только не многие ушли, большинство остались. Так во всяком случае гласит легенда. Ты тоже хочешь вернуться обратно? — Она как-то странно посмотрела мне в глаза.

— Конечно, ведь здесь я чужой.

— Какой же ты чужой? Ты Фаст, о котором уже начинают ходить легенды.

— А то, что выгляжу, мягко говоря не как мои фастиры? То, я что один, не смотря на огромное количество живых разумных существ вокруг? Я чужой тут.

— В мире много разных племен, с твоей внешностью. Например, наше. Я честно говоря не понимаю почему ты нас еще не посетил?

— Я тоже этого не понимаю, и думаю знаю кто ответит мне на этот вопрос. Кое кому многое придется объяснить.

— С тобой интересно. — Задумчиво произнесла она, и слегка прошла вперед.

— Ты так думаешь? — Я догнал и прикоснулся к плечу.

— Да. — Лариния обернулась, и я утонул в посмотревших на меня озерях. — Но мне пора, солнце скоро сядет, Она опустила голову.

— Я провожу.

— Нет. — девушка легко вскочила в седло. — Может быть в другой раз. — Она задорно стрельнула глазами засмеялась, а лошадь сорвалась в галоп.

Через мгновение я остался один в быстро темнеющей пустыне

Блохи переростки

В эту ночь я не спал. Две мысли терзали. Первая о прекрасной Ларинии, надавало покоя чувство, что, что-то я сделал неправильно, что-то упустил и недосказал, а вторая, о племени дольсящцев. Почему они всеми силами не дают мне встретиться с живущими совсем недалеко от нас людьми? В чем причина? Поэтому утром я спустился со второго этажа своего особняка злым и не выспавшимся.

Дын сидел как обычно у ритуального костра, грел руки и молился, но заметив меня, быстро встал, подбежал и ударив ладонью себе в грудь, поздоровался. Выглядел смущенно. Глаза растерянно бегали, рассматривая все вокруг, но только не смотрели на меня. Я ждал, не пытаюсь заговорить, настолько меня заинтересовало несвойственное ему состояние. Обычно он уверен в себе, и довольно резок, как в суждениях, так и в поступках, а сегодня не узнать. Наконец зеленый решился и посмотрел мне в глаза, и было в его взгляде, что-то такое, что вызвало жалость.

— Нам надо поговорить. Кардир. — Выпалил он скороговоркой, и опустил голову.

— Наши с тобой желания совпадают. — Я решил не торопить события. — Мне надо задать вопрос всем вам, моим друзьям. Поэтому собери Гоню, Бутсея и Боркуса.

— Но двоих надо звать, они со своими племенами.

— Я знаю это, потому откладываю разговор на три дня. — Он попытался что-то возразить, но я остановил. — Разговаривать буду только со всеми сразу.

Время пролетело быстро. Забот у Фаста всегда много. Мне хоть и говорили, что я просто символ их объединения, и меня не будут дергать, но на самом деле это оказалось не так. Я уже рассказывал о каждодневном решении многочисленных споров соплеменников всего племени дольсящцев, а это практически двести душ, так еще наваливались периодические хозяйственные заботы. Сейчас мы пытались решить проблему с рыбой.

Ее, после внедрения в промысел бредня оказалось очень много, и съесть свежей не успевали, а так как хранить не умели, то вонь в поселке стояла жуткая. Соль была деликатесом, и использовалась ей исключительно по праздникам. Потому солить не получалось. Пришлось посылать огромную экспедицию в пустыню, на место охотничьего лагеря, на заготовки, а также запретить увлекающимся рыбакам, вылавливать больше нормы.

На третий день появились вожди баруци (лесного племени) и були, (племени болот). Строг так же передал мне сверток от Ларинии. На вопрос: «Почему она сама не приехала», не ответил, заюлил и отвел глаза. Встречу я назначил у себя в столовой, да, теперь у меня есть своя столовая, на втором этаже, с видом на море через плафон.

Наконец, после нескольких месяцев пребывания в костюме Адама я оделся. Штаны кожаные — галифе, куртка кожаная, на манер косоворотки, только без пуговиц, на шнурки ворот завязывается, карманов нет нигде, на голове блин бесформенный тоже кожаный, все серого цвета. Истинный мушкетер, только босой и вместо шпаги топор. Не комфортно мне теперь в обуви, натирает ноги. Зашел в столовую, но не успел даже поздороваться, как раздался встревоженный крик на улице.

— Что там, — выглянул в дверь и застыл удивленный.

В ворота входили избитые и израненные були. Шли одни женщины, немногочисленных мужчин тащили на волокушах веерах, изобретенных мной во время потопа.

— Что случилось, я скатился со второго этажа и бросился на встречу.

— Мы не знаем кто они. Появились неожиданно с севера, со стороны моря. Там пустынные земли, никто вроде не живет, во всяком случае мы раньше никого там не встречали. Таких, что пришли мы и не видели никогда. Уроды. Сами все черные, здоровенные, тело круглое, в панцирь одетое. Голова маленькая, многоглазая, в шлеме костяном. Ноги в чешуе, тоже костяной, руки длинные. Вооружены дубинками шипастыми. Пули от них отскакивают и топор не берет. Ходят вроде медленно, а когда атакуют прыгают далеко. — Страдальчески доложили мне с одной из носилок.

Началось. Героя нашли. Ну вот скажи мне, почему каждый попаданец, должен обязательно с головой окунуться в это дерьмо сражений и войн? Ну почему нельзя просто, мирно наслаждаться своим высоким положением, поплеывая на слуг через губу?

— Попытались мы их остановить. Выстрелили, так только рикошет и получили. В топоры кинулись, да куда там, только искры высекаются, не берет их ничего. А вот нам досталось, как видишь. Все, кто жив поранены и еще семеро к предкам отправились. — Подхватил один из, раненых, с других носилок, тихим голосом.

— Сколько их?

— Пятерых видел. Нам и этих хватило.

— Ясно, что ничего не ясно. Посмотреть надо самому. — Почесал я бороду. Да, забыл сказать, у меня борода теперь, знатная. Бриться нечем, вот и выросла.

— Есть возможность подобраться поближе незаметно?

— Любого из молодняка бери, они там все тропки знают. — Завздохнул расстроенный Бутсей. — Как же так, я же, только вчера оттуда? Все же нормально было.

— Вот как раз после твоего ухода и заявили. — Прошептал раненый и потерял сознание.

Блин, вот зачем мне все это? Разговор со своими фастирами придется отложить до лучших времен.

Я приподнял голову над поросшей синим мхом кочкой. Добираться к поселку були пришлось по грудь в противной болотной жиже, новый костюм было жалко до слез. Много раз ругал себя, что в нем пошел. Но хныкать поздно.

В проеме от вырванных ворот хорошо видны неторопливо передвигающиеся вражины. Действительно здоровые твари, метра под три ростом, а в остальном все как раненый описал, добавить нечего. Если только то, что оружие у них на пузе, на крючке висит, толи естественном, природой выращенном, то ли прикрутили его. Не видно, далековато для подробностей.

Трупы моих зеленых соплеменников в рядок, недалеко от ворот разложены. Там один из захватчиков, что-то с ними делает. Присмотрелся по внимательнее и едва сдержался, чтобы не вырвало. Твою дивизию! Он их разделяет. Куски отрезает и в мешок складывает. Вот урод, аж руки затряслись, и к ружью потянулись. Но сдержал себя. Рано еще. Понаблюдать надо. Понять, как бороться с ними. Если все, что говорит болотный правда, то пуля не возьмет. Панцирь крепкий. Блин, танки какие-то, а не живые существа. Что же с вами делать, в болоте утопить что ли. Нет вряд ли такое тонет. Ту что-то иное надо.

Эх, была не была, дайка я тебе обед испорчу. Потянул ружье со спины аккуратно, к

прикладу приложился прицелился. Руки то не трясутся. Чудо какое-то. Еще совсем недавно в такой ситуации, в штаны бы наложил, а сейчас нормально. Хотел в голову, но думаю не получится, не попаду, далековато. А эта образина встрепенулась, панцирь свой на две половины раскрыла, расправила, и давай трястись, только треск стоит.

— Так это же крылья у нее, — вырвалось у меня вздохом удивления, и в тот же момент я не кнопку спусковую придавил. Грохот, клубы дыма, хорошо ветер приличный и местность открытая, сразу в сторону снесло, жучара эта кувырок через голову сделала, на спину шмякнулась и лапками засучила. В ту же секунду через частокол еще четыре подобные ей выскочили, а заборчик не маленький, больше четыре метров, знатные прыгуны. Стоят в растерянности глазенками моргают, а у них их аж по шесть штук, по три на сторону. Не поймут откуда стреляли. Ну а я-то, хоть и дурак дураком, а сообразил, что затихнуть нужно, вжался в мох, лежу не дышу, наблюдаю, что дальше будет.

Смотрю размышляю. На блох эти чуда-юды похожи, только здоровы больно. Так и обзову их блохами, на местном тарабарском бляхс получится, ничего так звучит, прикольно. Та, что пулю мою словила, затихла уже, а над ней другая склонилась, что-то делает. Причащает наверно. Три другие облачко пороховое взглядом провожают, к прыжку приготовились. Ага, ищите дурака, я лучше в этой луже болотной, что подо мной натекла замерзну до состояния снеговика, а не покажусь.

Как их завалить я понял, осталось сообразить, как их крылья заставить раскрыть, а вот тут в голову не лезет ничего.

Упертые насекомые оказались. До самой ночи меня продержали. Ту что причащала свою подружку, которую я так удачно завалил, разделала тушку соплеменницы вместе с телами моих павших фастиров на филе. В мешки сложила и в поселок уволокла. А трое других застыли в позе прыгуна в длину, и только глазами по сторонам зыркают.

Когда уже совсем стемнело, я задним ходом к своим подался. Молодняк бутсеевский меня в лесочке неподалеку ждал. Молодцы кстати, замаскировались хорошо, если б не окликнули не нашел бы не в жизнь. Удивили меня. Оказалось, что они все видели. С дерева наблюдали подвиг великого Фаста, сразившего чудовище. Вот ведь оторви головы. Приказал им дальше наблюдать, и как только блохи вылезут куда ни будь, из поселка, сообщить немедленно мне. Покомандовав, припустил назад домой. План у меня родился, только бы успеть все подготовить.

Рождение местного Сусанина

Из-за того, что я вернулся глубокой ночью будить никого не стал. Разговор с вождями племени дольсящ состоялся утром. Выяснение отношений по поводу тихого саботажа моих зеленых друзей я отложил на потом. Будет у меня еще время разобраться, почему они мешают встрече с Ларинией, да и вообще с людьми. На данный момент другие проблемы есть, посерьезнее.

Я сидел, смотрел на них молча и думал: «Интересно как называется их раса? Столько времени тут уже живу, а как-то ни разу не заходил разговор на эту тему. Да и вообще, я так мало знаю. На набитый соломой тюфяк вы похожи, господин Иванов. Несетесь по течению, надеясь на удачу. Наверно пора брать судьбу в свои руки. В том мире прожил затюканной серой лошадкой, угрюмо тянущей воз судьбы по дороге жизни, и тут хотите остаться таким же. Нет, пожалуй, уже не получится. Не то теперь у вас положение. Судьба, без всякого согласия, из дерьма вас вытащила, и новый шанс дала. А что делаете вы? Даже не пытаетесь ей помочь. Легли на спинку, ручки за голову заложил и плывете. А ведь таким образом может и не туда занести. Так можно нырнуть, что не отмоешься. Необходимо маняться. Развивать себя и племя необходимо. Для начала, хотя бы узнать, что это за раса такая? С кем свела судьба. Кто они? Эти зеленые уродцы, что сидят напротив.»

Я хлопнул обоими ладонями по столу. Да именно по столу, ни у кого тут такого предмета мебели нет, а у меня есть. Специально заставил сделать, и еще четыре табуретки к нему в придачу, хватит на полу обедать. Но истины ради, надо с прискорбием отметить, что сидеть, на столь удаленном расстоянии от земли, друзей моих можно было заставить только силой. При каждом удобном случае, они скатывались вниз. Пришлось даже целый указ издать, обязывающий в моем присутствии, задницы свои приземлять исключительно на возвышенных предметах.

— Приступим. Может конечно первый мой вопрос будет неуместным, и даже не своевременным, но он не дает мне покоя... Ребятки. А вы кто? — Спросил блин. Настолько тупая получилась формулировка вопроса, что ответом послужили еще более тупые выражения на лицах собравшихся. — Раса ваша как называется спрашиваю? — Поправился я.

Ответом послужило оставшееся неизменным выражение лиц и немой вопрос в глазах: «Ты парень вообще, о чем. Что это за зверь такой, раса эта? А она съедобная?» — Ну как еще спросить?

— Каждое из ваших племен имеет свое название, а всех вместе вас как назвать? — Дополнил я свой вопрос жестом рук.

— Ах это... — Заулыбался Гоня, всем своим видом показав, на сколько он сообразительней других. — Мы дольсящцы!

Вот же дурак, ну разве можно быть таким тупым, я даже вспылел, и грохнул по столу кулаком:

— Причем тут дольсящцы? Я вообще о другом спрашивал. Дольсящцы это название нашего племени. А другие, похожие на вас внешне, есть?

— Конечно. Акусы, Дикой, Сактроксы...

Он и дальше хотел перечислять известные ему племена, но я перебил.

— А все вместе как они называются? — Нарисовал я руками кружок.

Он задумался, растерянно закрутил глазами, словно ища поддержки у собравшихся, и выдал очевидный, для него ответ, тупому Фасту:

— Так не жили они вместе никогда.

— Вот вашу маму тудыт его в качель растудыт, — произнес я непере译имое для них заклинание. — Народ, не имеющий своего названия. Как так можно жить, не имея идентификации? Будете теперь называться: «Образинами». — На местном это прозвучало как Озбрассо. — Все, зеленые теперь озбрассо, с этого момента и навечно!

Блин. Вот кто меня за язык тянул. Вот, что я за человек такой? Сначала ляпну, потом подумаю. Вот прикольное в данный момент название придумал, самому смешно, а как дальше без улыбки их называть? Получится? Фаст долбоящеров расы образин. Как Звучит? Хватит ржать. И так понятно что ума у меня нет.

— А что это значит? — Завороженно спросил из-за моей спины Дын. Табуретки для него не хватило, что под заднее место, что по голове, потому он стоял сзади, как верный оруженосец, и частенько третировал меня вопросами. Санчо Панса недоделанный, блин.

— Красавцы. — Не моргнув глазом соврал я, и стал свидетелем вздернутых вверх гордых подбородков со светящимися на них глазами. Убьют они меня когда-нибудь.

— Вопрос закрыт. Теперь о главном... Нашел я способ справиться с Бляхсами.

— А это кто такие? — Опять из-за спины.

— Черные, которые на поселок були напали. Не перебивай. Так вот. Убить их можно, но надо попасть между крыльев, а вот тут проблема. Как их эти самые крылья заставить раскрыться? Есть у меня одна задумка, вот ее то я и хочу с вами обсудить.

Совещание наше длилось недолго, правда очень эмоционально и шумно. Мы спорили, ругались и мирились, и снова ругались. Но как говорится: «В спорах рождается истина». Приняли решение, единственно правильное — мое, а на сколько оно верное, это только время покажет.

Действовать начали незамедлительно. В первую очередь отправили гонцов в лесной поселок и в охотничий лагерь, с приказом срочно прибыть всем пред мои светлые очи. Соль подождет, в такой момент нужно держаться вместе.

Под руководством Строга, была собрана экспедиция в лес. Она состояла исключительно из представителей прекрасной половины озбрассо (как теперь с моей легкой руки стала называться эта раса), что делать, мужиков катастрофически нахватало. Половина ранена, а вторая половина за солью ушла.

Собрали так же три артели. Опять же женских. Одна принялась в авральном порядке распускать паучьи коконы, вторая вить прочные веревки, а третья готовить сюрприз врагу. На этом мобилизационный ресурс закончился. Ничего, подойдут остальные, нарисуем и им задания. Работы полно. Дали бы нам только время подготовиться.

Нам не дали.

— Вышли они! Сюда идут! — Взволнованный паренек, один из тех, которых я оставил наблюдать, гулко выдыхал воздух из натруженных легких.

— Быстро идут? — Я пытался выглядеть невозмутимо, но что-то мне подсказывало, что получалось у меня это не очень убедительно, наверно оттого, что внутри потряхивало изрядно.

— Нет. Дня три добираться будут. Медленные очень они.

Всеравно не успеть, мало нас. Что же делать? Надо как-то задержать. Но как. Решение

пришло мгновенно. Глупое, безрассудное, но как мне казалось единственно верное.

— Гоня. — Повернулся я к вождю. Останешься вместо меня.

— А ты?

— Сусаниным поработаю.

— А это кто? — Вот же дыня любопытная.

— Герой старинный.

— Я тоже пойду. Одного тебя не оставлю. Да и героем стать хочется.

— Ты у меня сейчас бесчувственным телом станешь. И так нервы не к черту, еще ты Санчо Панса, недоделанный, геройствовать решил. — Здесь кто останется? Гоня с бабами?

— А Сись Китьсь? Это тоже герой? — Я даже задохнулся от такого перевода славного имени оруженосца Дон Кихота на местный. — Ага! — подавил я смех. — Еще какой. Сусанина помощник.

Да. Правду говорят, что: «Язык мой — Враг мой». Вот ляпнул не подумав, и теперь вообще говорить не могу. Кроме: «Ха-Ха», ничего не получается. И момент вроде неподходящий, а сдержаться не могу. Смотрят на меня все, как на полного придурка, а я закатываюсь. Насилу успокоился.

— Теперь ты Гоня. — Я повернулся к нему, все еще вздрагивая. — Если не вернусь, все сделаешь как задумано. Дыня с Бутсеем тебе в помощники. Я на тебя надеюсь. — Тот кивнул угрюмо в ответ головой.

Вот ведь я как тут раскомандовался. И слушают. Недавно и слово поперек сказать боялся, а теперь смотри-ка, распетушился, меняюсь. Буду надеется, что к лучшему.

Вроде задания всем на выигрывал, пора собираться. Метнулся в дом. Топор и нож, на перевязь, ружье за спину, что-то еще в голове крутится. Да одежда. Не нужна она, лишний вес. Мне скорость нужна, каждый лишний грамм в тягость. Скинул с себя. Все готов. Пообедаю, когда вернусь, ну или на том свете накормят. Что-то опять потряхивать начинает. Надеюсь это адреналин, а не паника.

У ворот перекрестился.

— С богом.

— Да поможет тебе ветер. — Зазвучали отовсюду голоса и руки закрутились оветривая.

Бежал больше суток. Подальше от поселка. Потом еще часа два искал подходящее место. Нашел, и от болот не далеко и лес рядом. Просторная полянка прямо на тропе, кустарник со стороны леса, как раз то, что надо. Блох пока нет. Надеюсь, что правильно время рассчитал. Должны появиться часов через шесть — восемь, за это время успею создать видимость лагеря и отдохнуть.

Развел костер, чуть в стороне, по способу Строга, теперь умею, не одно полено стер в процессе постижения науки. Блин, еще кровь нужна, они же хищники, на запах клонуть должны.

Охотится сейчас некогда? Занятие не быстрое, а времени мало. Нож и собственная рука, вот вам и кровь. Даже улыбнулся, обрызгивая вокруг траву. Что со мной происходит? Дома даже от видов укола в обморок падал. А здесь. Черствею, хорошо ли это? Все отдыхать. Будем гостей ждать в сторонке, метров на сорок, вон в те кустики отойду, и залягу. Главное не проспать.

Любезные бляхци дали мне на восстановление уйму времени, заявили только утром. Передвигались неторопливо, можно сказать ползли. Костер их заинтересовал. Остановились, встав кругом и затрещали. Вид и запах крови возбудил эти пародии на блох, закрутили носами, заволновались, в поисках добычи. Но надо ждать, каждая минута, выигранная у них, плюс в нашу победу.

Расползлись в разные стороны. Носами хлюпают. Только сейчас рассмотрел их пяточки, один в один поросячьи, только фиолетовые. Я замер, даже дышать перестал. Тот что рыскал ближе всего, внезапно остановился и напрягся, прямо в мою сторону уставился тремя парами глаз и замер. Потом рылом своим воздух втянул, и как засвистит, настолько громко, что уши заложило, это он типа своих предупредил, что вкусняшка в ту сторону побежала.

Я мандраж свой придавил, на сколько смог, и прицелился в голову. Удобная кстати мишень получилась из торчащей сусликом блохи. Как в тире. «Иди к папочке детка.» Выстрел. Как обычно грохот, облако дыма и сидящая на заднице мотающая головой цель. Не убил, только сотрясение. Обидно. И еще вывод правильный: «Есть чему трястись, значит существо разумное.» Но шутки в сторону, новый патрон, но выстрелить не успеваю, надо ноги уносить, вон собратья бошкотряса в припрыжку ко мне припустили, и припрыжка у них знатная, метров по пять.

Ломанулся оленем через кусты. Выносите меня ноженьки мои быстрые, догоняют ведь бестии. Поймают как барана разделают. Поднажми Володя Иванов. Уноси тушку свою бесценную.

Нет, все нормально дальше пошло, видимо я повыносливее, быстро они сварились. Вон еле ползут следом. Ну и я торопиться не буду, только поддразню чуток, чтоб не сорвались. Остановился развернулся, к прикладу щекой прижался. Получай. Черт рикошет. В обратную сторону развернулся и дальше пошел в сторону леса, они не торопиться, и мне спешить некуда. Погуляем дня четыре — пять на природе. Главное, чтобы не отставали.

Нам песня жить помогает

Наверх вы, товарищи, все по местам
Последний парад наступает.
Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг",
Пощады никто не желает.

Я хрипел песню пересохшим горлом, подбадривая таким образом себя, и с трудом переставляя подгибающиеся при каждом шаге, гудящие ноги. Ружье тащил за собой волоком, ухватившись за один край оборванного ремня сам не понимая, зачем мне этот замедляющий якорь? И не нужен и бросить жалко. Куркуль хренов. Патроны то давно закончились, да смысла от них никакого нет. Не пробивается хитин пулей.

Пятый день таскаю за собой. Этот проклятуший, надоевший до чертиков, чёрный хитиновый, блошинный хвост. Пятый день без сна и отдыха, неутомимые твари преследуют по пятам. Они словно механические роботы, без всякой усталости шуршат сзади, свистят и действуют на и без того расшатанные нервы.

«Ну что же, приплыли вы, господин Владимир Петрович? — Я задумался. — Или всё-таки вы Фаст Кардир? Наверно всё-таки последнее. Товарищ Иванов умер в здешних лесах окончательно и бесповоротно. Произошло это, скорее всего не сейчас, а когда я бросился из поселения изображать из себя Сусанина. Может быть самонадеянно и безрассудно поступил, но почему-то мне кажется, что верно.

Правильно это для мужчины, брать на себя ответственность и рисковать жизнью, защищая своих близких. А если надо, то и умереть. Пусть даже вот так, бесславно ради того, кого любишь. Да, эти зелёные «непойми что», для меня теперь самые близкие и родные создания. И пусть смерть Иванова тогда была душевной, а не физической, но зато с ее уходом освободилось место для рождения Фаста, настоящего, хотелось бы мне думать мужика, а не размазни, такого, каким был в прошлом.

Вот он то, физическое тело, и будет сейчас умирать по-настоящему, без дураков. Пора заканчивать этот фарс. Сил на то, чтобы удрать у меня нет, закончились, а сдохнуть как баран на бойне, безропотно, под ножом мясника, мне не хочется. Время для подготовки сражения для своих фастиров я выиграл, пора и честь знать. Как там Строг говорил: «Предки не поймут и не примут». Развернулся в сторону бляхцев, в сторону ружье отбросил, топор в одну руку, нож в другую, в стороны развел, поклонился, словно артист на сцене, и улыбнулся потрескавшимися губами.

— Разрешите поприветствовать вас гости дорогие, неожиданные. Специально для вас, по многодневным заявкам, пятый день никак и просили. Только сегодня и в последний раз, выступает Фаст Кордир... Цыганочка с выходом. — Прохрипел, и не узнал свой голос. Шагнул на ватных шагах, на встречу.

Все вымпелы вьются и цепи гремят,
Наверх якоря поднимая.
Готовятся к бою орудия в ряд,
На солнце зловеще сверкая.

И в это то же мгновение сзади прозвучал грохот выстрелов, как будто орудия из песни вступили в бой, отдав салют моей безбашенной глупости. Крики и топот бегущих ног.

— Стой Кардир!

Я обернулся в недоумении. И уткнулся в уродливую, но такую родную улыбающуюся рожу Дына. Опять он все испортил, такой выход сорвал.

— Хватайте под руки и тащите Фаста назад. Бегом! — Взревел он во все горло и прицелится в приближающихся блох. Выстрел, грохот и дым, заложенные уши, и вновь крик. — Уходим!

Меня подхватывают и тащат, не давая заплетающимся ногам касаться травы. Улыбка дебила расплзается на моих губах, окончательно покрывая их кровоточащими трещинами: «Спасен!»

Два часа издевательства над моей бедной тушкой. Два часа безвольное липкое от пота тело пытается выскользнуть из крепких трехпалых ладоней, но его вновь подхватывают и несут, не давая упасть и тупо сдохнуть. И наконец это случилось. Да не помер я блин, а остановились мы на лесной поляне.

— Привал. — Прозвучала волшебная команда, и я рухнул пустым пыльным мешком в траву скуля побитым щенком. Но меня вновь подхватили под мышки и подтащили волоком к уже дымящему костру. И когда только успели развести?

— Потерпи, Кардир, сейчас отдохнёшь. Покушаешь и отдохнешь. Улыбается Дын. Убил бы его за такую довольную физиономию. Чему тут можно радоваться?

— Пить. — Я не узнал свой голос. Тут же кожаная фляга ткнула меня в губы, и я впился в горлышко зубами. Давясь рыча и кашляя, глотал вытекающий оттуда нектар.

— Все, все, хватит, — У меня пытались ее отнять, но безрезультатно. — Нельзя столько сразу, Кардир. Это очень вредно. Подожди немного, желудок может не выдержать.

Наконец оторвавшись, но не без посторонней помощи, и я блаженно откинулся на спину. Вот оно счастье. Кто не испытывал смертельной усталости и многодневной жажды, тот не поймет моего состояния.

— Ты не представляешь, дружище, на сколько рад тебя видеть. — Я говорил еле слышно, прямо в небо, не поворачивая головы, даже на это у меня не было сил. Оцепенение накатывало на тело и глаза закрывались.

— От чего же. — Тот заржал. — Очень даже представляю. Наверно уже простился с этим миром и дорогу к предкам выбирал, а тут я. Не дал в путешествие отправится. Где там на небе костер твой горит, рассмотрел уже? Или я помешал?

— Убил бы тебя заразу за твой язык. Но, во-первых, лень, во-вторых сил нет, а в-третьих слишком тебя люблю, для этого. Я улыбнулся. — Ты мне вот еще что скажи. Как вы тут оказались?

— Тебя искали. Когда наши из охотничьего лагеря вернулись, я взял с собой четверых и тебе на помощь поспешил. Место где ты костер разводил быстро нашли, все думали зачем тебе все это надо было, а потом, когда по следам прошлись, догадались, что ты их уводишь, петляешь по лесу, вроде как убегаешь, но и от себя не отпускаешь. Долго по следу за тобой шли. Если бы ты не крутился как, заликс (заяц на местном языке, ничего общего с нашим не имеющий, кроме повадок. Темно с синего цвета длинной шерстью, похожий на мышь, только с лапами от кенгуру), давно бы встретились.

— Вовремя вы.

— Так песню знакомую услышали, решили, что хором петь веселее получится. — Он снова заржал. — Вот и поспешили. Ты отдохни, сейчас покушать быстренько приготовим, перекусишь, и домой. Ты у нас как младенец на мамкиных руках поедешь, обещаю. Сиську

только предложить не могу, нет такого ни у кого. — И он снова покатился от смеха. Ну что с него возьмешь, дыня, она и есть дыня.

Перекуса я не дождался, вырубился мгновенно, лишь только тот замолчал, улетел я в нирвану сна.

Сколько провалялся не знаю, глаза открыл ночью. Везут меня на «веере» с комфортом. Поверх прутьев шкура для мягкости моей нежной тушки постелена, что за животину ради меня ободрали не вижу, темно. Ощущение в теле такое, что мои славные фастиры пинали меня все это время с особой жестокостью, с наслаждением вбивая в меня свои обиды. Но зато выпался.

— Попить дайте, садисты. — Прохрипел я.

— Стоять, лагерь разбиваем, — Прогремел знакомый голос, и надо мной склонилось довольное лицо Дына. — Проснулся. С добрым утром. Сейчас водички дам, только горлышко не отгрызи. И кушать будем.

— Какое утро? — Засмеялся я, ночь на дворе.

— Самое что не наесть настоящее. Фаст проснулся — Утро наступило. — И ржет шутник, блин. И чего он всегда такой довольный?

— Давно я так валяюсь?

— Вторые сутки идут.

Я попытался встать, но меня придавили к импровизированной постели.

— Лежи отдыхай.

— Памперс сам мне потом поменяешь?

— Что?

— Чурка ты зеленая, в кустики мне сбегать надо, до конфуза недалеко.

— Ааа.... — Рассмеялся он. — Это конечно необходимо.

Я сидел у костра и наминал куски непрожаренного до конца мяса с кровью, вытирал текущий по подбородку розовый сок и хлебал с наслаждением кисленький компот (Ну нет у них ни чая ни кофе), а сидящий напротив друг делился последними немногочисленными новостями, протягивая мне все новые и новые куски.

— Ты кушай, кушай, мы тебя и в круглом виде дотащим, не сомневайся, нам еще легче, кати себе, красота. — Надсмехается гад над моим зверским аппетитом, прерывая иногда такими вот замечаниями свой рассказ. — Так вот. Мы вперед ушли, тебя в поселок доставить надо, а там, с бляхами, двое наших остались. Ты конечно не предупреждал, что так поступить надо, но я подумал, что так правильно будет. Тащат их наши по тихонечку за нами по следу. Нельзя думаю оставлять черных уродцев без присмотра, как бы не потерялись в лесу. Где их искать потом? Мы им такую встречу великолепную приготовили. Все как ты придумал. Даже лучше.

— Вот это лучше меня что-то напрягло. Что вы там задумали?

— Увидишь.... — Вот ведь зараза загадочная. Теперь не уснуть будет.

— Далеко нам еще?

— Нет, к утру будем

Блошинная рыбалка

Меня так и тащили до конца на волокушах, не давая встать. Даже мои уверения, в том, что уже отдохнул и готов сам идти не помогали. Как только мы показались в зоне видимости поселка, перевалив за последний скрывающий нас пригорок, ворота распахнулись, выпустив орущую толпу. Пространство загудело встревоженным ульем, и топотом множества приближающихся ног.

— Что с Фастом?! — Громыхал взволнованный голос Строга.

— Если не сбереги, удавлю!!! — Это уже Гоня радостно встречает. Чувствуется что домой вернулся.

— Дайте встану. Не пристало фасту как калеке домой возвращаться. — Во блин, во мне уже господские повадки пробудились, и откуда что берется?

Прыжком принял вертикальное положение, прямо со спины на ноги, красиво получилось, самому понравилось, топор в руке в верх вскинул, фастиров своих приветствуя. Выпендрился блин. Аполлон хренов. Ну почему так? Нет эффект вышел потрясающий. Толпа взревела гудком парохода. Даже волосы на голове зашевелились. Только вот чуть в стороне стояла Лариния. Блин. А я опять голый.

Поначалу растерялся. Но я уже калач то тертый. Быстро сообразил, что делать нужно. Шкуру на которой ехал, с волокуш подхватил, и на плечи накиннул. Завернулся. Чем не плащ? Толпа вообще взревела. На руки меня подхватили и в поселок поволокли.

Фат — Смерть Врага вернулся!! — Скандируют. Слава Кардиру. — Это чего, это? Это зачем? Мне что, новый титул нарисовали? Когда успели? «Смерть Врага», звучит конечно громко, но как-то стесняюсь я такого отношения к своей персоне. Да и не заслужил вроде. Блин, еще Лариния на колено опустилась. Думал она смеяться начнет, а она вон серьезная какая. Кругом гомон, крики, народ меня обветривает, на колени падает, лбами стучится. Да что тут такое происходит вообще?

Только уже дома мне объяснили в чем дело. Оказывается, оставленные мной дозорные вернулись, и в красках, привирая после каждого слова, расписали мой эпический выстрел, положивший конец жизни одной из блох. Из их правдивого рассказа, следовало, что я в одиночку, вышел с одним только ружьем, против ненавистной толпы захватчиков, никогда не знал, что толпа может исчисляться пятью особями, и сражался с ними на равных и даже одного убил. В общем я сделал то, что не смогло сделать целое племя. Ну и как мне теперь в глаза, после этого, смотреть своим фастирам. Поймаю этих охламонов, высеку.

Но делать нечего, толпа перед домом беснуется, своего Фаста видеть желает, надо свой стыд засунуть куда ни будь подальше и предстать пред их ясные очи. Оделся я и уже вроде как выходить собрался, но меня Гоня остановил.

— Погоди. Накинь на плечи. — И шкуру сакура протягивает, но не ту на которой я ехал, а другую, новую и выделанную, лоснящуюся всю, черными пятнами на сгибах играющую. Где только такую здоровенную откопал.

— Зачем? Вроде не холодно, в меха кутаться.

— Как зачем. Ты же сам себе символ властный выбрал?

— Чего я выбрал?

— Символ власти говорю. Ты, когда его на плечи накиннул, да топором на солнце указал, мы сразу все поняли, и поддержали. Очень красиво смотрится. Нам нравится. — Да. Слово

нет. Выбрал себе блин царский наряд. Пришлось надевать. И выходить в нем к толпе.

Ждут. Речь Фастира выслушать желают. А мне какого. Как думаешь, когда я последний раз перед толпой выступал? Правильно, никогда. Лучше еще раз блох по лесу погонять, чем такое пережить. Мандраж на меня жуткий напал. Но что делать. Вышел. Глазами хлопаю, рот раскрыл, а сказать не могу ничего. А потом Ларинию увидел, она чуть в сторонке стоит, и внимательно на меня смотрит, ждет. Как токомшибануло, сразу очнулся и меня понесло:

— Фастеры мои. Рад снова видеть вас. Много мы пережили хорошего и плохого вместе. И вот новая напасть пришла на наши земли. Так соединим наши усилия. Не пощадим живота своего. Встанем плечом к плечу, и разгромим врага. — Пургу нес жуткую. Штампами из своего мира сыпал не останавливаясь. Но впечатление произвел. Вон даже Лариния рот открыла и прослезилась. Да, вот что с нами агитпроп делает. — Враг на подходе. Встретим супостата. Все по местам.

С девушкой поговорить так и не удалось. У нее тоже свое место в обороне оказалось и, ушла на войну любовь моя, а меня поволокли показывать, что успели сделать в отсутствии Фаста.

Появились они ближе к обеду. Сначала четыре черные точки вывалились из-за холма, и медленно приближаясь, постепенно, превратились в здоровенных бляхсов. Вот вроде всего четыре, против толпы, а попробуй справишься. Неуязвимы. Танки, а не живые существа.

Мы молча встречали их недалеко от ворот. Смысла прятаться за частоколом нет. Всеравно перепрыгнут. Часть наших воинов, разбившись на четверки встала позади шеренги стоящих с ружьями на изготовку. Я немного сзади и справа с колом в руках, волновался как первоклассник идущий первый раз в школу. Тренировки проходили без меня, и потому не знал, на сколько хорошо все получится.

— Огонь! — Командую. — Когда цели приближаются на расстояние выстрела. Никакой даже надежды не испытываю, что поразим врага. Задача лишь сбить его с толку, заставить волноваться, начать действовать раньше, и потому быстрее устать. — Заряжай.

Бляхсы прыгнули, и огромными скачками быстро начали сокращать расстояние. Жуткое скажу тебе зрелище. Посмотри под микроскопом на блоху, тогда возможно меня поймешь. Еще один выстрел мы успели сделать.

— Огонь! — Снова грохот и облако дыма. Есть два попадания. Две цели в полете разворачивает, и они падают, но тут же вскакивают, треща хитином, и мотая головами вновь бросаются в бой. Упертые, ничего не скажешь.

— Шеренга! Коля и топоры готовы! Четверкам приготовится. — Командую я. Ружья летят прямо на землю. Толку от них сейчас никакого, только будут мешать, нам нужна свобода перемещения, огнестрел почистим потом, если выживем. Бойцы выхватывают новое оружие, и обежав вышедшие вперед четверки, замирают в готовности сзади.

Не сбитые выстрелами бляхсы делают последний решительный прыжок, и приближаются со скоростью брошенного камня, свистя противными голосами. Вот они уже практически врезаются в застывшие в ожидании четверки.

— Лови! — Ору я в азарте. Четверки, на которые нацелились враги мгновенно срываются с места в разные стороны, и растягивают сети. Не успевающие среагировать на это бляхсы влетают и них и запутываются, пытаются махнуть своими дубинами, но на них летит еще одна сеть. Все два врага спеленали. Им беззащитным уже вбивают колья между крыльев, интенсивно работая обухами топоров.

Но на помощь летят еще два. Одного ловят. Однако не так ловко, как тех первых, один соплеменник падает, споткнувшись и выпустив из рук сеть, чем мгновенно пользуется враг и бьет дубиной, бедняга тряпичной куклой улетает в сторону. Но туда уже спешат другие, забрасывая блякса сетями, и у них получается, еще один враг повержен.

Но второй успевает среагировать и зашуршав крыльями меняет направление. Он приземляется недалеко от частокола, и засвистев вновь взлетает, но не кидается в бой, а перепрыгивает в поселок. Там же женщины и дети!

Я с такой скоростью не бегал никогда. Влетел в ворота, растолкав выбегающих оттуда в панике баб. Черная сволочь стоит напротив моей Ларинии, а та, безрезультатно выпускает в него одну стрелу за другой. Как в замедленной съемке вижу поднимающуюся, зажатую в черной лапе дубину, готовую лишить меня счастья. Думать некогда, и я прыгаю, с хрустом вбиваю кол в щель между крыльев. Не знаю, что мне помогло, то ли удача, то ли приобретённая тут сноровка, но я попал, и острая деревяшка, раздвинув хитин, глубоко входит в тело, обдав меня фонтаном зеленой слизи. Чудище зашаталось у рухнуло прямо на мою Ларинию, подмяв под себя. Я взревел в отчаянии, но как ни старался не смог сдвинуть этого монстра с места.

— Помогите! — Заорал я, дергая блякса за лапы. И мой крик услышали. Множество рук сдернуло мертвое тело с девушки, и я упал, заламывая руки, перед ней на колени.

— Лариния!

— Она открыла глаза и улыбнулась, и сказала тихим, усталым голосом:

— А ты и вправду великий древний герой, сошедший с картины. Правду о тебе говорят твои фастиры. Только липкий весь и зеленый.

Приглашение

Они стояли передо мной на коленях и колотились лбами о землю, оглашая пространство звуками, напоминающими приближение похоронной процессии

— Бум!.. Прости Фаст! Бум!.. Прости Фаст. Бум!

Более глупейшей ситуации, я в своей жизни не помню. Четыре озбрассо: Гоня, Строг, Бутсей и Дын, четыре самых влиятельных в нашем племени вождя, кроме дыни конечно, просили у меня прощения, а я не понимал, за что. Стоял, хлопал глазами, придурковато улыбался, и пытался их поднять, но у меня ничего не получалось.

Они просили себя простить, и только после этого, соглашались принять вертикальное положение, шантажисты чертовы. Я же пытался сначала узнать: «В чем дело?», и только потом простить, если будет конечно, что, и за что. Ситуация зашла в тупик на глазах у всего поселка. Но самое обидное, что при всем этом присутствовала Лариния. Она, кстати, не пострадала при нападении, только испугалась. Теперь стоит, вся серьезная, и наблюдает бесплатный спектакль. С главным клоуном в главной роли — мной.

— Вы всё-таки объясните, наконец, что тут происходит! — Я уже начал закипать. — Что вы из меня посмешище делаете. Встаньте немедленно, и рассказывайте, а то эти бляхские сопли на мне уже начинают засыхать, и я рискую превратиться в зеленую статую.

Эти сволочи пристали ко мне сразу после боя, а я если помнишь, изрядно измазался, когда проткнул, эту блоху — переростка, и теперь зеленая жижа — кровь застывала, превращая мою мягонькую одежду, в рыцарские доспехи, а мое лицо в маску Арлекина.

— Короче. Идите вы в то место от куда на свет появились! — Наконец не выдержав вспылил я и бросился бегом вон из поселка к озеру.

Долго отстирывался, и мылся с помощью мелкого прибрежного песка. Что тут удивительного? Мыла нет, от слова совсем, не научились делать. Сам хотел попрогрессорствоать, но из рецепта помнил только ценник в магазине, и потому надраивал свое тело и штаны, одной и той же наждачной бумагой, в изобилии рассыпанной под ногами.

Покончив с этим издевательством, и разложив сушиться одежду на песке, сам раскинулся загорать, отдав скрипящее чистотой тело, во власть ультрафиолета. Скопившаяся усталость навалилась как-то сразу, и я уснул.

Снился приятный сон, как я спасаю свою Ларинию, унося ее на руках, из клокочущего пламенем вулкана. Кругом клубы дыма, прекрасное лицо девушки, земля трясется под ногами, я бегу, и....

Просьпаюсь, не понимая, что происходит, и выдаю многословную, душевную фразу, которая наверняка войдет в учебники по литературе. Приводить ее текст тут не буду, потому что, основная ее часть является нецензурной.

Эти четыре долбоящера, стоят недалеко от меня на коленях и трамбуют песок своими лбами. Монотонно повторяя как молитву: «Прости».

— Все, достали вы меня. Прощаю. — Сдался я, махнув рукой. — Только отстаньте.

Они мгновенно вскочили на ноги, и засверкали своими уродливыми улыбками. А ведь никакого раскаянья в глазах. Развели паршивцы.

— Слушаю. — Смотрю на них и сам засмеяться хочу. Настолько неправдоподобно играют смущение. Нет на них Станиславского.

— Мы вот в чем повинится хотели. — Гоня опустил голову, общаясь с песком, и ножкой так сволоочь застенчиво песочек разравнивает. — Мы специально тебе видится с Ларинией не давали. Но не она в общем-то причина. Мы не хотели, чтобы ты с людьми встречался.

— Боялись мы. — Перехватил инициативу раскаяния Строг. — Боялись, что уйдешь от нас.

— Встретишься с похожими на тебя и бросишь своих фастиров. — Перебил Гоня.

— Это я уже давно понял. — Я не сердился, сегодня такой день, что можно простить все. — Но почему именно сейчас решили признаться?

— Так осознали. — Буркнул Дын.

— Смотрю на твою рожу, и сомневаюсь. — Усмехнулся я.

— Нуу... — Замялся он. — Там еще это... Лариния пригрозила, что расскажет.

— А она то тут причем?

— С официальным визитом от их вождя она приехала. Вроде как в гости тебя зовут. Ну и предупредила, что если мы препятствовать будем, то расскажет все.

— Все! Простил! Валите отсюда! — Такое разочарование на меня накатило, что хоть вой. Я-то думал, что девушка со мной просто хотела встретится, а ей оказывается приказали мне приглашение передать. Раскатал губу баран. А, с другой стороны. Кто я такой. Фаст местных аборигенов, которые даже не люди. У которого и одежды-то элементарной нет. Нищий оборванец. Все правильно. Все так и должно быть. Если ты какашка, то и барахтайся в своей выгребной яме, нефиг в бальный зал вылезать, испачкаешь ещё там всех.

Вот в таком вот прекрасном настроении я и вернулся назад в поселок. Кругом эйфория победы. Радостные крики, танцы. Песни поют, особенно «Варяга», этот хит, практически гимном племени стал. Надо им какую ни будь веселую вспомнить, нельзя все время даже на праздниках — не сдаваться. Да и инструмент какой ни будь музыкальный напрогрессорствовать, что они все на губах барабанят.

Она быстро подошла, и опустившись на одно колено, протянула мне с поклоном, перевязанный черной бечёвкой свиток, толи бумажный, то ли еще из какого материала сделанный, непонятно.

— Прими послание нашего вождя Фаст! — Громко и торжественно произнесла она.

Вот только увидел ее склоненную белокурую головку, сразу все обиды прошли. Ну и пусть. Подумаешь обиделся он. На что? Вот же она, тут с тобой. Какая разница почему. Главное, что ты ее видишь, слышишь голос, чувствуешь запах волос, и сердце начинает стучать громче. Нет уж, я вылезу из этой вонючей ямы, и пусть другие будут бояться меня испачкать. Теперь есть цель. Она опять передо мной на одном колене. Вот дурак. Поднять же надо.

— Встань. Не стоит передо мной коленки пачкать. — Я взял ее за плечи и помог подняться. — Давай свое послание, почитаем.

Представь себе сочинение первоклассника, написанное на тему: «Теория торсионных полей в повседневной жизни», на китайском языке. Представил? Вот примерно листок с таким содержимым я держал в руках даже не понимая, в каком направлении и куда, это все необходимо читать.

— Прекрасно, но не смогу... Не умею. — Ответил на устремленный на меня ее удивленный взгляд, но поправил сам себя. — По-вашему не умею.

— Тогда не будет с моей стороны дерзостью, позволить почитать послание мне, для тебя.

Боже как официально. Даже холодком повеяло. И в глазах лед. Ладно, насильно мил не будешь. Но, как же хочется расцеловать эти упрямо сжатые губы. Ответить не получилось, спазм сжал горло, смог только кивнуть.

— Вождь Банутьяров, Борюкс восемнадцатый. Приглашает Фаста Кардира, посетить его владения, с дружественным визитом, для обсуждения правил добрососедского проживания. А также просит принять от него подарок — Хатира чёрной масти. — Сухо прочитала она и протянула мне свиток. — Я Лариния Тускар, буду иметь честь сопровождать тебя. — Добавила она бесцветным механическим голосом. Ни улыбки, ни доброго взгляда. Нет что-то не так.

— Я принимаю приглашение. Надеюсь поездка в моем обществе не испортит окончательно твоё настроения?

Она как-то странно на меня посмотрела и вновь склонила голову.

— Ни сколько. Это мой долг. — Ещё. Я благодарна за помощь. Ты спас мою жизнь. И если бы я не была связана другой клятвой, то обязательно признала бы тебя своим Фастом.

Ну слава богу. Когда она о жизни своей заговорила, я чуть не упал. Вот только для нее хозяином стать не хватало, у меня несколько другие желания.

— Можно не благодарить. Это обязанность любого мужчины, защитить женщину. — Я ответил пафосно, подстраиваясь под ее тон.

— Обязанность? — Она прострелила меня испепеляющим взглядом. — Прошу прощения. Мне нужно удалиться. — Развернулась, и быстрым шагом вышла за ворота поселка.

— А ты дурак, Фаст. — Прохрипел сзади голос Строга.

Признание

— Это что? — Я смотрел на лошадь, точную копию транспортного средства Ларинии, только абсолютно черного цвета, как ночь, играющую синими всполохами шерсти на солнце.

— Подарок нашего вождя, Фасту Кардиру. — Девушка протягивала мне повод.

— И что я с ним делать буду? Я в седле не разу в жизни не сидел. Я даже отшатнулся от жуткой морды, рассматривающей меня заинтересованно, одним глазом, с прицелом на дальнейшее, явно гастрономическое знакомство.

— Как? Великий Фаст не умеет управлять хатиром? — Она округлила глаза от удивления. Вот оказывается, как называют местное транспортное средство. Да уж, любопытство явно не самая развитая черта моего характера. Что мне раньше мешало узнать название этой зверюги?

— И где по-твоему должен быть этому научиться? Дына оседлать? — Я разозлился, но не на нее. То же мне великого Фаста нашли. Как будто я стремился им стать. Назначили блин, простым большинством голосов, даже мнения не спросили. Соответствуй теперь. А мне это надо? Я может вообще сверла точить люблю.

— На это было бы интересно посмотреть, озбрассо под седлом. Может попробовать? Ты как? Дын? Готов? — Засмеялась она, мечтательно закатив глаза. Господи, какие же они у нее красивые. Но несмотря на это, она всеравно подстрекательница.

— Фаст, все что угодно, только не это! — Завопил сиреной, стоящий рядом мой верный зеленомордый оруженосец. — Любой твой приказ, самый глупый выполню, только не надевай седло, не позорь! — Упал он на колени, и вытянул руки моля о пощаде.

— Ты сдурел что ли. — Я даже отпрыгнул с сторону. — Пошутил я. И она пошутила. Встань немедленно.

— А я подыграл. Правда здорово получилось, даже ты поверил. — Эта сволочь поднялась на ноги, и стоит, смотрит на меня, ржет придурок, убью, когда ни будь.

— Правда. — Только и осталось буркнуть мне.

— Я могу помочь. — Улыбается Лариния.

— Меня оседлать?! — В притворном испуге взревел Дын, и снова грохнулся на колени, утрамбовав лбом песок у ее ног. — Только не это госпожа.

— Вот клоун, нет конечно. — Засмеялась она. — Кардира потренировать, сидеть в седле, на лугу или на берегу озера можно на хатире поездить, поучиться. Они послушные животные, только подружиться с ними нужно. Покормить, приласкать, и они ответят взаимностью.

— Покормят и приласкают. — Пробурчал я в ответ.

— Нет, они становятся послушными. — Давно я не слышал ее смеха. Как бальзам на рану льется сладким нектаром.

— Тогда лучше на озере, там песок, там падать мягче. — Ну вот, теперь и у меня раздражение прошло, ну что ей раньше мешало быть такой веселой, а не ходить букой. Даже дышать легче стало.

— Дын принеси мне мешок с кормом, он на седле у моего хатира привязан. — Скомандовала она моему фастиру, и так это ловко у нее получилось, что тот с улыбкой исполнять кинулся, мне даже обидно стало. Со мной и поспорить может, и так резко

выполнять не бросится. Предатель. О, женщины, что делаете вы снами!

— Вот, — протянула она мне полоску вяленного мяса.

— Это что?

— Корм.

— Он мясом питается?!

— Конечно, он же хищник. Дай ему лакомство, оно слегка подсоленное, и потом около глаза почешу, по голове погладь Им нравится такое. Вот и подружитесь. Только осторожно сначала, не напугай.

Куда я попал!!! Природа — мать...! Что ты тут устроила?! Лошадь хищник! Но назад домой не хочу. Мне здесь нравится. Чертовски нравится!

Ощущения от езды на хатире передать словами невозможно. Даже сравнить не знаю с чем. Попробуй кота оседлать и прокатится. Получится что-то похожее. Движенья мягкие и плавные, словно по полю ветром стелешься, а не скачешь. Никогда бы не подумал, что так возможно, с его то куриными ногами. Однако это так.

Поначалу я долго тренировался взбираться на спину этой зверюге. У Ларинии вон как лихо получается, прыг и все, даже стремя не нужны. А я в первый раз прыг, и мордой в песок, перестарался блин, перелетел. Второй раз не долетел, в третий раз попал в цель, но поперек седла. И таким образом много раз. Видимо небыло у меня в роду кавалеристов.

Кстати своего хатира я Тузиком назвал, только не спрашивай почему, сам не знаю. Хотел сначала Рябой наречь, за ноги куриные, но передумал, как-то неправильно так над боевым скакуном надсмехаться. Потом Тартилом, за морду черепашью. Но опять передумал. На Тузике остановился, каким-то теплом от такой клички веет, ностальгией. Теперь у меня есть свой боевой питомец — Тузик. Мы с ним друзья, несмотря на то, что сначала он мне палец прокусил, зараза. Мясо я ему неправильно дал, надо было на ладошке, а я между пальцев зажал. Век живи, век учись.

Гоняла нас с Тузиком Лариния до вечера. И шагом, и галопом, и рысью. Издевалась как могла. Но я не обижался. Я был счастлив. Она смеялась над моими неуклюжими действиями. Подбадривала теплыми словами. И мне было хорошо.

Когда солнце уже коснулось краем темнеющих вдали верхушек леса, а с противоположной стороны показалась луна, мы закончили тренировку, и сели отдыхать на берегу озера. Мы молча наблюдали как сменяется день на ночь, вытягивая золотые дорожки света по зеркальной глади воды от уходящего дневного светила, к восходящей хозяйке ночи, словно они пожимали друг другу руки на прощание. Только редкие всплески играющей рыбы, нарушали тишину.

— Ты красивая. — Я посмотрел на нее. — Мне нравится, когда ты веселая, как сейчас, наверно всю жизнь мог бы просидеть с тобой вот так бок о бок.

— Извини, Фаст, но у нас не может быть с тобой ничего. — Она отвернулась.

— Почему?

— Ты владелец трех племен, а я простая охотница. Это неправильно. — Она вдруг резко повернула ко мне голову и посмотрела в глаза. — Красивая говоришь. А почему ты тогда не подошел ко мне... Я ждала, чтобы поблагодарить тебя за спасение, а ты разговаривал со своими фастирами, не обращая никакого внимания. И потом... твои слова о долге мужчины....

Боже какие глаза, они сверкают, отражая свет луны. А губы, страстные. Я даже не

понимаю, что они говорят, я загипнотизирован. Что со мной?!

— Прости, Фаст, я не должна тебе такого говорить, тем более в таком тоне. — Она резко встала и склонив голову попыталась уйти.

— Стой! — Я схватил ее за руку. — Прости. Я видел тебя там, в поселке, когда выслушивал фастиров, но они стояли на коленях и уйти просто так было бы неправильно, и еще я не мог подойти в таком виде, я был залит кровью того чудовища, ты же помнишь, а затем ты была так холодна, что я просто растерялся, не знал, как себя вести. Прости меня, — Слова лились из меня страстным потоком, быстрее и быстрее, Я спешил все ей сказать, чтобы поняла, и не ушла.

Она стояла, не вырывая руку из моей ладони и молчала, только слеза, маленькой капелькой сверкала в лунном лучике на ее щеке.

— Так не должно быть. — Едва слышно прошептала она. — Между нами пропасть. Ты Фаст я охотница.

— Плевать. На все плевать. Я люблю тебя.

— Нет, это неправильно. Так не должно быть. У тебя это пройдет! — Она вдруг вырвала свою руку и скрылась в темноте ночи.

Я знаю, что поспешил. Напугал ее своим напором. Это неправильно. Надо дать время. Я только, что признался в своих чувствах. Не просто ляпнул как это было раньше, несколько раз, в моей жизни: «Я тебя люблю», с выражением на лице: «Только отстань». А вот так — искренне. Страстно желая взаимности. Я не хочу на нее давить, поэтому дал уйти. Нет теперь таких преград для меня которые я не смог бы одолеть ради нее. Надо будет стать фастиром ее вождя? Стану. Брошу все к чертям и стану. Только что бы быть рядом.

Пока раны заживали

Перестарался я с тренировками. Сегодня выгляжу как футболист несущий мяч между ног. Натер себе все, что мог, до кровавых мозолей. Вот знал, что так произойдет читал в свое время про подобные казусы, но из головы вылетело.

С Ларинией я уже виделся. Мы оба сделали вид, что вчера ничего не произошло. Я не стал приставать к ней с вопросами, а она видимо вообще меня стеснялась и избегала.

Сославшись на важные дела, отложил свою поездку на неопределенный срок. Откуда я знаю, когда задница заживет? И как еще прикажешь объяснить такое решение? Не натертостью же интимных мест. Не поймут. И ли, что еще хуже засмеют. Тут население грубое и прямолинейное.

За время своего лечения сделал довольно много.

Приказал всем трем объединенным мной племенам, переселиться сюда, в поселок бывших дроци, поставить частокол и обустраивать быт. В связи с последними событиями, безопасность отдельных поселков ставилась под вопрос. Да и два племени изрядно поредели, за последнее время, особенно в отношении мужчин. Вместе нам будет проще, безопаснее и спокойнее.

Поначалу пошло недовольное шушуканье, виной которому было непонимание, что делать с ритуальными кострами. Проблему решил просто — с помощью мата, пинков и объяснений. Раз все теперь одно племя, то и костер будет один. Переселяющиеся принесли в светильниках огонь из своих селений, и объединили его с местным. Получилось еще лучше, чем ожидал. Души предков объединились в небесных чертогах, и покровителей стало в три раза больше, ну а я стал обладателем еще одного титула; «Мудрый». Никогда в себе подобного не замечал.

Так же отправил на северный берег моря разведку. Трех опытных лесовиков во главе со Строгом. Надо же посмотреть, откуда эти щедрые чудо-юды блошинные взялись, и подарили мне титул: «Смерть врага», и символ власти — шкуру сакура, правда они и сами не знали, что такие щедрые. Но это не важно. Строго наказал лазутчикам себя не обнаруживать и никого не трогать, посмотреть и возвращаться. Остается только ждать.

Да, чуть не забыл. Первый огород в этом мире появился. Местное население понятия не имело, что это такое. Всю жизнь собирательством занималось. Каких трудов мне стоило пробить эту идею в их тупоголовые лбы даже говорить не хочу. Первая отговорка была: «Никто и никогда так не делал. Наши предки так не жили», убойный аргумент в споре, я тебе скажу, возьми на заметку, пригодится, о него разбиваться любые приводимые доводы, кроме одного: «Вы с Фастом поспорить хотите сволочи?! Я сказал огород, значит огород!», на этот аргумент возражений небыло. Но начались проблемы. Нет неправильно сказал — одна проблема. Лопата.

Думаешь: «Что за ерунда? Что там такого сложного?», три раза ха. Попробуй сделать что-то не имея ничего. В магазин не сбегает. Можно конечно выковать, но, во-первых, не умею, во-вторых материала нет, а в-третьих и самой кузницы нет. Пришлось общаться с предками. Нет, у священного костра я не сидел и в молитве руки не грел. С памятью моих предков обстоит все проще. Вспомнил, просто, что, в старину деревянными лопатами обходились. Ну тут и поперло. Для начала новая проблема. Я не плотник и не столяр. Вот вроде и топор есть, и желание, а не получается черенок с ковшом соединить. Пришлось сразу

два в одном тесать, из одного куска полена. Работал Дын, а я командовал. Не потому, что лень, а потому что болею.

Первый опыт копания земли, первой в этом мире лопатой, был прокомментирован моим отборным матом. В ладонь загнал занозу, размером со спичку. Едва не убитый новым инструментом Дын вытащил ее зубами, и был послан, нет, не туда куда ты подумал, на берег озера шлифовать свое изделие песком, он был отправлен.

Ну и наконец, кое как, с помощью лопаты и какой-то матери огород вскопали, и даже засеяли местным аналогом картофеля, только противного фиолетового цвета, и слегка сладковатого на вкус. Но тут же встал ребром очередной вопрос — заликсы (зайцы местные), эти отморозки сожрали первые посевы вчистую, еще и поле так вспахали, что я начал продумывать, как можно использовать их труд в сельском хозяйстве? Правда не придумал ничего. Но зато изобрел первое в этом мире пугало. Набил сухой травой паучий кокон, стянул в районе горла веревкой, получил голову, воткнул вместо рук, ног и носа верки, углем из костра глаза нарисовал. Штука получилась действенная, а в совокупности с невысоким частоколом, просто убойная. Следующий посев ни одна скотина больше не трогала, даже дольсящцы подходить побаивались.

Еще одно мое гениальное изобретение, восхитило все население поселка. Началось все с похода в лес за посадочным материалом для огорода.

Перепрыгивая через очередное поваленное дерево, я случайно зацепился ногой, и продолжив свой путь способом «рыбка», воткнулся головой в здоровенный трухлявый пенёк. Хорошо воткнулся — по пояс, и если бы не вездесущий Дын, то и не знаю, как бы и выбрался. Но пока торчал такой вот морковкой в трухе, посетило меня вдохновение.

Пень мы выкорчевали, труху высыпали, с помощью топоров нужную почти идеальную форму придали, и в поселок укатали. Затем, на берегу озера, под общее непонимание, мы брили, и шлифовали песком шкуру пентана. Наверняка, когда я не видел, мои фастиры крутили пальцами у виска, тем самым восхищаясь умственными способностями их Фаста. Затем, двое суток вымоченная в воде шкура, была натянута на пенёк, закреплена паутиновыми веревками гномов и оставлена на солнце сушиться, под наблюдением хихикающего втихаря над своим вождем, населением поселка.

Но когда, палочки в моих руках, в первый раз выдали что-то похожее на барабанную дробь, все племя дольсящ замерло, в стоп кадре. Они застыли с отвалившимися подбородками, таращась сразу всеми тремя глазами на виртуоза — музыканта, первый раз севшего за инструмент. Когда звук барабана стих, произошло извержение вулкана. Только так я могу охарактеризовать окружающее меня пространство в то мгновение. Великому Фасту, пришлось драпать. Количество желающих расцеловать его руки и губы, исчислялось численностью населения всего поселка.

Вот в таких трудах и пролетело две недели. Страшные боевые раны, на моем многострадальном теле затянулись и зарубцевались благородными шрамами. И я возобновил тренировки с Тузиком, но уже без фанатизма. С Ларинией все это время практически не разговаривал. Она избегала встречи. Вернулся из разведки Строг, с дурными вестями.

Врагов оказалось много. И были там не только бляхсы, но и другие странные создания. А также шесть кораблей, которые их привезли. Если предположить, что те первые, уничтоженные нами, были что-то вроде разведчиков, и следом должны пойти остальные. То получается, что это вторжение. Война получается. И что-то мне подсказывает, что дела наши плохи. Не выстоим мы. Нужны союзники. И визит к банутьярам уже не выглядит простым

знакомством.

Отправил Строга обратно, наблюдать, и собирать информацию. При малейшей попытке выдвижения врага в нашу сторону немедленно сообщать мне. Где искать своего Фаста он знал.

В общем накинул я себе на плечи символ власти — шкуру сакура, повесил на перевязь топор и нож, оседлал Тузика, и в сопровождении Ларинии отправился в путь, знакомится с Борюксом.

Трудный путь к разговору

По дороге в гости к банутьярам, мы практически не разговаривали. На все мои вопросы Лариния отвечала односложно, сразу этим пресекая возможность общения. Как не пытался я понять происходящее, у меня не получалось. Какие только мысли не посещали мою многострадальную голову.

На счет ее странного ко мне отношения я мог строить только догадки. Я видел, что она ко мне равнодушна, но в то же время всеми силами пытается это скрыть. Но вот почему у нас такое разное отношение к моему фастирству? Кажется, начинаю догадываться.

В моих рассуждениях, господствующее положение лидера в обществе, должно выражаться в его достатке. То есть Фаст, просто обязан иметь максимальное количество материальных благ, которых, кстати, у меня нет. Потому я и считаю, что недостоин ее. У нее-то, по моим соображениям достатка хватает. Хоть она и называет себя простой охотницей, что-то мне подсказывает, что это не так. В ее же понимании, как кстати и всех моих фастиров, лидер обязан иметь только одно. Право первым пойти и умереть за свое племя. Все остальное не имеет значения. Все эти шкуры на плечах и короны на головах, это только мишура, лишь подчеркивающая степень уважения к нему окружающих. Невозможно стать Фастом в этом мире насильственно. Никто не отдаст свою жизнь во владения другому даже под угрозами смерти, он может это сделать только добровольно. Поэтому то и относятся тут к своему лидеру так трепетно. А мне доверились сразу три племени. Потому девушка и считает себя недостойной. Это та преграда, которую очень трудно будет преодолеть.

Она ехала немного впереди. Я смотрел на покачивающуюся в седле спину и никак не мог решиться на разговор. Раздирающее меня чувство нельзя было назвать трусостью, это скорее странная дрожь в душе, что-то наподобие робости, хотя и это определение не подходит к описанию состояния, охватившего меня.

— Лариния. — Наконец я решился заговорить. — Мне кажется, что я понимаю причину твоего отношения. Ты считаешь, что недостойна меня только потому, что не владеешь ни одним фастиром. Но это не так. — Плечи ее вздрогнули, но она не ответила.

— Я знаю, как это исправить. — Я остановил своего хатира и закричал, привстав в стременах, со всей горячностью, накопившейся в душе. — Я буду твоим рабом, Лариния! Прими мою жизнь! — Я спрыгнул на землю и упал на колени.

Она резко остановилась и развернулась. По ее щекам текли слезы, но она смеялась.

— Ты дурак Кардир. Фаст не может отдать свою жизнь во владение другому. Он уже отдал ее своим фастирам. Да, есть определенная правда в твоих словах, но это совсем не то. Просто я чувствую себя в твоём присутствии маленькой девочкой рядом с великаном. Это не потому, что ты такой большой и сильный, на свете много людей превосходящих тебя по стати. Но в мире еще не было такого, чтобы сразу три племени, да еще другой расы, отдали свои жизни практически одновременно, и в этом твое величие. Ты не такой как все. А я ведь помню, еще совсем недавно, валяющегося на песке и скулящего пуся, вызывающего жалость. Тогда ты был одним, теперь ты другой. А кем ты станешь завтра? Дай время нам — и мне и тебе. Я не отвергаю. Я лишь прошу времени. — Она вновь развернулась и замолчала. И

дальше мы ехали не проронив ни слова.

Что я могу сказать про поселение банутьяров. Представь, что ты из деревни Гадюкино. Запендрищенской области, в стеганной фуфайке и зимней затертой меховой шапке с одним отвисшим засаленным ухом и с зажеванной папиросой во рту, на телеге, запряженной старой клячей, въезжаешь на площадь современного города, и останавливаешься у торгового центра. Какое у тебя будет состояние? Вот и я чувствовал себя стукнутым пыльным мешком по голове.

А это был именно город. Пусть маленький и деревянный, но город. Посреди обступающего со всех сторон леса, обнесенный крепостной стеной из бревен, а не частоколом как у нас.

Массивные ворота, гостеприимно распахнутые настежь. а за ними прямая улица, с бревенчатыми домами, с резными наличниками над провалами окон без стекол, и с двухскатными крышами, радующими глаз разноцветной дранкой, по обеим сторонам дороги. А дальше, в конце, огромный терем — дворец, покрытый шедевром резьбы по дереву, где каждое бревно имеет свой орнамент, и в то же время составляет одну завораживающую взгляд композицию, и кровлей, застеленной тонкими дощечками внахлест, так же покрытыми резьбой, с отражающимся там солнцем в полированном лаке. И кругом люди. Спешащие по своим делам, чем — то занятые за низенькими оградками своих дворов, суесящиеся и спокойно бредущие люди.

Гомон и смех. Все это навалилось на меня сразу водопадом, внезапно оглушив. Я застыл посередине улицы, открыв рот, и стоял так, пока кто-то с силой не толкнул в плечо, и так сильно, что меня развернуло на девяносто градусов.

— Что встал деревенщина! Двигай к забору и топай вдоль него, не путайся под ногами. — Произнес здоровенный мужик, по пояс голый, в красных кожаных шароварах. Он смерил меня ехидной улыбкой, и махнув головой, откинул на бритый затылок длинный чуб, спадающий на глаза.

— О ветер. — прошептал за спиной взволнованный голос Ларинии.

Еще недавно я именно бы так и поступил, припустил бы по заборчику бегом от неприятностей, но сейчас.... Но сейчас нет. Я повернулся к девушке и спросил ее, постаравшись вложить в голос как можно больше сарказма.

— Лариния, мне показалось, или действительно здесь запахло дерьмецом? — Она прыснула в кулак и смущенно засмеялась, а я, зажав нос повернулся к детине, жестко посмотрел ему в глаза, и замахал рукой, всем видом показывая, что отгоняю от себя вонь. — Это от тебя что — ли так смердит? Ты бы помылся что ли, заликс.

Мне даже показалось, что у него пар пошел из ушей, на столько покраснел бедолага.

— Никто еще безнаказанно не оскорблял Рутыра!!! — Взревела и сжала кулаки эта гора мышц.

— Вот опять. Слышишь Лариния. — Я приложил руку к уху. — Опять кто-то воздух испортил. Слышала?

Я едва успел пригнуться, но мой берет, всё же снесло огромным кулаком. Но на этом все и закончилось.

— Стоять всем. — Зазвучал громкий голос и в нашу сторону направился крепенький седой старичок, закутанный в белоснежный плащ и с обручем на голове стягивающим длинные, до плеч волосы. — Опять ты Рутыр буянишь, отделают тебя когда-нибудь так, что

встать не сможешь, — он говорил прямо на ходу, в длинную седую бороду, рассматривая меня внимательным взглядом.

— Не. — Заржал злосчастный Рутыр, вставая на одно колено и склоняя голову, не вылупился еще такой цыплёнок на свете, а если все-таки такой найдется, я ему жизнь отдам. Только не бывать такому.

Лариния тоже приклонила колено.

— Ну и дурак же ты. — Буркнул старик и посмотрел мне в глаза. — Фаст Кардир? — Он скорее не спрашивал, а констатировал факт.

— Да, — я хлопнул по груди ладонью в приветствии.

— Я Фаст Борюкс, вождь здешних племен. — Он так же прижал ладонь к груди. — Надеюсь ты не в обиде на этого охламона?

— Я в обиде, он меня оскорбил, и плевать мне на то, какой он фаст, и какой Кардир, по морде однозначно сегодня получит. Закон таков. Я его на поединок вызываю. — Забубнил детина, не поднимая головы.

— Поимей совесть Рутыр, — Лариния заговорила так же, не поднимая головы. — Ты же первый его толкнул.

— Тогда он пусть меня вызывает. — Засмеялся тот.

— Твой выбор фаст. Ты в праве отказаться. Местный Фаст стрельнул хитрющими глазами.

А не сговор ли это? Ну что за тудыг, растудыг. Стоит мне только где-нибудь оказаться, так сразу непременно вляпаюсь в неприятности. Вот что мне делать? Этот детина в два раза больше меня. Уроет меня с одного удара. Но и отказаться никак. В глазах, собравшихся поглазеть на представление жителей этого поселка, буду выглядеть трусом. А что подумает девушка, вообще лучше промолчать. Нет уж.

Я изобразил на лице полное равнодушие и пожал плечами. — Ну что же, мне еще один фастир не помешает, а то у меня все зеленомордые, будет хоть одно светлое лицо.

В глазах деда мелькнула искра уважения.

— Идемте тогда за ворота. В поселке поединки запрещены.

Драться предстояло на кулаках. Здоровенный детина стоял передо мной на поляне, и разминал шею. Такой своего рода бык переросток. Гора мышц неотягощенных разумом. Но сомневаюсь, что это так. Стереотипы вредны, а в данном случае для моего здоровья. Судя по его глазам разум там есть и немалый. Роль он свою играет, засранец такой. Точно ведь подстава. Ну ничего, не на того напали.

Он крутил запястьями, перевязанными ремням напротив меня, в костюме Адама, только срамное место прикрыв гульфиком, наверно фасон у меня спер как-то, гаденьш. Все чего — то ждали, а я рассуждал над тем, как сделать так, чтобы меня не убили сразу. Была одна мысль, но настолько глупая, что я гнал ее от себя поганой метлой, но она, зараза такая, так и стремилась пролезть в подкорку и зацепится там за извилины.

— По правилам в бою на поляне, следует быть обнаженным. — Прозвучал голос Борюкса.

Во как. Банальную драку один на один обозвали: «Бой на поляне», они бы еще дуэльный кодекс изобрели. Интересно, а ограничения тут есть какие-нибудь, кроме мужского стриптиза? Я скинул с себя пиджачок, оставшись только в штанах. Свой-то гульфик я дома оставил.

— Надо обнажиться полостью. — Настаивал голос.

А вот хрен вам. Еще не хватало тут сверкать своими достоинствами. Перебьетесь.

— Это ваши правила, а мои не позволяют мне обнажаться ниже пояса. Да и боюсь за душевное состояние Рутыра, вдруг не выдержит зрелища и упадет. — Нашелся я с ответом. — Если вас не устраивает, зачем моему противнику поражение и разойдемся.

— Ну уж нет. — Заржал мой соперник. — Ничего там такого у тебя не может быть, что бы я не выдержал, да и наплевать мне в штанах тебе мозги выбить, или без них. Я согласен на бой на его условиях.

— Ну что же, тогда начнем. Бой за оскорбление будет идти без правил, до того момента, пока один из противников не запросит пощады, или не упадет бесчувственным или мертвым. Даю время на обдумывание и признание себя пораженным. — Хитрющий взгляд деда скользнул по моему лицу. — Раз... Два... Три... Четыре... Пять... Начали.

Вот же засада. Жесткие правила, синяком не отделаешься. Я эти бои без правил и в своем мире терпеть не мог, не понимал, что в них может быть интересного. А тут, видишь ли, поучаствовать придется. Вон красавец напротив уже с земли пыль копытами сбил, и несется на меня, огонь из ноздрей пылает, паровоз чертов. Эх, была не была, что я теряю, мысль свою из извилин достал, пригладил, приласкал, и решился исполнить. Зря что ли я Дына спасал.

Подпустил этот паровоз поближе, подпрыгнул повыше, за чуб его длинный ухватился и сделал сногсшибательное сальто прямо на шею ему сзади сел. Так лихо у меня это получилось. Как раз его голова между ног оказалась, сразу скачки на пентаре вспомнились. Ну а затем, ладошками, с двух сторон, дуплетом, совсем без всякого сожаления по его ушам зааплодировал. Ох не зря я его паровозом назвал, рев такой поднялся. А на меня смех напал, адреналин видимо. Родео восхитительный получился. Мой бык орет, копытами лупит, башкой и руками мотает, меня скинуть хочет, я его коленками пришпориваю, ладонями подгоняю, вокруг толпа зрителей неистовствует, в хохоте по земле катается. Фаст Борюкс еле сдерживается, чтобы к другим не присоединится, по травке повалиться, Лариния с таким восхищением на меня смотрит, что еще год кататься могу без остановки.

Но бык мой столько времени скакать отказался, толи устал, то ли я слишком сильно в ладони хлопнул, но он споткнулся и рухнул, я едва ноги выдернуть успел, чуть не придавил меня тур мой недоразвитый. Ну а я что, поклонился публике, поблагодарил за бурные аплодисменты и одеваться пошел. Потом в чувство свое транспортное средство приводить стал. Ведро воды ему на голову вылили, он очнулся, головой затряс, глаза красные, на всех смотрит, ничего не соображает. После третьего ведра в глазах разум заиграл. По щекам я его похлопал:

— Живой? — Спрашиваю.

— Угу. — мычит.

Сзади Борюкс подошел:

— Ну удивил, — хохочет, — давно так не смеялся, первый раз такой бой вижу. Этого бугая еще никто не разу завалить не смог, а у тебя вон как лихо получилось. Не зря тобой зеленые так восхищаются.

— А вот скажи ко мне Фаст, зачем ты все это представление устроил? — Я резко перестал смеяться и повернулся к нему.

— Догадался. Ох умен. Вот теперь совсем понятно, как ты столько фастиров за один раз отхватил, — Он еще громче рассмеялся, а глазенки хитрющие так и бегают. Вот тебе и

добрый дедушка одуванчик, с ним ухо остро держать надо.

— Совсем не смешно. Я к тебе договариваться приехал, а ты из меня клоуна сделал.

— Ох не обижайся на старика за такую проверку. Жить нам с тобой соседями, потому и должен же я знать каков ты на самом деле.

— Может меня еще на огнестойкость проверишь. Сгорю я в костре или нет.

— Ну ладно, не перегибай, я ведь извинился уже. Пойдем лучше винца выпьем да поговорим о делах наших

Накушались мы с Фастом Борюксом восемнадцатым до лобызания друг друга, и клятвах в вечной дружбе и любви. Дед он конечно хитрый, но правильный. Уважаю. Простил я ему в процессе пьянки, где-то на стакане седьмом мою проверку, на десятом стакане мы договорились о союзе племен, а дальше я не помню. Утром проснулся в конюшне, в обнимку с Тузиком, а у меня в ногах, свернувшись калачиком, в сене, храпел хозяин местного племени. Никогда не думал, что переговоры могут быть такими утомительными.

Я с трудом поднялся и потрепал его за бороду:

— Борюкс. Ты меня слышишь?

— А? Что? Мы где? — Глаза бессмысленно зашарили по помещению.

— В конюшне вроде.

— Что это вчера было?

— Переговоры блин. Еще один такой раунд я не выдержу. Попить есть тут где ни будь поблизости?

Во рту действительно ощущение пустыни и нагадившего там пентара. Так и хочется все это дерьмо наружу вывалить. Упасть в какой ни будь водоем, и хлебать до состояния лопнувшего пузыря.

— Ага, идем. — Он с кряхтением встал на ноги, и мы поддерживая друг друга вышли из ворот где уперлись в разбитую телегу. Разворочанный в щепки борт и оторванное с мясом колесо, наводили мысль на произошедшем тут побоище.

— Это откуда здесь? — Борюкс оперся о разломанный борт, рассматривая его бессмысленно-блуждающим взглядом.

— Это вы вчера с Фастом Кардиром тренировались, как от бляхсов отбиваться будете. — Сощурился в улыбке незнакомый мне паренек, с переливающимся на солнышке синяком на щеке.

— И что?

— Нормально все. Только у одного, того кто врага изображал, зуб выбили, ну а остальные просто синяками отделались, как и я. Но никто не в обиде, понимают, что для дела надо. Я же топоры вам заранее на деревянные поменял. Чувствовал, что мирно это не закончится. Из добра только телега пострадала и стена сарая, там одно бревно Рутыр головой выбил, зачем приходил не знаю, он не говорил, когда его уносили.

— И много этих «просто» было?

— Не, восемь всего. Остальные разбежались.

Два Фаста посмотрели друг на друга, прижались лбами и закатились смехом.

— Пойдем, друг мой Кордир, по новой договариваться. Я, видишь ли не помню даже, кто такие бляхсы.

Мы сидели за столом и потягивали кисловатый сок из высоких деревянных кружек. Большое светлое помещение, где проходил наш разговор, поражало своим изящным аскетизмом. Ничего лишнего. Овальный большой стол, вокруг восемь стульев на точеных ножках, все из темного дерева. Стены с расставленными вдоль них, также темными, резными скамейками, задрапированы окрашенной тёмно-зеленой кожей с едва заметным золотым узором вытравки, и развешанными луками. Над головой деревянная люстра из

отполированного корня какого-то дерева, на восьми концах которого висят жировые светильники. Ничего лишнего.

— Давай, друг Кардир, все по новой разговаривать. — Сидящий напротив отхлебнул из кружки, крякнул по-стариковски, и поднял на меня глаза. — Ты уж извини, но не помню ничего. Расскажи кто такие эти бляхсы эти. И как вы с ними справились.

Как-то мне неуютно стало под его взглядом. Вот вроде и по-доброму смотрит и с улыбкой, а такое ощущение, что в самую душу. Силен дед, ничего не скажешь. Так и прет из него властью. Рассказал ему все. Скрывать небыло смысла. Озвучил свое мнение о надвигающемся вторжении, и предложил действовать совместно. Он не перебивал, только мрачнел и чесал затылок.

— А вот еще, что скажи мне. Что у тебя с Ларинией?

Я даже вздрогнул от такого резкого перехода на другую тему. Причем тут сейчас девушка? Какая-то даже злость в душе вспыхнула.

— Это тут причем?

— Ну да, ну да, — загадочно пробормотал он в кружку и отхлебнул. — Значит говоришь война?

Вот, что за скачки в разговоре, он, что, опять меня проверяет? Или сбить с толку хочет. Что ему вообще надо? Вот же хитрый дед. Надо как-то инициативу в свои руки брать.

— Говоришь не помнишь ничего? — Я тоже рожу хитрую соорил с прищуром, и в глаза ему понахальнее посмотрел. Если действительно не помнит, ничего, что вчера было, то удивится вопросу, а если врет, то смутится должен. Хватит уже со мной играть.

Он вдруг засмеялся и закашлялся, словно соком подавился. А глаза то серьезные. Черт старый.

— Умен. Умен, ничего не скажешь. — Пробормотал он в кружку. Вот и пойми его. Опять ушел от ответа. И так ведь ловко сделал, что не подкопаешься, и не смутился, и не расстроился. Так себя повел словно я не спрашивал ничего. — Так говоришь, совместно надо?

Я кивнул головой. Вот ведь вроде совсем ничего разговариваем, а я уже устал, так, словно вагон картошки разгрузил, даже пот по спине потек. Всё-таки не мое это. Какой из меня переговорщик.

— Так что у тебя всё-таки с Ларинией?

Опять тему поменял. Вот же гадёныш старый. Вот чего он так интересуется нашими взаимоотношениями? Или меня из себя вывести хочет? Что ему вообще надо? Кто она ему?

— Какое это имеет сейчас значение? Кто она тебе? — Я спросил смотря прямо ему в глаза, а он вдруг смутился.

— Как сказать... Она моя... Лучшая охотница она моя. И мне не безразлична ее судьба. — Вот мутила. Интересно, а кто же это она ему? Если он на нее виды имеет — удавлю. Не посмотрю на то, что он какой-то там Фаст. Она только моя, делить ни с кем не собираюсь. Ну да ладно оставим пока этот вопрос открытым.

— Так что ты предлагаешь? — Вот опять он тему поменял, ну что за человек.

— Объединиться я предлагаю, неужели ты еще не понял. Двумя племенами бляхсов бить.

Дальше разговор пошел вполне нормальный, как говорят: «В правильном направлении». Без ненужных скачков и переходов от одной темы к другой. Может быть дедушка приятным собеседником, когда захочет.

Договорились о совместной разведке на северном побережье. Я обещал прислать своих озбрассо, тех, что уже в бою были, для тренировки его людей, он пообещал своих, для помощи в строительстве укреплений. О торговле договорились. Им нужны были: соль и шкуры пустынных животных, нам: металлические изделия и патроны к ружьям. Металлических вещей много надо было, кузница у них своя.

Еще на счет стекла поговорили у них стеклодув трудился свой, я рассказал, что можно его плоским делать. Нет, не стеклодува, стекло конечно. Мастера немедленно позвали, и я долго пытался объяснить то, чего сам не знал. Самое интересное, что он понял, и умчался окрыленный вдохновением — творить. Много, о чем поговорили и договорились. Напоследок, он мне посоветовал еще союзников поискать среди зеленых племен. Типа, у меня с ними договариваться хорошо получается.

— Ну, что, ночевать опять в конюшню пойдём? — Спросил он, и мы рассмеялись. — Я рад, что у озбрассо появился такой Фаст, прекративший наконец их вечные побоища. И знакомству нашему рад. — Он прижал руку к груди.

— Я тоже. — Мы уже выходили на высокое крыльцо терема. Когда передо мной на колени упал мой недавний соперник.

— Прими мою жизнь.

— Так! — Засмеялся дед. — Не успел появиться и уже моих людей переманиваешь.

Я растерянно посмотрел на Борюкса и перевел взгляд на Рутыра:

— Тебя какая муха укусила? Зачем тебе это надо?

— Я поклялся, что присягну тому, кто сможет меня одолеть.

Господи. Я тут со своими-то охламонами не знаю, что делать, а еще этот неугомонный задира на мою голову. Зачем мне все это. Что я с ним делать буду? Рядом засмеялся дед:

— А ты умеешь покорять сердца. — Многозначительно произнес он. Мне оставалось только вздохнуть. Нашли блин сердцеда.

— Вставай Рутыр, поедешь со мной. Я тебе не отказываю. Но ты сначала просто посмотришь, как мы живем, подумаешь, и позже мы поговорим на эту тему. Надеюсь, что ты одумаешься. Пора.

Все вроде хорошо получилось. Только вот с Ларинией не увиделся перед отъездом. И не разобрался, кто ей этот хитрый дед. Обидно.

Всё-таки восход солнца над морем — это фантастическое зрелище, особенно в ясную, безветренную погоду. Сначала показывается крохотный кусочек красного светила, прогоняя ночь и гася звезды, потом, неумолимо, солнце вываливается из-за горизонта, и заполняет собой пространство, еще пока позволяя прищуривающемуся взгляду наблюдать за собой, но внезапно вспыхивает ослепительным пожаром заливая далекую полосу воды бешенством кровавого света, и наконец восходит во всем своем величии, окончательно провозглашая победу света над мраком. Кто не видел не поймет.

Но нам некогда было любоваться красотами, нам троим затаившимся на опушке леса, недалеко от берега моря, и наблюдавшим за передвижениями врага.

Шесть огромных лодок, лежали на песке, вытасенные на берег. Шесть странных конструкций похожих на скорлупу яйца, шесть черных туш, сложенных ровным кругом, и выполняющих страшную роль — служить тюрьмой, для многочисленных пленников: людей и озбрассо. И совсем с ними рядом, лагерь противника, сборище копошащихся и постоянно тренирующихся тел.

Я, Дын и Рутыр наблюдали за всем этим. Да этот оболтус Рутыр, кстати в переводе его имя означает: «Упертый», был со мной. Он всё-таки дал присягу, несмотря на все мои усилия отговорить. Теперь эта гора мышц следовала за мной повсюду, назначив сама, себя моим телохранителем. Как я не старался отделаться от его опеки, у меня не получалось. «Когда уйду к костру предков, вот тогда и перестану тебя охранять» — Отвечал он на все мои попытки избавиться от его опеки. Быстро найдя общий язык с Дыном, наверно на уровне обоюдной хулиганистости, он как-то очень быстро стал своим парнем в среде дольсящцев. В общем эти два моих Санчо Панса находились вместе со мной в разведке. Еще был сводный отряд из наших и борюксовских воинов, но он стоял лагерем в лесу, подальше от глаз врага.

Меня очень интересовали тренировки врага, и в первую очередь новые особи, незнакомые по пошлым сражениям. Какая-то жуткая помесь всего, что было мне известно. Вытянутое змеиное тело, покрытое разноцветной чешуей, зеленое на спине красное на боках и желтое снизу, опиралось оно на четыре лошадиные ноги, окрашенные под стать пузу. Поросячья, жёлтая голова, с мышинными ушами и красными злющими глазами на тонкой журавлиной шее, с жиденькой, розовой гривой, заплетенной в мелкую косичку, и такого же цвета заячий хвост, и как будто прилепленные ко всему этому безобразию. пьяным скульптором, человеческие руки, такое извращенное представление о кентаврах, в затуманенном мозге наркомана.

Но главное было не это. Я уже давно привык к выкрутасам местной природы, издавающейся над своими созданиями. Главное, что они были воинами, с которыми мы еще не сталкивались. Назвал я их: «лучники» на местном: «Зирклю», назвал за то, что у каждого из них на спине висел огромный лук и колчан со стрелами, и судя по тому, что я видел, как они постоянно тренировались, то владели они им прекрасно. И еще одна их неприятная особенность, заключалась в другом оружии — копье, которым эти ошибки фауны так же великолепно владели.

Я наблюдал за учениями врага и все больше хмурился. Меня поражало слаженное построение бляксов двумя шеренгами где первая наваливается на врага танковой непробиваемостью, а вторая перепрыгивает за спину и бьет сзади, и все это при поддержке

зирклю, выпускающих одну стрелу за стрелой, и мгновенно срывающихся в атаку во фланг, когда стрелы заканчивались.

Такое вот сочетание пехоты из бляхсов, и кавалерии из зирклю, не сулило нам ничего хорошего, а проще говоря у нас не было шансов на победу. Нечего нам было им противопоставить. Нужно было создавать армию, и разрабатывать тактику противостояния. Нужно было много думать, и много принимать решений.

На наших глазах привели еще пленников. Четырех избитых, еле передвигающих ноги, подгоняемых древками копий людей, шестеро зирклю завели их в круг из лодок и ушли тренироваться, не выставив никакого охранения. Спустя некоторое время, причина такой безалаберности стала понятна. Один из пленников попытался бежать. Он перепрыгнул через лодку и припустил в сторону леса, видимо надеясь затеряться в чаще. Его просто пристрелили. Один из зирклю, небрежно, почти не целясь выпустил стрелу, попавшую между лопаток беглеца, а бляхс, в два прыжка добрался до бедняги и не торопясь потянул умирающего за ногу к остальным, где его разделали и съели. Причем жрали парное мясо. Никаких костров не было. Не разводили они огня вообще. Страшное и отвратительное зрелище.

Я молча махнул рукой, отдавая приказ возвращаться.

В лагере царило уныние. Не улыбок ни шуток. Угрюмые лица повсюду. Костров не жгли. Сохраняли маскировку. Я сел на поваленное дерево рядом с Борюксом. Этот неутомный дед не смог остаться в своем поселке и присоединился к разведке. И что-то так на душе тоскливо стало, что я затянул песню, не в слух запел — про себя:

Ой, то не вечер, то не вечер.

Ой мне малым малом спалось.

Мне малым мало спалось,

Ой да во сне привиделось.

Пел, разрывая душу. А когда поднял глаза, и хотел сказать, что надо как-то попробовать освободить пленников, то застыл, с комом невысказанных слов в горле. Вокруг меня стоял круг воинов и молчал. Оказывается, что как-то так само собой получилось, что спел я вслух, и на местном языке.

— Спой еще. — Борюкс отвернулся в сторону, и как бы невзначай махнул рукавом по глазам. Я спел. — Красивая песня. — Он не поверчивал головы.

— Нужно освободить пленников. Я понимаю, что они не принадлежат к нашим племенам. Но это неправильно, оставить их вот-так... — Я замолчал, не смог, ком застрял в горле.

— Наверно ты прав. Но не вижу способов этого сделать.

— Есть у меня мысль, я специально отправил своих дольсящцев в поселок, и они должны скоро вернуться.

— Что ты задумал.

— Я несколько дней наблюдаю за их лагерем. Есть одна очень важная деталь. Они никогда не выставляют сторожевые посты. Надеются видимо на свой чуткий слух. Вот тут у нас есть шанс. Можно по кромке прибоа, который скроет звук, попробовать пробраться к пленникам и освободить. А потом уходить в лес. Это наша земля и мы ее знаем, а врагу будет сложно ориентироваться в незнакомой местности, мы сможем уйти.

— Это очень опасно.

— Согласен. Но так мы сделаем два дела. И пленников освободим, и проверим на что способны эти гребанные блохи.

— Я думаю, что это глупо. Мы погубим людей.

— Хорошо. Я тогда останусь здесь, только с добровольцами, а ты уведешь остальных.

— Ты что, смеешь называть меня трусом. — О как в нем гордость Фастира разыгралась.

Сейчас загорюсь от испепеляющего взгляда.

— Ты глупость сказал. — Я махнул на него обеими руками, словно отталкивая. — Никогда в жизни я не смог бы даже подумать так. Прекрасно понимаю, что ты не о себе заботишься... Давай, сделаем так: Ты уйдешь, уведешь всех желающих, и будешь готовить оборону.

— А почему бы тебе не уйти, а мне остаться?

— Борюкс. Сейчас не время выяснять у кого, и что больше. План мой. Я его придумал, я и буду исполнять. Тебе же действительно лучше уйти, и начать готовиться. Сбирать людей и озбрассо, в первую очередь. У тебя в таких делах и опыта больше и авторитета, а я тут справлюсь, даже не сомневайся.

Он молча кивнул и опустил голову.

— Вот и хорошо.

Однако насколько быстро меняется человек под прессом обстоятельств. Вот я уже команду вождем людей, и получается это как-то естественно, как будто всю жизнь этим занимался. Я начинаю сам себя бояться. Куда ты катишься Владимир Петрович, всегда до этого тихий и на все согласный. Да, обстоятельства меняют нас.

— На следующий день пришли посыльные из поселка, а Борюкс восемнадцатый ушел, в сопровождении Дына. Все остальные остались добровольцами. Думаешь, мой зеленый друи испугался и убежал. Нет, только мои матерные увещевания и волшебные пинки, заставили его поступить так. Ну не мог я отпустить дедушку одного.

Я вынырнул недалеко от сложенных в виде круга лодок, и осмотрелся. Это только кажется, что тьма бывает непроглядной, на самом деле, даже когда луна скрыта за облаками, все можно рассмотреть, особенно если знать, что тебе нужно. Впереди тихо шуршал песком прибой. Видны расплывчатые силуэты моей цели, и немного в стороне лежащие кучей захватчики. Я еще раз нырнул, и плыл под водой до тех пор, пока не коснулся руками песка. Дальше по пластунский, очень осторожно добрался до импровизированной тюрьмы, перевалился внутрь, и замер. Взволнованных моим поведением пленников успокоил жестами.

— Слушайте внимательно. — Я не боялся, что меня услышат. Пусть слушают. В-первых, всеравно не поймут, о чем говорю, во-вторых тут и так постоянно слышатся голоса, а в-третьих им даже в голову не может прийти, что кто-то добровольно захочет залезть к ним в лапы.

— Если вы хотите отсюда выбраться, то выполняйте в точности, что я вам скажу. Не перебивайте, у нас мало времени. — Остановил я пытающихся меня о чем то спросить, и принялся объяснять то, что от них требовалось.

Когда я закончил с пояснениями, и ответил на несколько взволнованных вопросов, мы замерли в ожидании. В такие минуты время идет особенно медленно. Секунды кажутся минутами, а минуты часами. Волнение и мелкая дрожь страха в теле, заставляет сердце колотится быстрее и сильнее, создавая ощущение, что его слышат все окружающие. Ждать это очень тяжело.

Но вот началось. Громкий одиночный выстрел в дальней от нас стороне взорвал ночь, и дал сигнал к действию. Затем еще один. Потом еще. Застигнутый врасплох враг засуетился, запаниковал, но быстро пришел в себя и всеми силами бросился в атаку, стремясь покарать дерзкого противника. Я даже не ожидал такого подарка судьбы. Они ломанулись туда все, никого не оставив охранять нас. Всё-таки удача любит смелых.

— Вперед. — Скомандовал тихонечко я, и молчаливая струйка пленников, переваливаясь через борта лодок устремилась, пригибаясь, к морю. Я шел первым показывая дорогу. Оказалось, что никто не умеет плавать. Поэтому пришлось отказаться от массового заплыва, и топтать пешком по морскому дну, погружившись по грудь в воду. Очень тяжело. Волна постоянно пытается сбить с ног, а стихия отчаянно сопротивляется движению, своими ватными лапами пытаюсь задержать твое желание идти быстрее. Но зато шум прибоя заглушает звуки шуршанием песка и гальки, а темнота скрывает беглецов, размывая силуэты. Когда наконец мои Ихтиандры удалились на достаточное расстояние, и выбрались на берег то устремились в лес, где нас уже ждали друзья. Первая часть плана удалась. Но расслабляться было еще рано. Вряд ли нам дадут спокойно уйти.

Мы медленно продвигались по зарослям. Измотанные и обессиленные бывшие пленники, не могли идти быстрее. Тех, из них, которые падали, окончательно выбившись из сил, сажали на хатиров, где они отдыхали какое-то время и потом освобождали место следующему упавшему. Мой Тузик не был исключением, вот и сейчас, поперек седла лежит бесчувственное тело. Так дальше продолжаться не может. Нужен отдых.

— Привал. — Едва мы вышли на ближайшую поляну скомандовал я. — Разводим

костры и готовим обед. Отдыхаем. — Почесал своего Боевого питомца около глаза и вскочил в седло.

— Стой Кордир! Ты куда? — Вот же этот Рутыр хренов. Ничего без его догляда не сделать.

— Надо посмотреть, что там сзади.

— А без тебя этого никто сделать не сможет? Что ты все геройствуешь. Доверь это людям. Они лучше тебя справятся. Они всю жизнь лесом живут.

Он свистнул и подозвал троих.

— Поидете назад и посмотрите, что там и как.

Я офонарел. Командует как будто меня тут нет.

— Может ты и дальше будешь руководить, а я в поселок пойду отдыхать? — Я надвинулся на него Тузиком, который мило улыбнулся острыми зубками. Ну разозлился я. Понять то можно. Усталость стресс. Зачем же траву лбом мять.

— Встань! — Рывкнул и на своего фастира, и повернулся к подошедшим людям. — Вернетесь назад и посмотрите, что там. Только очень аккуратно, не обнаруживайте себя. Потом один из вас вернется и расскажет, что увидели, остальные останутся наблюдать. Все поняли. — В ответ молчаливые поклоны.

Я спрыгнул с седла и взяв за плечо Рутыра, отвел в сторону. Вспомнил что в армии главное дисциплина. Пора было наводить порядок и тут.

— Еще раз так меня подставишь, отправлю назад к Борюксу.

— А что я сделал. — Вот как он умудрился соорудить глаза котенка из мультика? Сразу по головке погладить захотелось. А ведь он действительно не понимает.

— Ты влез командовать при мне. Это не допустимо. Командир должен быть один. Это главное правило. Запомни.

Он опустил голову. Понурая гора мышц с опущенными плечами, даже пожалеть захотелось. Но нельзя.

На поляне нас собралось около ста пятидесяти человек. Вот блин, я уже не делаю различия между расами, теперь у меня уже и озбрассо человеки, вживаюсь в этот мир окончательно. Двадцать наших, остальное все бывшие пленники. Везде слышались разговоры, даже кое где проскакивает смех. На сколько же быстро мы привыкаем ко всему, что к хорошему, что к плохому, вот вроде и мир другой, а нравы одинаковые. Некоторое время спустя отправил троих на смену разведчикам. Вернувшиеся рассказали, что в лагере врага сумятица, там явно не могут понять куда делся их обед. Все правильно, на воде не остается следов. Им нужно время. Но я даже не сомневался, что будет погоня. Просто так нас не оставят. А пока нужно отдохнуть. Путь не близкий.

Отдохнуть нам дали совсем чуть-чуть. Можно сказать, что совсем не дали. Я только успел перекусить и прикорнуть на солнышке, как меня подняли. Вернулись встревоженные разведчики и сообщили что по нашему следу идет десяток зиркю. Новость неприятная, но ожидаемая. Что же надо встретить гостей, заодно и посмотреть, чего они стоят. Попробуем действовать партизанскими методами. Бывших пленников оставили отдыхать на поляне, а сами выдвинулись на встречу неприятностям.

Ружья пришлось оставить. Недалеко мы ушли от лагеря врага. Звук выстрелов мог привлечь совсем не нужное нам внимание, слишком хорош слух у этих образин. Решено было использовать луки и топоры. Тише едешь — дольше проживешь.

Назад возвращались по своим следам. Да наследили мы изрядно. Тут трудно не

заметить. Целую дорогу вытоптали. Но с другой стороны это нам на руку. Погоня пойдет прямо по следу. Сомневаюсь, что они будут осторожничать и выставлять дозоры. В их понимании беглецы не вооружены и измотаны. О нас то они ничего не знают. Вот будет сюрприз. Я даже улыбнулся.

Место нашел для засады замечательное. Овражек, с топким ручейком внизу. То, что надо для сюрприза. В зарослях, с четырех сторон дороги, в кустах, спрятались, обсыпав себя листвой и ветками. Такие получились кротовые горки. Пока не наступишь не поймешь, что это такое. Сам замер, в одной из таких со стороны намечающегося приближения гостей. Приказ отдал, стрелять только после меня. Слегка потряхивало, нервы-то не железные, буду надеяться, что кучка не трясется. Все хватит болтать. Ждем.

Они приближались медленно, внимательно осматривая след. Чего там было рассматривать? Даже я, абсолютный профан в следопытском деле, и то не заморачивался бы. Невозможно не видеть след, от сотни с лишним ног. Так и хочется им крикнуть: «Давайте уже шустрее, совсем уже затек вас ждать.», Блин, они что мысли читают? Вон как припустили. Нет у спуска в овражек остановились. Неужели почувствовали? Стоят осматриваются. Я даже дышать перестал.

Двое на другой склон перебрались и встали. Оглядываются. Вот и остальные следом двинули. Еще чуть-чуть. Вот сейчас последний со склона спустится. Пора. Выпрыгиваю из кучи и швыряю в последнего топор... А ты, что думал? Я с лука пульту? Кто мне его даст? Да я и стрелять с него не умею. Последний раз в десять лет сестре из игрушечного, стрелу с присоской ко лбу приклеил, на этом карьере лучника, под ее крики и тумачи и завершил.

Но я отвлекся. Мои вон целое побоище устроили. Зирклю в дикобразов превратили. Лихо получилось. Первый бой и без потерь. Сейчас трупы уберем и домой.

Вот это новость!

Ну вот что со мной не так? Все, кто со мной оставался, в поселок вернулись на своих ногах и в прекрасном состоянии, даже у бывших пленников раны зажили. Меня же на носилках притащили, в полном отсутствии сознания. Тут без доброго русского мата настроение свое не выразишь.

Покрошили мы тогда, в овражке том, вражин. Лихо справились. С их стороны одни трупы, с нашей — ни одной царапины. Ай да я. Вот как здорово все организовал. Радуюсь все, как дети, скачем блин. И я, баран самовлюбленный, страх потерял. Стою, на вояк, своих танцующих люблюсь, варежку раскрыл. Нет бы назад тупы посчитать, да назад обернуться. Так, с улыбочкой мне и прилетело. Не всех зерклю мы оказывается тут положили. Еще один нарисовался. В кустики видимо по нужде отлучался, подзадержался блин. Точно в плечо мне стрелу всадил, гаденыш. Лучше бы в голову, всеравно она тупая.

Наши конечно это дело без внимания не оставили, быстренько, из гостя неожиданного, дикобраза сделали, Рутыр ему еще потом топориком макияж навел очень качественно. Но мне-то от этого уже не легче. Плечо-то болит. Так с улыбочкой дебила, и стрелой в плече я в овражек и скатился. Тушите свет. Очередной раз приплыл в nirvanу.

В себя пришел лежащим попой кверху. Надо мной врачебный консилиум. Два зеленорожих аспиранта мне руки ноги держат, а третий профессор Рутыр, мне грязным ножом подарок зирклюковский вырезает, мало того, еще этой же рукой, сопли со слезами и потом себе вытирает, хирург недоделанный. Выразил я ему свое восхищение многословной нецензурной тирадой, и снова отрубился под общим наркозом.

В реальность вернулся на носилках. Нет не на веере собственного изобретения, на нормальных, из двух жердин и грязной тряпки сделанных. Во что им сложно постирать было? Четверо мою тушку тянут, а рядом Санчо Панса моего Тузика под уздцы ведет. Обрадовался, заулыбался он. Какой Тузик? Санчо Панса заулыбался конечно. Винится начал, что не уберег. Водичкой поить намерился. Но я игнорировал. Вырубился снова. В таком вот состоянии меня в поселок и приволокли. Сам-то я не видел. Рассказывали.

Во снах мне моя Лариния приходила. Как наяву. Заботилась обо мне. Так приятно. Как мамка в детстве, когда болел. Даже в лоб меня целовала как она, по голове ласково гладила, шептала что-то, только вот плакала все время. Так жалко ее. Бедняжка.

Сколько я так времени провел не знаю. Глаза открыл, рядом Борюкс задумчиво кемарит. Головой в верх вниз кивает и посапывает. Комната какая-то незнакомая. Кругом чистота. Пастораль ети его. Я в постели, под белой простыней. Запах приятный — травами нос радуется, на ногу глянул. Нет. На пальце бирки нет, живой значит. Да и на морг не особо похоже.

— Где я? — Спрашиваю.

— Очнулся. Ну слава ветру. — Вздрогнул, и переветрился мой бородатый нянь. — Мы уже и надежду терять начали. Спасибо внученьке, выходила. Дома ты у нее. Хотели ко мне в терем тебя принести, она не дала. Сказала сама выходит. Плох ты был очень. Рана грязная, гноилась сильно. Да и сам ты огнем горел, бредил. Уж шесть дней как она с тобой болезным мается.

— А наши то дела как? — Вопрос я конечно задал невнятный, но он понял, что имею в виду.

— Пока нормально все. Собрались вот все в моем поселке. И люди, и озбрассо. Вместе понадёжнее оно, и от врага подальше, да и стены у меня покрепче будут. За вражиной следим постоянно, дозоры меняем. Он пока с берега не ушел, непонятно почему, но стоит на месте. Кольев наготовили с запасом, сетей, так же, наплели. Тебя вот лечили. Вот вроде и все.

— Внучке своей спасибо передай. Огромное.

— Зачем передавать. Сейчас сам поблагодаришь, она подойдет скоро. Заодно и охранников своих, они тоже поучаствовали. — Дед рассмеялся. — Как вспомню как она Рутыра тряпкой, которой ты перевязан был лупила. Грязная та, видите ли. И все по мордам, по мордам, а он только стоит и мычит, глаза поднять боится. Ох и смешно это было, ей чтоб попасть-то ему по роже, подпрыгивать приходилось. Зато теперь за ней этот бугай бегает как привязанный, в рот заглядывает, услужить во всем готов. Да и Дын тоже тенью ходит, непонятно чьи они теперь фастиры, твои или ее. Серьезная она у меня девчонка. Не забалуешь. — Он внезапно замолчал и задумался. — Покоя мне эти твои зирклю не дают. Все никак не соображу, как справляться с этой напастью. Может мысли какие у тебя есть?

— Есть. Щиты нужны.

— Это что за зверь такой?

— Защита это такая. Трудно объяснять, нарисовать надо.

— Сейчас. — Он вскочил с места и через мгновение мне листок протягивает. — Вот. Угольком нарисуй.

— Помоги приподняться. — Я скривился от простреливший плечо боли. — Ничего. — Успокоил заволновавшегося и заохавшего деда. — Терпимо, сейчас отпустит.

Но поработать художником не дали.

— Что тут происходит? — В дверях стояла она. Моя Лариния. — Я же просила тебя дедушка не беспокоить. Опять ты пришел.

— Дедушка? — Охренеть поворот.

— Ты что, не знал? — Он посмотрел на меня сощуриив правый глаз. Вот же мудрило.

— Откуда? Мне, что сказал кто-то об этом? Вот что у вас за семейка такая? К чему все эти тайны? — Я даже приподнялся на подушках, но такая боль прострелила, что рухнул со стоном назад. Вот же напасть. Даже поругаться толком не получается.

— Сейчас. Сейчас. — Она кинулась ко мне поправляя постель и присела на край, глядя по голове. — Сейчас все пройдет, потерпи родной.

Родной? Ну вот зачем нужны были все эти метания раньше. Почему, что бы услышать такое, надо практически сдохнуть. Ну вот зачем были нужны все эти выкрутасы? Достояна — недостойна. Недостойна блин она — внучка Фаста. Никогда мне женщину не понять. Дураком был, дураком и умру.

— Что, тут вообще происходит? — Дед озадаченно водил глазами то на нее, то на меня. Когда он встать то успел? Сидел же только, что рядом.

— Женится я на ней хочу! — Выпалил я сквозь стон.

— Чего ты на ней хочешь? — Борюкс навалился на меня кипящим вулканом. Сейчас дым из ушей пойдет, искры из глаз уже сыплются.

Блин, вот всё-таки правильно я себя туповатым придурком считаю, тут же нет такого понятия как брак. Тут никто не женится и свадеб не играет. Тут все совершенно по-другому происходит. Да и выражение: «Женится на ней хочу», прозвучало как: «Сьтурсиитися на ней хочу», вот я точно кретин, что-то непонятное для них сказал и некрасивое, намек какой-то

непристойный получился, а не предложение руки и сердца.

— Успокойся Фаст. — Оттолкнул я его наваливающуюся на меня грудь. — Ничего я плохого не сказал. Попросил тебя, что бы она моей спутницей стала, просто это на моем языке так прозвучало, ты же знаешь, что я не из этого мира.

— Вот что ты за человек такой Кардир? То убить тебя хочется, то расцеловать. — Он вновь сел и повернулся к внучке. — Ну а ты, что на это скажешь?

Она вся покраснела и носом хлюпает. Несчастливая такая. Голову опустила:

— Он никогда мне этого не предлагал. В любви объяснялся. Рабом моим хотел стать. Но быть его спутницей, никогда. Не просил он меня об этом. Мне, что самой ему себя предлагать? — Она отвернулась, и плечи затряслись.

— Ну и что ты мне с девкой сделал? Какая из нее теперь охотница? — Заржал Борюкс. Вот же конь. Тут перед ним драма такая развивается, а он хохочет. Не был бы дедом моей Ларинии, в морду получил бы. Точно говорю.

— Уйди Фаст, ради ветра уйди. Дай нам поговорить.

Он хмыкнул в бороду, крикнул многозначительно поднялся и вышел, на прощание мне подмигнул

— Лариния. — Позвал я. Она не повернулась лишь только вздрогнула. — Лариния, повернись, прошу. Не заставляй меня вставать. Плечо болит. — А ничего так из меня шантажист получился. Подействовало. Все в слезах девушка обернулась. Боже, какие глаза! — Любовь моя! — Я попытался подняться, но не смог. Плечо болит, слабость, еще такой страх напал, что потом прошибло. — Стань моей спутницей, давай по жизни вместе пойдем. — Вот же блин, сейчас сам заплачу. Смотрю на нее и трясусь. Как ознобом пробивает.

— Хорошо. — Она посмотрела прямо мне в глаза и смахнула слезу. — Я согласна мой Фаст. — Все, куда все делось, и страх, и боль, и усталость, внутри соловьи запели. Притянул ее хрупкие плечи здоровой рукой к себе и сделал то, о чем мечтал уже столько времени. Впился в эти пухлые губы долгим и страстным поцелуем. Попробуй оторви.

Ее голова лежала у меня на груди, а я перебирал пальцами мягкие белокурые локоны, и целовал. Сказать, что был счастлив, это ничего не сказать. Я летал. Как это не банально звучит, но это так. Ничего у нас с ней сейчас не было, конечно, да и не могло быть. Во-первых, я был физически не в состоянии, а во-вторых хотел ей сделать подарок, принести в этот мир ритуал, которого он еще не знал. И пусть моя Лариния будет первой. И вот тогда уже... Ох что будет...

— Я хочу, чтобы у нас с тобой была свадьба. — Прошептал я прямо ей в волосы.

— Что? Я не понимаю.

— Просто поверь мне. Это будет очень красиво.

— Конечно я тебе верю. Мой Фаст.

На третий день я поднялся на ноги. Все еще пошатывался, слабость во всем теле, но уже ходить начал. Думаешь, что я все это время в ласковых руках своей красавицы пробыл? Ага. Так мне и дали. Каждый день столпотворение. Дурдом. Поболеть бедному мне ни минуты не дали, даже пожалеть себя несчастного некогда было. Только один посетитель убежит, следом сразу другой, за ним третий. Даже ночью сволочи забегали, пока одного такого шустрого Рутыр с лестницы не спустил. Вроде успокоились.

А все потому, что я армию создавать начал. Не смейся. Подумаешь, что ничего в этом не соображаю. Местные вообще, даже такого понятия не имеют. Они всю жизнь стенка на стенку махались. Зачем им какие-то построения и маневры в столь простом деле мордобоя. У них даже такого понятия как война нет. Отсталый народ, что с них взять. То, что у них раньше между собой случалось, то разборки, типа наших мальчишеских, таких как район на район, или деревня на деревню, хотя порой и кровавых, как тот случай с дроцами. Так как сейчас, я имею в виду нападение тех блохастых уродов, тут не было никогда. Так, что я тут главный военный эксперт.

Начал я с защиты. Что можно противопоставить лучнику. Из самого простого это щит, и побольше. Укрылся за ним, и сиди себе посмеивайся, покуривай папироску, пока враг на желчь исходит, не в силах в тебя попасть. Шучу конечно, не все так просто. Первые проблемы начались с выбора материала. Все, что не предлагалось, не подходило. То было очень тяжелым, то легко пробивалось стрелой, даже из охотничьего лука Ларинии, а у зиркю то луки посолиднее будут. Долго искали подходящий вариант. Пока однажды Строг, со щитом в руках ко мне в комнату не зашел. Просто зашел и все. На стол его кинул и спрашивает:

— Может это подойдет. — Я с психа, нож в тот щит воткнул, сильно так приложился. Я так обычно все образцы проверяю, которые протыкаются на свалку выбрасывать приказываю, а что нет на испытания отправляю. Ткнул, такое ощущение, что в лист стальной попал. Нож блин хороший сломал, и руку порезал. Разозлился рукой толкнул, щит-то, а он как пушинка в сторону со стола слетел. Такой легкий оказался. Я аж замер, глазам не веря. Строга целовать кинулся, только потом уже сообразил, что рожу противную лобызаю, но даже сплунуть на радостях забыл, за такой подарок прощаю даже его уродство.

— От куда — такое чудо?

Он мнется как красная девица.

— Это кора пантьяра.

Что за пнтьяр я понятия не имею, да и какое это имеет значение. Главное вот оно, передо мной это чудо.

— Много там такого. — Меня аж затрясло.

— Так целая роща.

Бинго! Удача наконец повернулась к нам правильной стороной. Лицом, а не противоположным местом.

Бригада доблестных лесорубов отправляется в лес на заготовки, а бригада краснодерёвщиков приступает к изготовлению щитов, и делает это очень быстро, потому, что при высыхании, эта самая кора пантьяра обработке не поддаётся.

В отсутствии возможности свободно передвигаться, по причине болезни, я

разрабатываю тактику борьбы с насекомыми. Пока теоретически, за столом на бумаге, и в этом нелегком деле мне помогают лучшие представители собравшихся племен. Конечно же Борюкс восемнадцатый — Фаст людей, с двумя помощниками, имена которых я никак не мог к своему стыду запомнить, но мне простительно, болею. И я — Фаст дольсящ, с помощниками: Гоней, Строгом и Бутсеем, ну и конечно с банными листьями на заднице: Дын с Рутыром.

— Вот смотрите. — Вещаю я. — Мы стоим шеренгой, прикрывшись от стрел щитами. Они продвигаются двумя рядами, и первый наваливается на нас, сковывая сражением, второй перелетает и бьет в спину. Нужно перехватывать их в сети, но у нас щиты, они будут мешать, а бросить их не получится, потому, что тогда нас перестреляют зирклю. Что этому противопоставить я не знаю.

— Нужно перестрелять их. — Доносится угрюмый голос Борюкса.

— Я только за. Но беда в том, что у нас не получится.

— Ты хочешь сказать, что мы хуже стреляем? — Это Гоня обиделся. Ещё бы, наступил на мозоль опытному охотнику.

— Стреляем мы может быть и лучше, но вот на таком расстоянии попадать не получится. Луки людей вообще не добьют, а от ружей мало толку на таком расстоянии, гладкоствольные они, разброс большой, вот если бы их поближе как-то подманить.

— Ударим по ним на хатирах! — Борюкс даже засиял, от пришедшей в голову мысли.

— Думал уже. Чем вы ударите? Топорами по копьям.

— Сделаем копья. — Уверенность его еще не покинула.

— И кто из вас с ними обращаться умеет, — я обвел взглядом собравшихся, и не найдя подтверждения их умениям, повернулся к Фасту людей, который сразу погрузился. — То-то. А зирклю с этими копьями даже в туалет ходят. Да и вообще они воины, а мы охотники.

— Тогда пойдем и умрем как мужчины! — Вскочил Строг.

— Молодец! Так и надо! — Я даже заплодировал раздувшемуся от гордости дураку, правда при последующих словах он сдулся и сел, угрюмо опустив голову. — А потом они нас сожрут, переловят оставшихся без защиты баб с детьми, сделают из них живые консервы. Они тебе только спасибо скажут. Сдохнуть нам не проблема. Нам победить их надо. Уничтожить. Вот наша проблема.

— И что же нам тогда делать? — Глаза собравшихся за столом, с надеждой поднялись на меня.

— Пока не знаю. Думать надо. Не верю я что нет выхода. Думайте вы тоже. Вам головы для этого нужны, а не только чтобы в них жрать. — Я грохнул по столу кулаком. Такая ярость накатила.

Кстати я переселился к Борюксу в его терем. Нет, с Ларинией мы не поссорились. Она хотела, чтобы я остался у нее, но у меня бзик. Хотел сделать свадьбу, и только после этого начать жить вместе. Можешь меня кретином считать. Но вот хочу я сделать так, как это было принято когда-то у нас на земле. Чтобы красивая свадьба, как символ изменения холостяцкой безбашенной свободы, к статусу женатого степенного мужика. Хочу принести этот ритуал в местную жизнь. Ну попаданец я в конце концов или погулять вышел?

— Знаешь. Я наверно дура, что сейчас тебе это скажу, но я не смогу жить с тобой, если скрою правду. — Этот разговор состоялся у нас перед моим переселением к Борюксу. Лариния была очень серьезна и взволнованна. Она говорила не полнимая глаз.

— Возможно я потеряю тебя после моего признания. Но ты должен будешь сделать

выбор...

Блин. Вот зачем так нагнетать. Вот что у них за семья такая. Одни тайны кругом. Что дед, что внучка, одного поля ягоды. Темнилы. Да говори уже наконец. Сейчас чесаться начну от нетерпения. Вот, нос уже засвербел, и рука сама потянулась.

— Лариния. Перестань меня пугать. Если ты сейчас же не расскажешь, то я подумаю, что ты людоед, питающийся младенцами. Говори смело. Нет такой причины, по которой бы я отказался от тебя. Слушаю.

Она подняла глаза и улыбнулась. Ну вот другое дело.

— Я знаю, как ушли, те люди.

— Ничего не пойму. Какие?

— Ну те, про каких я тебе рассказывала. Из легенды. Я знаю место, где ты сможешь вернуться домой.

Дела... У меня есть возможность вернуться. К родному телевизору, к холодильнику и компьютеру. Лежать на диване и не думать о какой-то там орде блох. Спокойно пить пиво и болеть за хоккейную сборную. Во блин. Аж голова закружилась. А потом я как-то ясно представил себя в грязной робе, затачивающим одно сверло за другим. Пьяные рожи знакомых по заводу, обмывающих очередную зарплату, в кустиках недалеко от магазина, потом себя на диване, с торчащим горкой пивным пузом. И что-то сразу кружение в голове пропало. Тошнота сменила. Здесь я Фаст, а там дерьмовое никто. Здесь у меня Лариния, а там порно сайт. Нет уж. Не променяю я настоящую жизнь на суррогат.

— Нет Лариния, я дома. Здесь мой мир. Я не хочу назад и не вернусь. И давай больше никогда не говорить об этом. — Я хлопнул ладонью по столу, словно поставил точку.

На поле перед поселком банутьяров проходила тренировка построения и возможного действия наших воинов в битве. Я не принимал в ней участия, потому, что был еще слаб. Я смотрел на действия закрытой щитами первой линии. На ловкое разворачивание сетей во второй, на воинов с кольями, бросающимися в атаку на несуществующего врага и хмурился. Все не то. Не дадут нам так действовать. Проклятые зирклю. Из задумчивости мня вывел несмелое покашливание. Я развернулся и охренел.

За моей спиной стояли на коленях бывшие пленники, и с мольбой смотрели мне в глаза. Один из них, стоящий впереди всех склонил голову и заговорил.

— Фаст, перед тобой на коленях стоят остатки уничтоженных, некогда славных племен. У нас ничего не осталось. Даже священный огонь наших предков утрачен навсегда. Мы ничего не сможем тебе дать, кроме своих жизней, прими их или убей.

И лбами в землю. Сто пятьдесят разом Бум.

И меня тут тоже по голове — бум. Был бы Архимедом, заорал бы: «Эврика!». Но я заорал другое.

— Нашел! Спасены!

Новаторская подготовка

Не мог я не принять в племя новых членов. Как не сопротивлялось моя рациональная половина, как не орала: «Зачем тебе еще один геморрой в заднем месте!», но вторая, эмоционально нестабильная половина, заткнула первый рот, и мое фарстирство увеличилось еще на сто пятьдесят долбоящеров. Не смог я отказать этим потухшим от безысходности глазам, молящим только об одном, о надежде продолжить свое существование под солнцем Борукса.

Теперь в моем подчинении находились не только озбрассо, но и несколько десятков людей. С одной стороны, вроде хорошо. Зеленые рожи разбавились наконец нормальными лицами, которых мне так не хватало все это время, а с другой навалился еще один ворох проблем. За чисто эстетическое удовольствие — видеть человеческие глаза и улыбки, пришлось платить, придумывая неординарные решения, причем зачастую основанные на откровенной лжи.

Первая из задач, образовалась мгновенно после слов произнесенной присяги. Что делать с кострами предков? Можно конечно было бы послать моих новых фастиров куда подальше. Но это бы означало, прервать их связь с предками. Для них это хуже смерти. Это в моем прошлом мире мы из ушедших в мир иной родственников помним, в лучшем случае своих прабабушек и прадедушек. Ты хочешь со мной поспорить, что это не так? Ответ тогда на вопрос: «В какой стране, жили твои предки во времена Наполеона?». Ответ, начинающийся со слов: «Скорее всего», уже означает: «Не знаю». Здесь же помнят свой род практически с момента перерождения из многоклеточной амебы в многоклеточную жабу, и первого своего предка сказавшего: «Ква».

Так вот, решение проблемы с кострами было простым, но построенном на откровенной лжи. Я сказал, что во время нахождения моей тушки в бессознательном состоянии, их славные предки пришли ко мне, и потребовали соединить их с предками моего племени в одном священном огне. Что я незамедлительно сделал, в ритуальном экстазе, закатив глаза. Пошевелил губами молитвы, погрел руки над ритуальным костром, и соединил всех в едином пламени. Да, соврал. Но зато вернул в их глаза искры жизни. А заодно увеличил количество потусторонних защитников в несколько раз. Во сколько? А хрен его знает, не рассмотрел, далековато костры горели.

Но это была только первая проблема, требующая незамедлительного решения. Дальше будет еще немаленькая куча, типа таких: «Как соединить несовместимый быт разных рас?», но это будет потом, после нашей победы. Если же мы не выиграем в войне, то тогда и проблем не будет. Некому и не для кого их будет создавать.

В общем, после моего вопля: «Эврика», и всех этих манипуляций с принятием присяги, и возвращения предков, был экстренно собран совет вождей.

Так как единственным генератором идей бал я, остальные самоустранились, то бурные дебаты, попытавшиеся разгораться за моим столом, я пресёк, грохнув кулаком по столу и рывкнув: «Молчать и слушать!». Сам от себя такого не ожидал, видимо совсем оборзел в последнее время. И посыпал в окружающие меня испуганные глаза приказами. Исполнение которых началось незамедлительно.

Первое, что было сделано, это выслали разведку для поиска подходящего места для будущего сражения. Задача была сложная, и потому выполнять я ее направил опытного

охотника Гоню, с его десятком дроци. Результатом их трехдневных поисков я остался доволен, так как лично посетил довольно просторное поле, поросшее по краям лесом. То, что нужно. Тут же нарисовал очередную задачу, только для еще большего количества озбрассо, копать, вбивать, накрывать, маскировать один из сюрпризов для блох.

В это же время выполнялось воплощение еще одной гениальной задачи. Сбор хвороста и веток в лесу и сушка всего этого на солнце, а также заготовка сена. Сенокос получился у меня очередным прогрессорством. Никому раньше тут этого нафиг не надо было. Первым, что сделал изобрел косу, благо, что у людей кузнечное дело было развито. Честно говоря, получилось не очень, какой-то гибрид из серпа и ножа, но траву срезала, после долгих объяснений с применением рукоприкладства и нецензурной лексики процесс пошел.

Следующим изобретением были грабли. Никогда не думал, что их сделать окажется труднее, чем косу, но факт остается фактом, металлические получались слишком тяжелыми, ведь работать ими предстояло детям, вот только не надо пинать меня за эксплуатацию несовершеннолетних, здесь даже понятий таких нет, а деревянные разваливались практически сразу. Выход нашел все тот же Строг. Почесал свои брови, в районе макушки, сбегал в лес и принес решение проблемы — сухую лапу — ветку от местной березы. Подравнял ее топором, привязал сырыми кожаными ремнями к ручке, дал просохнуть до состояния кости, соединив конструкцию наглухо, и все готово. Малышня кинулась ворошить сено.

Вилы кстати тоже он изобрел, чем, зараза такая лишил меня очередного прогрессорства. Вот трудно было ему не сразу бежать в лес за рогатиной, а сначала дожидаться моего мудрого распоряжения. Всю малину, сволочь, обломал. Ничего, я ему это еще припомню, хрен ему, а не новый рецепт изобретенного мной нового маринада для мяса. Пусть теперь жрет, не зная, как я умудрился такую вкуснятину зажарить, и не сверкает сразу тремя глазами с намеком поделиться секретом. Это будет моя мстя.

Следующее мое изобретение, зажигательно — осветительные стрелы. Вот вроде чего проще? Обмотал тряпкой конец. Я про стрелу говорю, чего лыбишься. В жир скильдима макнул, поджег и пускай себе летит. Хрен там, тухнет в полете она. Сколько не бились, не получается ничего, хоть ты тресни. Хорошо я вспомнил про кулек с семечками. В моем босоном детстве бабки на вокзале такой метод упаковки товара использовали. Вот тут у нас и поперла удача. На конец кулек, вроде как отбойника для ветра, с тряпкой пропитанной жиром надели и подожгли. С аэродинамическими свойствами такого снаряда пришлось помучаться конечно, но у нас все получилось. Летит, горит, дымит и не тухнет. Красота.

Вот вроде и все мои новаторства. Хотя нет, еще одно. Рулетку измерительную я изобрел. «Длинный шнур» называется. Почему такое название? Потому, что это просто длинная веревка. С ее помощью мы расстояние полета стрелы зирклю рассчитывали. Обладающий огромной силой мой фастир, Рутыр, пускал стрелу из трофейного лука, а два пацана расстояние замеряли. Зачем это надо было. Так для очередного сюрприза для блошиного войска. Как говорится: «Вы хотите незабываемых ощущений? Их есть у меня.»

В общем в трудах и новаторстве прошло две недели. Двенадцать тяжелейших дней нескончаемых работ по заготовке сена и лесного мусора, перетаскивания его и укладкой в нужном месте, копания ямы и тренировок с построениями и перемещениями войска на поле боя, по сигнальному свистку генералиссимуса, то есть меня. Теперь все готово. Дальше только удача может нам помочь, остальное мы все сделали.

Сегодня пир. Нам он нужен. Отдых просто необходим, падающим от усталости людям и

озбрасо. Пусть напьются, навеселятся до отвращения, ведь многим из них это в последний раз. Завтра наше войско выдвигается к месту единственного и решающего сражения. Второго шанса не будет. А я пойду спать. Устал.

Победит тот, кто выдержит

День выдался сегодня солнечный, на небе не тучки. Тишина, ни одного даже слабенького дуновения ветерка. Природа словно замерла в ожидании зрелища, готового вот-вот развернуться на этом выбранном мной поле — красивом и радующим глаз которое в скором времени превратится в кровавую арену. Время уже далеко за полдень, и с утра было сделано уже огромное количество дел, для подготовки предстоящего сражения. Мы все сделали, чтобы оно прошло по нашим правилам, а дальше как Ветер распорядится, ну вот, уже и в местного бога поверил, окончательно становлюсь баруксом.

Нет, конечно же мы здесь не прямо из поселка появились. Три с половиной дня ушло на поход. Это только разведка на легке бегают, или в сказках и кино герои при смене кадра, или перелистывая страницу, в нужное место телепортируются, а для войска, нужно время. Путь не такой быстрый, как хотелось бы, а тяжелый и нудный надо сказать переход. Да, у меня теперь действительно целое войско, с кавалерией и лучниками поддержки, огромное по местным меркам. Тут еще такого не видели.

Дойдя наконец до назначенного места во второй половине дня, мы встали лагерем. Нужно было как следует отдохнуть и привести себя в порядок. Единственные, кому блаженное отсыпание у костра не досталось, это разведке. Они убежали в ночь к лагерю противника, с кувшинами, наполненными кровью, на этот раз слава богу не моей. Забили животину какую-то они в лесу, с нее и набрали. Кровь нужна была для приманки. Нужно блошиное войско выманить, и по нужному следу к нам направить. Очень многое от этого зависит.

Ночь провели спокойно. Ни шуток, ни даже разговоров небыло. Гробовая тишина. Понять нас можно. Волновались все без исключения. Даже балагуристый Дын, сидел у костра насупив брови, и о чем-то о своем думал. Рутыр развалился прямо на земле и захрапел, вот же тюлень толстокожий, полено — поленом, этого каким-то там страхом не проймешь. Есть же такой сорт людей безбашенных. Смотришь на таких и сам начинаешь увереннее себя чувствовать. Таких словно специально для войны делают.

Утром началась неспешная подготовка. На строго отмерянном расстоянии построилась наша тяжелая пехота, озбассо с огромными щитами. За ними встали люди с сетями и кольями, с нашитыми на одежду бляшками из коры, защищающими грудь, еще одно ноу хау от твоего покорного слуги, построенные для применения проверенной уже нами на деле практики борьбы с мутантами — насекомыми.

По бокам, в ближайшем лесочке, пряталась кавалерия, наш первый сюрприз захватчику. А довольно далеко за спиной стоял наш главный козырь, от действий которого зависел весь наш успех в сражении — Пять самых сильных людей из поселка банутьяров, замерли у костра, это те, кто смог натянуть неподдающийся лук зирклю. Увы, но таких нашлось только пятеро, четверо кузнецов и Рутыр, жалко только никто из них небыл лучником, но особая там меткость нужна не была, главное запулить подальше.

Кстати Рутыра я смог заставить оставить мою тушку без его присмотра, только грозным обещанием отлучить верного оруженосца, от тела охраняемого объекта, то есть меня, и пинком под зад. Врага я себе нажил лютого, но ничего, он парень отходчивый, простит дядю Володю, если доживем конечно. Зато Дын сиял. Его то я при себе оставил, подхалим блин, откуда только нахватался такого.

Все на местах замерли. Тишина. Вот появились разведчики. Идут вражины. Пора начинать. Выехал я на своем вороном Тузике перед строем. Повернулся к застывшим воинам. Лица у всех сосредоточенные, скулы ходуном ходят, волнуются. Меня тоже мандраж колотит. Но это уже не страх, это адреналин ключом бьет. Нет больше во мне страха, убил его этот мир.

— Друзья мои. Люди и обрассо. Стою я тут перед вами, и смотрю в ваши уродливые и противные рожи. До чего же мерзкие, но такие для меня родные. — Смех прокатился по рядам. — Сегодняшний день переживут не все. Сегодня костры предков примут к себе многих из вас. Но я верю! Нет, я знаю, что предки будут радоваться, встречая своих потомков! Они будут гордиться вами! А я, Фаст Кардир, уже горд. Горд умереть рядом с такими героями как вы! Так давайте порвем в клочья, эту нечисть, пришедшую на нашу землю! Смерть врагам!

— Смерть врагам! Смерть врагам! — Прокатилось громким рокотом по рядам, и этот клич улетел в небо, затухающим эхом, оповестить предков, готовится к встрече с потомками. Практически в это же время появились они, словно специально ожидали окончания моей речи. Вывалились из-за пригорка и быстро построившись в боевые порядки медленно двинулись нам на встречу. Черной молчаливой смертью.

— Наверх вы товарищи, все по местам. — Внезапно зазвучал чей-то неуверенный тихий голос. — Последний парад наступает. — Поддержали его многие уже более уверенно. — Врагу не сдастся наш гордый Кардир. Пощады врагу не бывает! — Гремел уже хор срывающихся в крик голосов всего войска, ставшую своеобразным гимном песню.

Блин. Аж до мурашек пробрало. И когда это они успели мою песню переделать. Вот ведь твою мать, аж до слез пробило. Но нюни потом распушу. Упаду на грудь своей Ларинии и поплачу. Она поймет. Кстати, как она там? Ни в какую дома оставаться не захотела. Вот же шило в попе. Где-то, там, в лесочке, со всей кавалерией прячется. Ладно хватит отвлекаться, вон враг приближается. Вон как глазенками сверкают. Подождите чуток, сейчас вами Владимир Петрович займется.

Вот они до нужной отметки дошли, зиркляю луки натянули. А вот хрен вам. Зря я что ли новоиспеченной рулеткой расстояния измерял.

— Шаг назад команду. — Наши ряды подались задом. — Что, неожиданно, — Смеюсь я. Стрелы в землю повтыкались у наших ног. Мазилы. И снова команду. — Так идем, держим расстояние. Кто посмеет упасть лично загрызу. — Наши засмеялись. Молодцы. У них нервы по сравнению со мной покрепче будут. Меня уже изрядно трясет, адреналин, мать его. — Идем — идем, не останавливаемся, держим расстояние.

Скоро настанет момент истины. Вот уже слышу за спиной сопение Рутыра. Еще чуть-чуть. Пора. Второй ряд бляхсов еще конечно не дошел до нужного места, но медлить больше никак нельзя. Упустим зиркляю нам конец. «Но еще совсем чуть — чуть можно.», умоляю сам себя.

— Стоим! — Ору.

Первые стрелы зиркляю заколотили по щитам, кто-то вскрикнул. Все. Пора. Моя рука взлетает в верх:

— Давай! — Завопил во всю глубину своих легких так, что сорвал голос в хрип, и в небо взлетают ракетами дымящиеся пять стрел, а следом еще, и еще, и еще. Экономить нет смысла. Все поставлено на кон.

Вспыхивает бешеной вспышкой пламя, под ногами опешивших зиркляю, взлетая к

солнцу, и сливаясь с его светом. Уложенные сено и ветки, высушенные до состояния хруста и политые жиром, уничтожают в ревущем пожаре лучников врага.

Взрывается фонтаном спрятанная в траве веревка, натягиваемая рывком взмыленных хатиров, срывая с места столбы, крепящие замаскированный настил, и бляхсы куклами валяются в ров. Сверху на них летят сети.

— Бей!!! — Хриплю я сорванным голосом.

— Бей!!! — Подхватывает рев. И все смешивается в круговороте общей драки.

В общую кучу влетает подоспевший к этому моменту второй ряд блох. Они, высоко взлетая и размахивая дубинами, камнями валяться на наших воинов, а мы пытаемся их поймать в сети и обездвигить. Кровь, и зеленая слизь перемешались в одно жуткое скользкое месиво под ногами. Освященная пламенем костра, наша конница влетает в оставшихся, не попавших в пламя пожара, растерянных зирклю. Там тоже жуткий хрипящий водоворот из мечущихся орущих тел.

Вон безбашенный Рутыр, повторяет мой прием, катания на противнике. Как-то умудрившись зацепиться за его голову одной рукой, он второй с остервенением, матерясь во все горло, пытается вогнать скачущей блохе между крыльев кол. Вон Дын, безвольной куклой отлетает от удара дубины и падает в кипящий телами ров. Строг, упирается ногами и пытается удержать щитом, напирającego на него врага. А сзади Борюкс уже заносит для удара окровавленную руку. Все мелькает, то замирая тихим стоп-кадром, то взрываясь воплями ускоряется до ускоренной перемотки. Кругом смерть.

Командовать больше не имеет смысла. Победит тот, кто пересилит себя, и сможет выжать из своих жил и воли все что есть, без экономии. Я метаюсь на поле боя, с топором в одной руке и колом во второй. Где-то уклоняюсь от несущейся в голову дубины, где-то с хрустом втыкаю в подставившуюся спину деревянное, заточенное до состояния иголки оружие, а где-то с остервенением пытаюсь пробить неподдающийся хитин топором. Голова не работает, все на инстинктах. Рука еще не прошла, но боли не чувствую. Все отдано для победы. Осталось только выстоять до конца.

Я плюну в рожу, тому кто посмеет сказать, что мужчина не может плакать. Пусть этот умник переживет, то, что пережил я, пусть в одном бою потеряет столько друзей, а потом вякает, если посмеет. Я стоял над его умирающим телом, слушая последние слова, и ничего не мог ответить, ком в горе не то что сказать, но и дышать мешал, наглухо перекрывая воздух.

Мы победили. Последний враг пал от руки моего верного друга Рутыра. Этот славный воин поставил красивую жирную точку в войне. Оттолкнувшись от убитого им до этого блякса, прямо в полете, вогнал кол в спину последнего врага, где и затих, повиснув, но не выпустив из рук оружия. Нет он был жив, избит, изранен весь, но дышал, просто сил подняться уже небыло.

Недалеко сидел Струг над телом Гони. Великий охотник пал, приняв на себя удар дубины, предназначавшийся другу. Еще совсем недавно они были непримиримыми врагами, а сегодня прикрывали друг другу спины. Вождь баруци монотонно раскачивался, взявшись обеими, окровавленными руками за голову, и беззвучно выл.

Дына нигде небыло. Там у рва, где я последний раз его видел, ползал на коленях и хрипло выкрикивал его имя Бутсей. Даже в таком коленопреклонённом состоянии вождь болотников умудрялся хромать. Сильно ему досталось, вон вся голова в крови, а на боку разорвана кровавой раной кожа. Но он ползает, рискуя сорваться вниз и зовет, с надеждой рассматривая место возможной гибели друга.

У меня сил, чтобы встать тоже нет. В голове пустота, полное отупение. Сижу рядом с телом незнакомого парня с которым вместе убил валяющегося около моих ног блякса. Этот, по сути своей, еще совсем мальчишка, бросился с топором в бессмысленную атаку на врага, отвлекая внимание на себя, чем дал мне возможность зайти тому за спину. Паренек погиб глупо, погиб от удара уже мертвого урода, нанесенного по инерции. Видимо просто сил не хватило отпрыгнуть в сторону.

Ларинии моей нет. Но у меня надежда в душе, что с ней все хорошо. Не может с ней ничего случиться, просто потому, что не может никогда.

А потом принесли его со стрелой в груди. И положили рядом, сказав, что это его просьба. Какого-то неестественно маленького на вид, осунувшегося и смертельно бледного. Борюкс восемнадцатый, а это был именно он, застонал открыл глаза, и улыбнулся мне кровавой пеной на губах;

— Успел. — Прохрипел он могильным голосом. — Ты не представляешь, как я этому рад. Молчи. — Он остановил мою попытку его перебить, и накрыл мою руку холодной ладонью. — Я могу не успеть сказать все, что хочу. Береги мою внучку Кардир. Я отдаю ее судьбу в твои руки, и счастлив что у меня будет такой родственник. Но это мое личное. А теперь самое главное. Покорил ты мое сердце. Отвагой своей, мудростью и силой покорил, и не только мое. Все люди поселка боготворят тебя. Я не смогу сейчас подняться, можно конечно попросить воинов поднять, но тогда я умру раньше, чем сделаю то что задумал.

— Я стою перед тобой на коленях Фаст Кардир... Прими мою жизнь. — Прохрипел умирающий кровавыми пузырями.

— Так нельзя, Борюкс, так неправильно. — Я с трудом выдавливал ком из горла, ты просто ранен и устал, мы сейчас отнесем тебя в поселок, вылечим, и ты еще посмеёшься над

своей сиюминутной слабостью.

— Прими, пока я еще жив. В его голосе послышалось раздражение. — Фаст может отдать свою жизнь достойному, это уже случилось в прошлом. Ты станешь Гростом — властителем Фаста. Для меня это важно. Быстрее. Прошу тебя. Силы уходят.

— Хорошо. Я принимаю. — Ком снова заткнул мне горло.

Он улыбнулся, сжал мою руку и затих. Великий человек, Фаст, дед моей невесты ушел к кострам предков. Я знаю, его там встретят с гордостью. Там умеют чтить героев. Он этого достоин.

Слеза покатила по моей окровавленной щеке, капнула на ладонь все еще сжимающую покрытый зазубринами топор, прокатилась по пальцам, скользнула на сталь оружия, где, сверкнув солнечной искрой, застыла блестящей каплей. Я поднял мокрые глаза. Среди трупов и грязи, стояли на коленях люди и озбрассо, и шептали беззвучными хриплыми голосами:

— Прими наши жизни.

Я собрал все оставшиеся у меня силы, поднялся на ноги, а потом рухнул перед ними на колени.

— Я принимаю, но взамен, примите и вы мою.

Сотни голов опустились в поклоне, и я упал перед ними, ткнувшись лбом, прямо в кровавую жижу. Отныне не они принадлежат мне, отныне вся моя жизнь принадлежит им, И я сделаю все от меня зависящее, что бы такого как сегодня никогда больше не повторилось. Я Грост Фаст Кадир клянусь в этом.

Ларинию я нашел на опушке леса. Девушка сидела и гладила голову своего мертвого хатира и что-то беззвучно шептала. Я сел рядом, не смея ее побеспокоить.

— Он мне спас жизнь... Представляешь... Он сам, без команды встал на дыбы... Представляешь, сам.... Эта стрела должна была достаться мне... А он сам...

Она упала мне на грудь и зарыдала. Я гладил ее волосы, и душа заполнялась теплотой, заполняя образовавшуюся там пустоту. Надо жить дальше. Помнить все то, что произошло, и жить. Ради тех, кто поверил в меня, ради тех, кто ушел навсегда к кострам предков, ради тех, кто сменит нас в этом мире. Надо жить, хотя бы ради того, чтобы тоненькая ниточка судьбы этого мира не прервалась. Я все для этого сделаю.

Потом мы собирали трупы. Много, очень много трупов. Победа, это не столько радость, сколько боль от потерь. Бляхсов и зиркю оттащивали в лес и там бросали в огромную кучу, их удел — быть сожранными падальщиками. Своих складывали в ряд, не разбирая, кто он, озбрассо или человек. Отныне мы одно племя. А потом молились, стоя на коленях перед ними, и прося своих предков, принять павших к своим кострам.

Молился и я, шевеля губами, и грея руки у несуществующего костра. Обращался к своим предкам: Прадеду, прошедшему две войны, и всю оставшуюся жизнь носящему осколки снаряда в теле. Деду, прошедшему Афганистан командиром отделения, а чеченскую закончившему в госпитале с отрезанной по колено ногой, отцу, сколько его помню, махающему топором на стройке, и зарабатывающему крохи, только потому, что не мог и не хотел воровать. Я молился им, и чувствовал, что они гордятся своим потомком, и это было очень важно и для них, а самое главное для меня.

С людьми простились по их обычаю. Сожгли на огромном траурном костре, развеяв пепел над лесом. Фаст Борюкс и еще семьдесят два воина ушли в вечность в пламени, взлетев дымом в высь безоблачного неба. Лариния перенесла смерть деда стойко, не устроив

истерик и причитаний. Она смотрела, как я зажигаю ритуальным факелом костер, как скрывается в бушующем пламени ее дед, как все это очень долго горит, и все молча, с застывшей маской скорби на лице с скупой слезой в уголке глаза. Очень сильная девушка. Достойное продолжение великого вождя.

Потом прощались с озбрасо. Я стоял по грудь в воде и отталкивал погибших в глубину озера. Всю эту процедуру доверили мне как Гросту, а я не стал отказываться, посчитав это огромной честью. Гоня, и еще шестьдесят семь членов племени отправились к предкам. Я верю, что их там встретят достойно. А мы всегда будем их помнить.

Дын был жив, правда потерял в том бою правый глаз и руку. Пришлось ее отрезать, так как дубина блякса превратила там кости в кучу осколков, и собрать их не представлялось никакой возможности. Его достал из кучи тел Бутсей. Нашел он всё-таки его тогда. Упертый. Сам ведь едва передвигался, а нашел, вытащил и донес к остальным раненым.

С Рутыром тоже все в порядке. Этому сукиному сыну, только мочку уха порвали на две половины, и синяков наставили, и он с тех пор дразнил этими Дына, намекая тому на раздвоенный язык озбрасо. Они теперь вообще неразлучная троица: Два безбашенных охламона и над ними, раздающий успокоительные подзатыльники дедушка Бутсей. Со стороны очень трогательно смотрится.

А Строг пропал. Был и исчез. Никто не видел куда он ушел. Все поле боя перевернули, весь лес облазили, но не нашли. Как в воду канул. Но я верю, что он жив. Душой верю.

У нас с Ларинией скоро свадьба. Пройдет положенное время скорби и поженимся. Эта будет первая свадьба в этом мире. Такого здесь никогда еще небыло. Готовится все племя. Мне сшили черный костюм. Кожаный правда, но зато со шкурой сакура на плечах — смотрится замечательно. Да еще на голове теперь у меня металлический блестящий обруч, символ власти Гроста, из какого металла сделан не знаю, но блестит серебром и не ржавеет. Невесте моей платье белое приготовили к ритуалу, мне не показывают, говорят сюрприз. Гоня сволочь такая издевается, говорит, что будет с удовольствием наблюдать за моей отпавшей челюстью. Убью гада.

Готовились мы долго и основательно. Всё-таки первый такой ритуал в этом мире должен был произойти. Никогда ранее население борукса с таким заключением союза полов не сталкивалось. Понятия брака, отсутствовало в здешней правовой составляющей, как и вообще само понятие правовых отношений. Законом тут был Фаст, или в крайнем случае, за неимением подобного — вождь племени, и конечно же совесть, которая похлеще любого наказания так душу выест, что мало не покажется, в землях этой странной планеты, она еще не успела атрофироваться, в маску бездушного сожаления.

Про костюмы я вроде уже говорил? Не помню. На всякий случай опишу.

У меня: Черный пиджак, усыпанный металлическим бисером, с белым воротником стойкой, натиравшей шею строгим собачьим ошейником, и рукавами бананами, узкими в начале и конце, широкими посередине и с металлическими манжетами, сверкающими на солнце полировкой. Застегивающимся на такие же пуговицы, под самое горло, стягивая тело до состояния остановки дыхания. Хорошо, что я себя со стороны себя видеть не мог, из-за отсутствия не изобретённых еще зеркал, иначе в жизни бы не одел этого позорища.

Брюки галифе, тоже черные с белыми лампасами и металлическим вездесущим бисером, заправленные в такого же цвета, высокие сапоги, без каблуков, слава богу без украшений. Все кожаное. Не изобрели тут еще привычных в нашем мире тканей. Ноги конечно натирала, и давили, эти потомки извращенной инквизиции, отвык я за это время от обуви, но приходилось мириться, свадебный комплект, чтоб его...

Ну и, конечно, атрибуты власти: Огромная, переливающаяся на солнце лоском, шкура сакура, на плечах и отполированный, до состояния кошачьего достоинства, обруч на голове. Красавец, если в темноте меня разглядывать. Сам себе нравлюсь до тошноты.

Невеста: а хрен ее знает. Не показывают мне. Улыбаются сволочи загадочными физиономиями и скрывают. Типа сюрприз тебе дорогой наш Фаст. Судя, по-моему, наряду, у них все получится. Толь ко бы не перепугаться во время выхода невесты, и не сбежать.

Много еще чего приготовили. Про столы с закусками и напитками и говорить нечего. Ломились они избытком и количеством, причем в буквальном смысле, у одного ножка подломилась и все на землю попадало. Плотника, что это чудо построил, бабы скалками полчаса гоняли, пока его мужики в туалете не спрятали, предварительно объяснив его ребрам всю неправоту хозяина.

Дорогу, что в поселке банутьяров, своеобразной столице теперь моей маленькой империи, песком речным посыпали. От ворот прямо к терему покойного Борюкса, моей нынешней резиденции и оттуда к ритуальному костру. Аккуратно все сделали, не подкопаешься.

В связи с предстоящим действием пришлось вновь немного попрогрессорствовать. Духовное лицо изобрести, по причине опять же отсутствия подобного в этом мире. Нужен же был кто то, кто скрепит узами брака наш с Ларинией союз двух влюбленных сердец, и соединит паутиновой, окрашенной в красный цвет, веревочкой наши руки. Опять же мое изобретение. Кольца наши чудо кузнецы могут конечно выковать, вот только на палец если и оденешь это чудо местной бижутерии, то из сустава вывернешь обязательно, из-за веса предмета.

Местным священником я назначил Дына. Причины такого моего выбора были три.

Первая: его уродливая наглая, всегда ухмыляющаяся рожа, почему-то очень соответствовала моему пониманию нужного образа местного духовного лица. Почему так, даже не спрашивай. Вот должен быть местный священник, таким прошедшим через ад воином, плюющий как на свою жизнь, так и на мнение окружающих, наглым и не лезущим за словом в карман.

Вторая: Парень в последнее время совсем сник по причине инвалидности. Руку то ему, раздробленную в бою с насекомыми, отрезали. Спасти это месиво из костей и мяса не получилось. Ходил все время хмурый, и злой, такими темпами скоро кусаться готов был начать.

Третья причина личного характера. Достал он меня своей ежесекундной заботой. Рожу уже видеть не могу. На горшок без сопровождения не сходить. Он да Рутыр, назначили себя Сенча Пнсами моей драгоценной тушки, не считаясь с каким-то там непонятным, для них, личным пространством. Секюрити недоделанные.

В общем все готово. Стою за воротами поселения, жду сигнала к началу. Осталось сделать только одно: дрожь в коленках унять. Волнуюсь, как первоклассник на первом уроке. Грост Фар Кардир, «Смерть врага, и «Мудрец», это прозвища мои неофициальные, если помнишь конечно, вибрирует перед выходом на песчаную дорожку, всем своим телом, и отбивает нервно зудами чечетку.

Загремела барабанная дробь. Инструмент этот, барабан, который я изобрел своим попаданческим талантом, перетащили из поселка дроци сюда, рядом с костром ритуальным пристроили. Теперь на праздниках в него колотят, и во время молитв, общение с предками сопровождают.

Так вот музыка эта барабанная, так по моим коленкам прошлась так, что они вообще в такт ей друг об друга маслами зазвенели. Пятки к песку приросли, с места не сдвинуться. За воротами гомон, смех и крики. Народ своего Фаста ждет, а тот в землю врос. Дын из марева моего затуманенного разума материализовался, улыбнулся все понимающей улыбкой и благословенным пинком меня на путь истинный направил. Спасибо другу огромное за помощь, при случае отомщу.

Пошел я судьбе на встречу ватными ногами. И как-то оно с каждым шагом все увереннее у меня получалось, даже дрожь прошла. Народ славу орет, на колени при моем приближении падает, и лбом колотится, а я уже не вижу ничего. Впереди мой ангел стоит, на крыльце терема.

Да, удивили меня, до восторга душу мою удивили, прав был Дын. Белоснежное платье, из выделанной до состояния прозрачной воздушности кожи, стянутое в талии тоненьким черным пояском, едва прикрывало изящные туфли, капельками волшебных узоров, выглядывающими из-под него, высокий воротник, отделанный отполированным металлом по краю в виде овала, сзади короной возвышался над нежной головкой моей любимой. Такой же белоснежный плащ, в форме крыльев ангела спадал с плеч, и стелился водопадам сзади, не касаясь земли, потому, что его в своих руках держал голый, как всегда, по пояс Рутыр, горой мышц усиливая хрупкий вид невесты. И конечно же атрибуты власти будущей жены Гроста. Шкура сакура, только меньших размеров чем моя, и отполированный обруч, стягивающий белокурые, вьющиеся волосы.

Я подошел, и упав перед ней на одно колено, посмотрел в глаза:

— Лариния. — От волнения мой голос хрипел. — Я хочу отдать тебе в руки свое сердце. Войди хозяйкой в мой дом. Будь мне подругой и спутницей. Будь матерью нашим будущим

детям. Стань моей женой. — Я опустил покорно голову в ожидании ответа.

Даже мухи замолчали внезапно онемев, и не смея нарушить тишину. Сердце мое колотилось так, что наверняка все собравшиеся слышали его глухой набат. Вот вроде знаю, что сейчас мне ответят, но блин, трясет всего от волнения не по-детски.

— Я согласна. — Прозвучал ее нежный колокольчик, и утонул в реве беснующейся толпы. Я поднялся и взял за руку. Предстояло еще пройти таинство бракосочетания.

— Спасибо, любимый. — Прошептали мне ее губы. — Я никогда не думала, что это может так быть на столько красиво. Ты подарил мне счастье. Спасибо тебе.

Мы взялись за руки и пошли к священному костру, где уже сиял улыбкой Дын, оветривая нас своей трехпалой ладонью. Под гул толпы, и грохот барабана, осыпаемые подбрасываемыми в верх, белоснежными цветками неизвестного мне растения, мы подошли к новоиспеченному священнику и опустились перед ним на одно колено, склонив головы.

— Донеси хранитель огня (так называлась отныне эта должность), до предков наших, желание наше, соединить сердца наши, — Громко произнес я ритуальные слова. — Пусть благословят союз потомков своих.

Вот не может эта уродливая рожа, священник хренов, без сюрпризов. Швырнул щепотку гадости какой-то в огонь, и он вспыхнул яркой вспышкой наполнив пространство запахом жасмина. Не было у нас такого уговора, сам придумал гаденыш зеленый, и даже не предупредил. Так и до конфуза недалеко. Но скажу тебе положи руку на сердце, здорово получилось — и красиво, и таинственно.

— Ушедшие одобряют вашу просьбу. — Вот может же серьезным быть, когда захочет. — Отныне вы супруги. До скончания дней земных, и после, смерти, ветром к костру предков перенесенные. Встаньте и протяните мне руки. Кардир левую, а Лариния правую, я свяжу вас узлом брака.

Вот сколько я уму втолковывал, что не узлом, а узами, один черт перепутал. Теперь ведь так и войдет ритуал в народ, с неправильными словами. Да и бог с ним. Не это главное.

Мы поднялись и протянули руки. Дын обвил их красной паутиновой нитью, крепко прижав друг к другу и переветрил нас (перекрестил по земному).

— Предки счастливы видеть вашу семью. Покажите же им, как вы любите друг друга. Целуйтесь.

Дальше был страстный поцелуй, под барабанную дробь и рев толпы, торжественное шествие во главу накрытого стола, и праздник.

А потом она пропала. Моя Лариния. Никто не видел, как. Я сначала подумал, что тут, тоже моду с похищением невесты изобрели, даже посмеялся вначале, но потом стало не до смеха.

Ну вот почему так. Почему всего несколько минут назад я был самым счастливым человеком на этой гребаной планете, а сейчас раздавлен и уничтожен. Вот зачем это все. Ну почему судьба так несправедлива ко мне. Чем я заслужил такое к себе отношение. Слезы текли у меня из глаз, и я противно завывал, обвиняя все на свете, иступлено мотая головой. Я пил вино, прямо из бочонка, сидя на земле и не пьянел. Вокруг стояли близкие друзья и растерянно пытались хоть как-то меня успокоить. Но их слабые попытки не находили никакого отклика в моей стонущей душе.

Мне было плевать, я не слышал, я упивался, жалостью к себе, и наслаждаясь выпавшей наконец возможностью быть слабым. Поганейшее чувство трусливой устрицы, спрятавшейся в свою хрупкую скорлупку, робко выглядывающей в щелку, и мечтающей о том, чтобы накатывающий на нее танк остановился сломавшись, или свернул в сторону. До сих пор противно вспоминать себя таким — вернувшимся из забвения, Владимиром Петровичем. Спасибо Дыну. Возвратил меня самому себе смачным подзатыльником, и отборным матом.

— Ты охренел Кардир. Ну-ка вставай заликс (местный заяц), ободранный. Подотри сопли. Ты Грост, или дерьмо. На тебя с надеждой сотни глаз смотрят, а ты растекаешься рвотными массами по лужайке. Не позорь памяти Борюкса, Гони и Строга. Не смей! Им стыдно видеть тебя таким!

Подействовало. Злость проснулась. Я вскочил на ноги и вlepил другу в челюсть, тот аж метров на пять в сторону улетел и еще пару как на санках проскользил по песку. Поднялся и ржать давай, окровавленными губами, а потом на колени сука встал и лбом в землю уткнулся.

— С возвращением Фаст, слава ветру. — Смех пропал, и он заговорил серьезным голосом. — Я испугался, что племя потеряло великого вождя. Прости Грост, я ошибся.

Вокруг все на колени упали, видимо вид у меня в тот момент был убедительно жутковатый, чувствовал сам, как бешенство льется из меня нескончаемым потоком. Я метался взглядом, занеся руку для удара, в поисках новой цели для выхода клокотавшей в душе ярости, но вокруг, кольцом видел только покорно склоненные головы. И отпустило. Вспыхнувшее бешенство выдавило сопливого Иванова, и вернуло Фаста, пусть постоянно сомневающегося в себе, но способного на поступок.

— Встаньте, не надо всего этого. Простите меня за слабость. — Я подошел к Дыну поднял его и обнял. — Прости друг.

Он оттолкнул меня и заглянул в глаза. Вытер стекающую по подбородку кровь ладонью, и уже сам обнял.

— Я все понимаю. И все, все понимают, и поверь, что отдадут за тебя жизнь. Но видеть тебя таким выше наших сил. Давай друг. Надо действовать. — Его слова прозвучали глухо, и он был полностью прав.

Но что делать? Я в тупике. Мы обыскали весь поселок, заглядывая в каждый угол, и осматривая каждый подозрительный камешек под ногами. Исследовали все пространство вокруг, и поле, и лес, в поисках хоть каких-то следов. Но все безрезультатно. Тут нужен сыщик, гребаный Шерлок Холмс, или Пуаро, но нет тут таких.

Первое, что нужно делать следователю, как мне кажется, это опрашивать свидетелей, и сопоставляя факты строить гипотезы, пусть самые безумные. И первый свидетель был я сам.

Итак, что я помню. Лариния встала из-за стола, и на вопрос: «Ты куда», улыбнулась и ответила, что на минуту отойдет и вернется, после этого ее не стало. Что-то вертелось в голове, но что?

— Были еще подобные случаи исчезновения? — Вопрос я задал сразу всем присутствующим. Вспоминайте друзья мои. Мне кажется это важно.

— Так были, Фаст, как не быть. — Откликнулся местный кузнец, по прозвищу «Кувалда», его никто и никогда не называл по имени, только по прозвищу, и не за умение обращаться с этим инструментом, а за огромные кулаки, которыми он так же прекрасно владел. — Девушка полгода назад сгинула, а до нее старик Финтрост, пошел за ягодами и пропал. Да вот и Строг недавно исчез, ты же сам свидетель. Бывали такие случаи, нечасто, но случались.

Вокруг загомонили, соглашаясь с его словами. Вот оно, вот что свербело у меня в мозгу. Как я мог про Строга забыть. Веди случай один в один. Исчез бесследно, был и нет, и никаких следов.

— Кто видел, Строга последним? Вспоминайте. А также все подробности случаев исчезновения остальных.

— Спутник мой, Финтрост, то же во время гулянки исчез. Тогда праздновали начало сбора ягод. Он вообще не любитель был застолий всяких. Сказал, что лучше пойдет в лес, пособирает, чем дурью заниматься. Ушел и больше его никто не видел. — Говорившая бабка смахнула слезу.

— Точно. — Даже подпрыгнул стоящий рядом с ней паренек, сверкнув глазами. И девушка та, Мондлария, то же во время праздника пропала, а я ведь с ней сойтись хотел.

— А Строг во время битвы исчез. — Я задумался. — То есть когда было шумно. Уже что-то. Значит все происходит, когда внимание окружающих отвлечено. Все вроде вместе, и в то же время каждый сам по себе. Все сделано нагло, и быстро. Остается только поаплодировать смелости и изобретательности похитителя, руку бы ему пожал если бы не хотел убить. Найду, удавлю, отрежу поганую руку и пожму.

— Кто был рядом и видел, как пропал Строг?

— Я был недалеко. — Один молодой озбрассо с перевязанной головой, поднял руку. — Он еще как-то странно упал. Руки вверх вскинул и исчез. Но я могу путать. Мне тогда в голову изрядно дубиной прилетело от бляхса. Все как в тумане было. Могу путать. Но то что упал странно, это точно. Не было в тот момент никого рядом с ним, а он упал.

— Место показать сможешь?

— Так, говорю по голове получил тогда, до сих пор еще временами кружится, плохо помню, что происходило. Место, конечно покажу, только примерно, на точность не надейтесь.

— Показывай.

Мы дружно вышли за ворота и замерли. Перед нами, на пританцовывающем не месте, сером хатире сидел огромный чернобородый мужик, с шрамом, через все лицо, от чего, то казалось улыбающимся кровожадной улыбкой, и поигрывая топором, сверкал гневно глазами.

— Кто тут Фаст Кардир. — Нагло произнес незнакомец. — Можете не отвечать, сам вижу это недоразумение с символом власти на голове.

Я придержал за плечо, рванувшего было в драку Рутыра. Его понять можно. С его-тс

характером, не мог он стерпеть оскорбление своего вождя, но и торопиться не стоило. Может появление этого самоуверенного болвана связано с исчезновением моей жены. Я поднял руку, успокаивая поднявшийся гомон стоявших за спиной фастиров.

— Ты что-то хотел? — Спокойным голосом и с улыбкой произнес я, подавив в себе поднимающуюся бурю. — У нас принято сначала представляться. Как зовут тебя воин? — Во блин, сам от себя не ожидал такого. Спокойный, улыбающийся дулом танк. Наверно так я сейчас выглядел со стороны.

— Я Фаст Габсурдин. У тебя пятеро моих людей, нарушивших клятву жизнью. Я требую их вернуть!

Я обернулся, на колени упали четверо, один из них начал объяснять случившееся:

— Четверо нас осталось, один погиб в бою. Мы думали, и наш старый вождь погиб, и мы свободны от клятвы.

Нас тогда связали, бесчувственных, напавшие на поселок бляхсы. Откуда мы могли знать, что он выжил. Фаст не может бросить своих людей, мы ждали от него поступка. Мы ждали, что он появится, чтобы попробовать освободить нас, или погибнуть вместе, но он не пришел.

Я вскипел, наверно в этом виновато было все свалившееся на меня к этому моменту, а также наглое поведение гостя, от которого я ожидал известий о своей Ларинии, а он оказывается тут совсем по другому поводу. Вспышка ярости затмила разум. Как я прыгнул не помню. События пронеслись как слайд шоу. Влетев в его грудь ногами, сбил и его и хатира на землю, прокатившись кувырком рядом с ним, но мгновенно вскочил и прижал захрипевшее горло гостя сапогом.

— Ты. Сука. Посмел явиться сюда, после того, как предал своих людей. — Я не мог говорить, я шипел, глуша распирающую ярость. — Ты, жалкое ничтожество, которое должно было сдохнуть, защищая. — Я смотрел в покрасневшее от натуги, задыхающееся лицо, с выпученными глазами, и не испытывал жалости, только брезгливость и желание раздавить червяка. Чьи-то руки схватили меня и оттащили в сторону, но я вырвался, раскидав препятствие и навис над ползающим у моих ног Габсурдином, хватающим ртом воздух.

— На колени, падаль. — Пнул я его. — На колени.

Его, хрипящего и растерянно стреляющего глазами схватили и поставили передо мной, но я расшвырял держащие его руки.

— Не смей трогать, эту дерьмо, я сам. Ты лишаешься титула Фаст. Твое поганое погоняло не может стоять в одном ряду со славным именем Фаста Борюкса.

— Ты не имеешь права так поступать. — Прохрипел он. — Нет такого закона.

— Я закон. Я Грост Фаст Кардир, владеющий жизнями Фастов Лишаю тебя титула, своим словом. Уберите от меня эту мерзость.

Смайлюсы

Что может быть поганее, чем ехать куда-то, когда всей душой, находишься в другом месте. Да, я сейчас в седле. Впереди покачивается спина Габсурдина. Если бы не обязанности Гроста, не было бы меня сейчас в этом чертовом лесу, за много километров от места, где остался разум. Вокруг привычное уже, сюрреалистичное издевательство над красотой местной природы. Извращенные подобию деревьев, кустарников и травы, проплывают, по обе стороны натоптанной тропы. Солнце пробивается сквозь кроны, солнечными зайчиками сверкая в глаза. Мы едем на побережье исполнить долг.

После той унижительной сцены отстранения, Фаста прибрежного племени, от обязанностей, пришлось ехать на встречу с его бывшими фастирами. Мне было стыдно за свой срыв тогда. Можно, что угодно говорить в свое оправдание. И то, что расстроен исчезновением жены, и то, что выпил много вина, и то, что Габсурдин сам виноват своим наглым поведением спровоцировав конфликт. Но это ни в коей мере не извиняет меня. В том, что приходится сейчас ехать к черту на кулички, вместо того, чтобы заниматься поисками жены, в этом только моя заслуга. Не психанул бы я тогда, придурок, сейчас все было бы по-другому. Нужно учиться держать себя в руках.

После лишения фастирства, Габсурдин, долго, молча, стоял на коленях, опустив голову, на что-то решаясь. Мне было наплевать. Я уже забыл про него, отвлекшись поисками места, где последний раз видели Строга. Турып (это, тот молодой озбрассо, что видел момент исчезновения моего друга), постоянно путался, указывая то в одном направлении, то в другом. И чтобы он вспомнил, мы пытались воссоздать сцену сражения, на тот момент.

Строга изображал Бутсей, что кстати очень даже неплохо у него получалось. Он очень правдоподобно вскидывал руки вверх, и падал на землю, когда напрогессорствую театр, будет Отеллу играть. Бабы и дети вживались в роли бляхсов: одни ползали, а другие пытались как можно выше подпрыгнуть. Забавно смотрелось. Остальным не приходилось ничего из себя изображать, они и так были участниками того сражения. Выездная гастроль театра долбоящеров, по-другому и не скажешь. Можно было бы посмеяться, если бы не было так погано на душе.

Общим мощным мозговым штурмом, после просмотренного несколько раз представления и бурного спора, сопровождаемого матерной руганью, пришли к выводу, что не мог Струг исчезнуть незамеченным. Слишком много вокруг присутствовало свидетелей. А так как в мистицизм и телепортацию тут никто не верил, потому, что даже понятий таких не знал, и версию растворение объекта в воздухе тоже не поддерживал, то вывод напрашивался один: провалился вождь баруци под землю. Оставалось только понять, как, и в каком месте.

Подпрыгивания, притопывания, пинки кочек, и ползанье по траве, результатов не принесли. Тогда мной было принято гениальное решение: перекопать тут все к чертям собачьим. Кому не досталось лопат, с остервенением принялись ковырять землю палками. Работы закипели. Но результатов мне увидеть не довелось. Проклятый Габсурдин спутал все карты, грохнувшись около меня на колени и с мольбой пожирая глазами заявил:

— Грост. Прости меня, за недостойное поведение. Я не понимал тогда, не знал всего, что произошло. Злоба и отчаяние затмило разум. Спасибо выжившим и спасенным тобой соплеменникам, все объяснили. Я согласен с решением, по лишению меня титула Фаста, и

не смею оспаривать его, но стою сейчас на коленях с просьбой: «Прояви милосердие, приюти оставшихся в лесу людей моего племени».

— Еще есть люди? — Сказать, что я удивился, это значит ничего не сказать. — Какого рожна ты молчал?

— Я не мог решиться на разговор. Там женщины, дети и раненные. Они напуганы и прячутся.

— Он прав, Кардир. Ты обязан помочь. — Как Дын оказался за моей спиной я не увидел. И только чудом удержался от того, чтобы не заехать ему по физиономии второй раз. — Ты Грост, и потому тебе решать их судьбу.

Вот почему так? Почему надо всегда делать то, чего не хочется? Карма у меня такая что ли? И ведь понимаю, что они оба правы, что нельзя бросить людей на произвол судьбы. Но меня-то, кто поймет? У меня пропала жена, я обязан ее найти. Что делать с обязанностями, противоречащими моим желаниям? И согласиться нельзя, и послать подальше не получится.

— Может сам сходишь и приведешь? — Сделал я робкую попытку отмазаться.

— Теперь не могу. Я никто для них. А они не пойдут в чужое селение без приглашения. Там нужен ты.

Вот, что за бред? Что за извращенные традиции, блин? Почему даже поход в гости обязательно должен сопровождаться ритуалом? Хорошо хоть без жертвоприношений. Так они меня скоро со свету сживут обилием проблем. Прав был Жванецкий: надо, что-то в консерватории менять.

— Не волнуйся, Фар, мы за время твоего отсутствия все тут изроем, и обыщем. Найдем мы то место куда Строг мог провалился Не сомневайся. Езжай спокойно. — Это уже Бутсей нарисовался. Сговорились они что ли. Нет бы поддержать своего вождя, а они его дружно выпроваживают.

Теперь вот еду, и рассматриваю покачивающуюся спину Габсурдина, и окружающий полусумрак леса. Стволы деревьев- великанов, проплывают мимо, и одно из них меня настолько заинтересовало, что я свернул с тропы и подъехал, чтобы удовлетворить свое любопытство. Огромное, около метра в диаметре дупло, в стволе гигантской то ли сосны, то ли дуба, я даже рот открыл от удивления, никогда ничего подобного не видел. Внутри темно и сыро.

— Это самщир. — Прозвучал рядом голос попутчика. — Древесина съедобна, по вкусу напоминает сливу, (конечно же я использую слова слива как вкусовой аналог к местному определению). — Внутри много места, правда сыро из-за подтекающего сока.

Чего тут только не увидишь. Уже не удивляюсь. Но надо ехать. Время не ждет.

Внезапно, едущий впереди хатир Габсурдина остановился, и замер, ожидая, когда подъеду я.

— Впереди смерть. — Произнес бывший Фаст могильным голосом. — Опять я не выполню своего долга, не спасу племя.

— Что случилось?

— Слышишь этот гул? Это смайлюс.

— Что еще за напасть? — Впереди действительно нарастал глухой гул, как будто стая шершней приближалась к нам. Нервишки неприятно защекотало.

— Время объяснять нет. Забирай моего хатира и убегай, что есть мочи беги назад. Я останусь и отвлеку. Возможно одного меня хватит, и они не кинутся в погоню. — Он спрыгнул из седла на землю и застыл с топором в руках.

— Что тут вообще происходит? С чего это ты решил, что я могу сбежать? Или сдохнем вместе или сбежим, опять же вместе.

— Это стая. Маленькие, злобные, очень быстрые, пожирающие все на своем пути создания. От них нельзя отбиться и нельзя убежать, только отвлечь.

— А спрятаться?

— Тоже нет, к ним очень хороший нюх и зрение.

— Ну-ка прыгай в седло. — У меня мгновенно созрел план.

— Я сказал в седло. Выключи своего упрямого барана, и слушайся. — Рывкнул я. —

Шанс всегда есть.

Через минуту, мы уже наблюдали за скрывающимися за поворотом хатирами, отправленными в поселок, стоя по колено в липком, воняющем брагой соку самцира, высунув из дупла взволнованные рожи.

— Я понял. Ты хочешь пожертвовать ими для спасения. — Габсурдин угрюмо кивнул в сторону убегающих животных. — Стая бросится следом и потеряет нас.

— Хрен им, а не Тузик, я своих не предаю. — Злобно оскалился я.

Через мгновение после исчезновения из поля видимости, хатиров, появились они, очередные извращения местной флоры. Вот откуда тут могли знать про смайлики? Откуда настолько идентичное название, со стилизованным графическим изображением из моего старого мира. Смайлос — смайлик. Желтый, размером с теннисный мяч, в красную полосочку под зебру, с пчелиными крыльями и хищной улыбкой акулы, колобок убийца, два изумрудных глаза и две черные дырки вместо носа. В общем полный бред.

Я свистнул, привлекая внимание. Габсурдин охнул, присев, а стая желтых извращений, сменив направление полета, резким, под девяносто градуса рывком, бросилась радостно жужжа к нам.

Ты пробовал когда-нибудь разрубить топором летающую осу? И не пробуй не получится, движения у нее резкие и быстрые в непредсказуемом направлении, тут, то же самое. Эти гребаные смайлики неуязвимы. Мы махаем оружием посменно не высовываясь наружу. Отбиваемся от попыток захвата дупла, приютившего нас дерева, уже несколько часов подряд. Попали за все это время только один раз. Габсурдин разрубил одну такую, забрызгав себя розовой гадостью. Как будто ничего и не случилось, как кидались, так и кидаются, щелкая зубами, даже внимания не обратили на потерю бойца.

Пот заливал мне глаза, а руки уже переставали слушаться. Еще немного, и не удержу топор. Упертые сволочи. Мне почему-то казалось, что им быстро надоест, и они улетят, оставив нас в покое. Но нет. Они даже не запыхались.

— Еще немного, и я сдохну от усталости. Как их прогнать? — Блин. Свой голос не узнаю.словно кузнечные меха разговаривают моими губами.

— Только убив их вожака. — Габсурдин сидит прямо в соке, вытянув ноги, отдыхает, приводя дыхание в норму, к своей смене готовится. Места в этом дупле еще на четверых нас хватит, можно расслабиться, не заморачиваясь. — Вон он, чуть слева в стороне. Тот, что побольше и потемнее. Но он кинется только в крайнем случае. Когда уже победу почувствует. Смайлосы мгновенно интерес потеряют, если с ним покончить. Но это не точно. Так только говорят, никто на практике не пробовал.

Решение влетело мне в голову дурной пулей. Ничего тупее, я придумать как всегда не смог.

— Иди сюда. — Позвал я собрата, по несчастью. — Я сейчас выпрыгну, постараюсь

перелететь за спину этому мелкому гаденьшу. Вся стая бросится на меня, оставив тебя без внимания. Ты прыгай следом и руби главаря. Только попади пожалуйста, будь добр, иначе меня сожрут мелкими порциями, а мне ой как этого не хочется. Готов!!!

И не дождавшись ответа прыгнул.

Пока летел, прокусили, суки, плечо, руку, обе ноги и задницу в пяти местах. Хорошо, что Тузик убежал, мне то теперь седло противопоказано. Спасибо Габсурдину, вовремя он все сделал и четко. Задержись на секунду, не махни своим топором, на землю бы упал мой обглоданный, но все еще матерящийся, скелет. Пираньи, какие-то, а не смайлики. Но до чего же больно, блин. Пусть и моментально все произошло: прыгнул, поорал, на землю тюфяком шлепнулся, но успели, за это время, мне сволочи шкуру изрядно попортить.

Сейчас лежу, поскуливаю, себя жалею, смотрю как в лесу растворяется удаляющийся рой смайлюсов, и слушаю, как рядом Габсурдин хохочет, придурок. Это у него нервное, уж я-то знаю, сам такой, тоже на ха — ха пробивает. Никакого уважения к вышестоящему мне. Что за мир? Но, всеравно спасибо ему, не растерялся, все сделал как надо. Вон недалеко тушка смайлика, главаря местной банды, валяется, точно пополам он ее поделил. Молодец. Уважаю.

Раны мне мой попутчик какой-то травой замазал, пожевал плюнул и растер. Плечо, руку и ноги нормально получилось, а вот с остальными пятью укусами, мне пришлось покраснеть немного, Все боялся, что проедет по тропе кто-то и увидит. Некрасиво могло получиться, неэстетичный прямо скажу вид у меня со спущенными штанами, в раскорячку, и с бородатым мужиком сзади, занимающимся непонятными манипуляциями. Но слава ветру пронесло. Бог миловал от позора.

Отдохнули немного. Габсурдин, за это время, с кусачего коlobка шкуру снял, обещал подарок потом сделать, какой не сказал, только улыбнулся многозначительно. Затем сливовой древесиной перекусили, ничего так, кисленькая на вкус, не особо противная, хотя и чувствовал себя, в процессе, неким бабром переростком. Отдохнули немного и дальше пешком пошли. Что поделаешь, больно ногам конечно, но идти надо, да и транспортного средства в округе не наблюдалось, а времени мало совсем, мне жену искать, тут уж себя жалеть не получится.

К вечеру добрались до лагеря бывших габсурдировских фастиров. Страшное зрелище. В густых зарослях кустиков — переростков, распространяющих запахи смеси мяты с тухлым мясом, с грязно-синего цвета листьями в виде сердечек и вкраплением зеленых вьющихся змеями стеблей, нас встретили угрюмые, израненные люди. Худые, в изодранной одежде, с бледными голодными лицами, они окружили нас и встали на колени перед Габсурдином, конечно только те, кто мог стоять, потому, что многие лежали на земле ранеными, не способными подняться. Их отстраненный мною о обязанности вождь, не долго оставался на ногах, и рухнул, в свою очередь, перед ними склонив голову:

— Я больше не Фаст вам, друзья мои, меня лишили титула и сделали это заслуженно. — Он что-то еще говорил и говорил, а не слышал.

Смотрел на стоящих на вокруг людей, вспоминал остальные случаи такого выражения рабства, преследующие меня на каждом шагу, и думал: «Откуда такой странный, унижительный ритуал у гордых и независимых жителей Борукса». Никак не вяжется у меня в голове, способный дать подзатыльник своему Фасту Дын, с его же склоненной, через мгновение, в покорности головой. Что-то было в их истории, такое, что внесло в традиции этого мира столь странные выражения покорности. Надо непременно попробовать все это поменять. Убрать из их сознания, эту рабское преклонение. Претит это моей натуре.

Ненавижу.

Из раздумий меня вывело осторожное прикосновение к ноге. Взлохмаченный, незнакомый мужик с жутким синяком во все лицо и рваной раной на плече стоял передо мной, опять же на коленях, а вокруг застыли в ожидании остальные, устремив на меня встревоженные взгляды.

— Не лишай нас Фаста, Грост. Он достоин этого звания, мы не просто так отдали ему наши жизни. Все племя просит тебя об этом.

И снова, больше шестидесяти человек упали в позу раба, склонив головы.

— Встаньте. — Я поднял уткнувшегося мне в ноги лбом и замершего в унижительной позе просителя, взяв того за плечи. — Возможно я был неправ. Я уже мог убедиться, что он не трус. Теперь вижу и вашу к нему преданность. Пусть будет, так. Я возвращаю титул. — Только прошу. Не падайте вы больше передо мной на колени, не нужно этого...

— А как же принести присягу? — Габсурдин выглядел растерянно, и периодически оглядывался назад, как бы ища поддержки, смотрел мне в глаза.

— Какую присягу? Ты вроде уже Фаст. Я же только, что вернул отобранное мной по недоразумению?

— Присягу тебе.

— Зачем?

— Мы хотим, чтобы ты стал нашим Гростом. Мы хотим объединить наше племя с твоим, и вернуть, в связи с потерей священного огня, утраченную связи с предками, в вашем костре, так, как ты сделал это раньше с остальными.

Вот как выразить цензурно чувство, которое я испытал в этот момент? Злость, страх, раздражение, разочарование, слитое в единое чувство. Я не знаю подходящего выражения, кроме как пресловутое упоминание про маму. Им и воспользовался. И только после эмоционального монолога, сопровождаемого интенсивным жестикулированием, я успокоился, и заговорил уверенно:

— Для того чтобы принести присягу, необязательно падать на колени и биться лбом о землю. Ведь ты клянёшься не лбом, а сердцем. Отдавая свою жизнь, ты не отдаешь свою совесть и свою честь. Не нужно унижать себя. Это не надо ни тебе ни мне. Я вообще не сторонник всех этих клятв, мне ничего от вас не надо. Но если судьба так уж распорядилась, и мне никуда от всего этого не убежать, то хотя бы ритуал присяги я изменю. Отныне, для дачи клятвы фастирства или гростства, достаточно будет склонить голову, падать на четыре кости запрещаю. Увижу, убью.

Да. Как говорила моя бабушка, царствие ей небесное: «Едут на том, кто позволяет на себе везти», мудрая была старушка, не зря она повторяла: «Размазня ты Володенька — внучек. Мякина бесхребетная», права была. Взвалил на себя я ношу, с которой понятия не имею что делать, и как нести. Вздохнул горько и принял у Габсурдина клятву жизни. Чему он дурак радуется? Непонятно.

Дорога назад, тяжелая, бесконечно длинная и долгая. Стоны раненых на самодельных носилках. Постаревшие и изможденные лица баб, со следами высохших дорожек слез из глаз, молчаливые дети, угрюмо бредущие, держащие за руку родителей. Вспышки боли в кровоточащих ранах прокушенных ног при каждом шаге. Путешествие по мукам.

У первого же ручья сделали привал. Промыли и перевязали гноящиеся раны. Накормили людей самширом, благо, что дерево было недалеко. Собрались уже выдвигаться в дальнейший путь, но тут, впереди по тропе, появилось облако пыли. Если это очередной

враг, которым меня так любит баловать этот мир, то трындец Бобику, отпрыгался. Не устоять нам в таком состоянии.

Я молча встал, и приготовил топор. Рядом, также молча поднялся Габсурдин, прижавшись плечом к плечу, а за нашими спинами, выстроились женины и дети, с топорами, а кому не досталось, то и с дубинами в руках. Мы приготовились умирать.

Слава Ветру, это были друзья. На моем Тузике, неуклюже вцепившись мертвой хваткой в поводья,

летел Дын. Рядом на хатире Габсурдина, так же, едва не выпадая из седла, мчался Бутсей. Впереди них, лихо пришпоривая скакуна, улыбающийся мне Рутыр, и еще десятка полтора всадников, выскакивали из поднятой ими пыли.

Как же я был рад их видеть.

— Мы, когда увидели хатиров без вас, то испугались до чертиков. Тут же бросились по следам на поиски — Рассказывал Дын подбрасывая в костер мелкие веточки из-под ног.

Меня до всего этого насильно сняли с Тузика. Ведь я намеревался незамедлительно ехать туда, где пропало мое сердце, но не дали. Бутсей объяснял вырывающейся из удерживающих рук тушке, что спешить пока некуда, и что там и без моего участия ведутся поиски. От того, что я приеду туда валяющимся с ног от усталости, ничего не изменится. И что охотники уже добыли свежего мяса, и надо сначала как следует перекусить и отдохнуть, и потом только ехать домой. В общем уговорили, заломив руки своему Фасту.

— Я никогда не ездил на хатире. Думал сдохну по дороге, — Дын улыбался, глядя на огонь. — Натер себе задницу о седло, сил нет.

— Ты Габсурдина попроси туда плюнуть, — Усмехнулся я, вспомнив первую оказанную мне помощь, после схватки с смайлюсами.

Вот только не говори мне что я бесчувственный чурбан, забывший о своей жене. Нет, смех у меня — это нервы, своеобразная защита от возможности сойти с ума.

В лагере, спонтанно образованном на берегу ручья, царил покой. Рутыр, натренировавшийся, под руководством моей жены в обработке ран, на моем многострадальном теле, в совсем еще недавнем прошлом, заново перевязывал лежащих на носилках воинов. Борюкс командовал приготовлением обеда и прочими хозяйственно-организационными делами, с помощью пинков и крепкого слова. Ну а Дын забавлял меня и остальных рассказами, и благочестивыми проповедями. Когда только успел в роль жреца настолько плотно войти, но получалось это у него неплохо. Угадал я с его назначением.

Идиллию нарушил прилетевший на взмыленном хатире всадник, заоравший во все горло, еще из далека:

— Нашли.

Нашли то они нашли, да вот только не то, на что я надеялся. Откапали замаскированный лаз в подземный тоннель. Лучше бы они Ларинию или Строга обнаружили, но как говорится: «Синичка тоже неплохо». Уже хоть что-то существенное. Не зря мучились со спектаклем, производя масштабные следственные действия, воссоздавая картину недавнего прошлого. Не зря перепахали столько кубометров грунта. С обнаружением этой дырки в земле появилась и надежда.

Всё-таки довольно надежно запрятан был этот лаз. Пол слоем дерна, прикрывающим стальной люк, подогнанном на столько тщательно с поверхностью, что ползай по нему с микроскопом не обнаружишь места соединения. Края среза маскировочного слоя, обработаны какой-то гадостью, вроде пластика, и при открытии и закрытии не обсыпаются.

Когда я приехал на место, то сотворил очередную глупость. Прямо с хатира прыгнул в темный зев проема. Дурак, что с меня возьмешь. Как обычно эмоции взяли верх над здравым смыслом. Мгновенно понял, что погорячился.

Во-первых, чуть ноги не переломал, глубоко лететь пришлось. Хорошо, что спуск не отвесный, а пускай хоть и под крутым наклоном, но, членовредительные последствия падения предотвратить смог. Руками цепляясь, я съехал относительно удачно, отделался лишь парой синяков, и грязной одеждой. Во-вторых, было темно тут как в..., как в пещере в общем темно было, видно только светлую дырку лаза над головой, с орущими там рожами беспокоящихся, за своего тупого Фаста, друзей.

Неприятности на этом не закончились. Назад под обожаемое мной солнышко подняться не получилось, скатывался вниз, как не старался подняться. Глинистый влажный грунт, никак не хотел держать вес. После третьей неудачной попытки карабканья вверх и сползания на исходное место, посредством скольжения на пятой точке, пришлось попросить помощи, в виде длинной веревки.

В ожидании, когда ее принесут и скинут, приходилось периодически орать, преимущественно матом, останавливая торчащие в проеме, буйные головы, желающие прыгнуть мне сверху на шею. В итоге передумал подниматься и потребовал опустить вниз светильник. Опять ожидание с матерной перепалкой с мечтающими присоединиться ко мне спасателями. Как же это все долго.

Наконец долгожданный свет, и сразу навалившееся отчаяние. Три хода уходят куда-то в мрак, а что там дальше будет? Вопрос? И вряд ли ответ на него меня обрадует. Сел прямо на землю и задумчиво принялся чесать нос. Сзади, заскрипела под чьим-то весом веревка, и спустившийся ко мне гость присвистнул и заговорил голосом Рутыра. Не удержался всё-таки оболтус, сполз, не смотря на запрет.

— Ничего себе!! Интересно какого размера рыба клюнет на червячка, сотворившего такое безобразие?

— Что-то мне подсказывает, что тут не черви покопались, тут представитель разумной жизни постарался. Как ты думаешь, что это может быть? Или вернее кто?

— Не знаю. Никогда не видел ничего похожего. Даже не слышал. Куда пойдём?

— Никуда. Нужно больше света. Нужно как-то путь отмечать, чтобы не заблудится. Подготовится не помешает. Нам не сгинуть в этом лабиринте надо, а Ларинию найти.

Легко сказать, трудно сделать. Как путь свой обозначить придумал мгновенно. Пока на

свет выползал, любой палкой можно было отметку в глиняной стенке проковырять, а вот с освещением как-то не задалось.

Вот только не надо мне рассказывать про факелы. Сам сначала подумал так же. Ага. Сейчас. При отсутствии подходящих материалов изготовить элементарный предмет не получалось. Тканей тут вообще никаких нет, не ткут, не умеют. Шкуры животных не годились, гномья паутина плавилась, но не горела. Фитили, что использовались в светильниках были штучным товаром, и делались в микроскопических объемах (пух какого-то растения, долго и нудно, скатывался в жгут), и не устраивали меня объемами, нужно было этих жгутов только для одного факела — уйма. Так, что наклевывалось у меня новое прогрессорство, только вот главное тут слово — наклевывалось.

Первая попытка просто наклепить на палку, с помощью осветительного жира скильдима, злополучный пух не увенчалась успехом, эта сволочь жир, плавился и стекал с палки-основания, горящими — шипящими кляксами. Итогом тупой упорности психовавшего изобретателя, в моем лице, сделан был вывод в несостоятельности проекта, и заброшен в угол, за правую извилину мозга, на доработку.

На следующую мысль натолкнули гомонящие, толкущиеся вокруг бабы и изобретенное ранее веретено, подсказанное услужливой памятью. Новаторское умение прядения и последовавшее за этим, наматывание на палку изготовленной веревки, пропитанной жиром, принесли долгожданный результат.

С помощью прекрасной половины племени, через час работы, я мог обмотать даже себя самого до состояния бабушкиного клубка с пряжей. Два десятка факелов, плод моего гениального прогрессорства, и труда всех присутствующих фастиров, радовали глаз.

Дальше было легко. Топор с ножом, фляга с водой и вяленое мясо, стандартный набор путешественника. Ругань с пытающимся присоединится ко мне Дыну, с матерными объяснениями, что с одной рукой там нечего делать, и что не пристало жрецу ветра, под землей ползать. Пинки Габсурдину и Бутсею, также пытающимся просочится в подземелья, опять же с нецензурными пояснениями их неправоты: «Кто племенем управлять, вашу мать, будет, в мое отсутствие? Тузик?» Да и не нужна там толпа. Мы вдвоем с Рутыром справимся. Этого раздолбая ничем не отговорить, да и помощь мне все же не помешает.

В общем на все приготовления и сборы ушло четыре часа. Солнце уже садилось за горизонт, когда мы наконец спустились в пещеру. Нас абсолютно не волновало, что поиски придется проводить ночью. Какая разница, там и так темно.

— Куда пойдем? — Резонный вопрос друга заставил меня задуматься.

— Скорее всего, нам в сторону супружеской неверности, нужно выдвигаться.

— Это куда???

— На лево, мой друг, на лево. Судя по тому, что я тут смог рассмотреть, именно в том направлении уволокли мою жену.

— Почему ты так думаешь?

— Посмотри под ноги. Видишь тут, в единственном из ходов, земля имеет потертости. Это явно указывает на оставленный кем-то след. Нам туда.

Что можно сказать про место, куда занесла меня в очередной раз нелегкая. Довольно высокий свод, даже Рутыр, с его немалым ростом не нагибал головы. Вода под ногами не хлюпает, несмотря на затхлую влажность воздуха, с грибным ароматом. Стены, проросшие мхом совершенно фантастических расцветок, описывать их, это все равно что описывать подорванную бомбой радугой, то есть бессмысленно. Под ногами заплесневелый пол, с явно

натоптанной тропой, частенько видимо тут ходили, и это нам на руку, не надо ползать и тратить время на поиски направления. Факела горели ровно и дышалось легко, значит кислорода достаточно.

Через метров двести вышли к перекрестку. Небольшой зал с высоким, теряющимся в темноте потолком, зиял провалами четырех перпендикулярных к друг другу ходов. Поставил ориентир в форме жирного креста, и обследовал еще три хода. В двух явный натоптаный след. Проверили правый, идущий с уклоном в верх, уперлись в крышку люка. Не туда. Вернулись и начали спускаться в левый, явно скатывающийся в глубину подземелья.

Мы опускались все ниже и ниже. Прошли еще восемь идентичных первому перекрестков, неизменно отмечая нужное направление крестами, повезло, что след не раздваивался больше нигде, трудно сбиться.

За очередным поворотом пришлось резко остановиться, отпрыгнув назад и погасить факела. Впереди мерцал голубоватый свет. Передвигаясь на цыпочках, еле сдерживая взволнованное дыхание, подошли к очередной, но уже освещенной пещере-перекрестку, и вжались в поросшие мхом стены. Там ходил человек. Невысокий бледный до синевы, лысый как бильярдный шарик, Одетый на манер древнегреческого философа в хитон, он производил какие-то манипуляции около светящихся небольших клеток, и бубнил, не переставая, себе под нос, непонятные фразы.

Рутыр покрутил двумя кулаками, изобразив узнаваемый жест сворачивания гусиной шеи. Я замотал отрицательно головой, и сложив ладошки лодочкой, изобразил спящего младенца, даже негромко губами почмокал, для убедительности. Тот понял. Мы замерли в ожидании. Стоять пришлось долго. Потенциальная жертва останавливалась у каждого светильника и торчала около него не менее получаса, а их было десять. Хорошо, что путь лысого, проходил точно по направлению к нам и ждать оставалось всего две остановки.

Рутыр, видимо слегка перенервничал, и потому слишком сильно приложил кулаком к пускающему зайчики черепу. А также несколько раз неудачно столкнул бесчувственное тело со стенками пещеры, когда затаскивал то в темное место для душевного разговора.

— Он хоть живой? — Я склонился над мирно посапывающим в беспмятстве пленником. На вид обычное человеческое лицо, нос правда великоват, крючком к верхней губе загнут, как клюв, я даже потрогал из любопытства, нормальный, мягкий. Глаза закрыты, не рассмотреть, во всем остальном никаких отличий.

— Вроде дышит. — Отозвался мой фастир, глухим голосом. — Я вроде не сильно ударил.

Я побрызгал водой из фляги и похлестал по щекам пленника. Открывшиеся глаза его меня напугали. Бесцветные, с зелеными кошачьими зрачками. Жуть.

— Вы кто? — Прохрипел он.

— Смерть твоя. — Улыбнулся милой улыбкой Рутыр. Шутник блин.

— Кто ты? Недоразумение природы? — Я постарался говорить ласково. Но видимо у меня не получилось, или это милая и добрая улыбка Рутыра над моим плечом так подействовала, но гость наш мелко задрожал и заскреб пятками по полу, в попытке отползти, даже не смотря на то что уперся в стенку.

— Вы меня съедите? — Станный вопрос, на вид вроде не дурак, нормально разговаривает, все понятно, только заикается слегка и голос дрожит, но это наверно тембр такой. Оригинальный.

— Ага. — Улыбнулся мой друг, самой милой из всех кровожадных улыбок, и поковырял для наглядности пальцем в зубах. Вот сколько ему можно о гигиене говорить, руки грязные, а он их в рот сует. — Вот только спор у нас тут вышел. Оба печень сырую любим. Может поможешь? Рассудишь кому она достанется? — Все. Тушите свет. Он опять отрубился, и еще запах неприятный пошел. Вот зачем нужны такие неуместные шутки? — Чего это он. Я же пошутил. — Искренне удивился Рутыр. И получил от меня вразумительный ответ на свой тупой вопрос, локтем в упоминаемую им печень, благо что стоял точно позади и тянуться для дачи пояснений не пришлось

Юморист, твою дивизию. Что теперь делать-то? Вновь пришлось водой поливать и по щекам хлестать, валяющееся под ногами тело. Не сразу, но помогло. Глаза открылись и веками плешивыми захлопали, ресниц то, как и волос на голове нет, вот и шлепает лысынами, красавец наш. И голоском хриплым жалостливо так заикается:

— Не ешьте меня. Я вам пригожусь. Я много знаю, все расскажу. Не трогайте печень пожалуйста. — Прямо колобок из сказки: «Не ешь меня серый волк, я тебе песенку спою»

— Никто тебя есть не собирается. Мой друг, просто, пошутил так глупо? — Это уже я в разговор вступил, предварительно показав кулак себе за спину, где сопел обиженный Рутыр, у которого не очень со взаимопониманием получается. Ему бы гипнотизером работать в цирке надо, одной улыбкой в глубокий транс вводит. — Ты кто такой?

— Я хранитель света, кормилец свитяг. Зовут меня Севелира. — Пленник отвечал, постреливая мне за спину настороженным взглядом.

— Про хранителя света вроде понятно, а вот про кормильца нет.

— Вы точно меня не съедите? Разве вы не питаетесь каплютки? — Он что совсем тупой? Ему же сказали, что это шутка.

— Никто тебя не тонет, мы даже кто такие эти каплютки не знаем. Успокойся. — Я соорудил самую доброжелательную рожу, какую только смог изобразить.

— Так это племя наше. — Он действительно перестал дрожать, подействовала моя волшебная улыбка.

— Ясно. — Я кивнул головой. — А кормишь ты кого?

— Так свитяг я кормлю. Они в лампах светятся. Им для яркости кушать надо.

— Угу. Значит в тех лампочках сидят свитяги. — Я ненадолго задумался. — Тогда вот что мне еще скажи. Где вы, такие добрые кормильцы обитаете, и чем живете?

— Так тут и живем, там дальше по тоннелю деревня. — Он замахал рукой в сторону тоннеля с другой от нас стороны. — Мы рабы Фаршира, хозяина нашего.

— Ты имеешь в виду фастиры. — Попытался я поправить.

— Не. Фастиры добровольно клятву жизнью отдают, присягая своему лидеру, а мы

рабы, нас никто не спрашивает. — Он опустил голову и тяжело вздохнул. Неладно что-то в королевстве. Маловато радости. Но главное сделано. Клиент для разговора созрел, дрожать и заикаться перестал.

Словоохотливый оказался этот Свелира. Страх его отпустил, и он много чего интересного рассказал про жите — бытие местных обитателей.

Племя подземных, довольно многочисленных жителей, существовало здесь всегда, на сколько его помнили. Было оно разьединено на три поселения, с центром в своеобразной столице, основанной в главной пещере. Слово: «Фаршир» означавшее сразу и имя, и титул, имело звание, что-то вроде царя-диктатора, передаваемое строго, по наследству. От оцта, к сыну, а от того в свою очередь своему сыну, и так до бесконечности, теряющейся в памяти неисчислимых поколений.

Так вот, сатрап этот недоделанный имел в своем подчинении войско отморожков, которое кошмарило и держало в подчинении остальное племя. Любое неповиновение воле местного царька, каралось мучительной смертью. Причем делалось это максимально кроваво при согнанном на представление всем населении, на главной площади столицы. Эффект это имело, тут ничего не скажешь, сильный. Страх перед гневом Фаршира, казалось, пропитал даже стены тоннелей.

Деревни, местных жителей, были разбиты по типу производств. Во главе каждой стоял хранитель света, такой как наш пленник. Он управлял закрепленным за ним поселением, решал споры, раздавал еду, выдаваемую централизованно из столицы, туда же сдавал и произведенный товар, а также, в его обязанности входило поддержание освещения ближайших тоннелей, путем кормления свитяг. Больше от него ничего не зависело.

Три деревни местных обитателей располагались треугольником, вокруг центра, и занимались каждая своим производством.

Одна выпускала продукты питания. Выращивала грибы, или что-то подобное, собирала сок с крюкшеров, что это такое я не понял, и внимание особо не концентрировал, на данный момент другое волновало.

Вторая занималась металлом и гончарными изделиями. Если первое мне было понятно, так как имелось и у нас, то вот последнее сильно заинтересовало. Работой с глиной, никто из моих фастиров замечен небыл и даже не представлял, что такое гончарный круг. Потому, керамическая посуда отсутствовала в моем племени полностью. Было над чем подумать.

Третья деревня, хранителем света которой и являлся наш пленник, ткала ткань, и шила одежду. То же невиданное мной в этом мире дело. Последнюю шмотку из тканного полотна, я видел последний раз, когда выкидывал свои рваные штаны. От любопытства даже пощупал хитон Свелира. Что-то на шелк похожее. Все интереснее и интереснее.

— И зачем же вы, такие все из себя миролюбивые и добрые ремесленники, людей крадете. — Вот вроде даже нравится начал мне этот Свелира, а как вспомнил про Ларинию, сразу злость в душе закипела. И на столько сильно вскипела, что меня передернуло, и затряслись руки. Хранитель света даже попятился от моего рыка.

— Это не мы, это вяленные уши. — Запаниковал он, закрываясь руками и втянув голову в плечи. Я даже опешил:

— Что еще за хрень?

— Воины Фаршира. Они с убитых уши срезают, сушат и в косы вплетают. — Скороговоркой выпалил испуганный собеседник. — Они этим доблесть свою выражают, и уважение у окружающих.

— Какие к чертям собачьим косы, вы лысые как яйцо. — Наверно со стороны я выглядел полным идиотом. Вот причем тут сейчас их прически? Зачем этот тупой вопрос, если интересует совсем другое.

— Накладные, накладные!!! — Заверещал он.

И меня вдруг отпустило. Слабость рухнула на плечи пудовыми гирями, и я сел на землю рядом с пленником, прижавшись спиной к холодной стене. Такая пустота внутри. Выть захотелось.

— Что ты знаешь о похищенных? О их судьбе?

— Так толком ничего не знаю. Они где-то отдельно живут.

— Может мне его поспрашивать, Кардир? — Буркнул угрюмый Рутыр, хрустнув костяшками пальцев.

— Ты Фаст Кардир? — Свелир вновь засучил ногами отталкиваясь пятками, в ужасе крутя глазами, в поисках варианта побега.

— Да, а ты откуда про меня знаешь?

— Один из ваших рассказывал. Серьезный такой дядька, и злой. Грозил что придёшь и всех тут перебьешь к «едренией матери», он только не мог объяснить толком кто этот «Едреней» и причем тут его мама. Он в клетке у нас в деревне сидит, Вяленые уши его на откорм привезли.

— Как понять в клетке? Кто сидит? Какой откорм? Говори сука!!! — Я вновь вскипел злобой, вскочил, и притянул его к себе за грудки. Нет надо «Валиум» пить, совсем нервы не к черту, веду себя как истеричка, но где его тут возьмешь, тут даже понятия: «Фармакология», не существует. Я отшвырнул от себя брыкающееся тело, впечатав его в стену.

— Я покажу!!! Покажу!!! — Заверещал хранитель света. Только не убивайте. И получив пинок от Рутыра, кинулся показывать дорогу.

Мы ураганом влетели в селение каплютчи, и растолкав редких жителей, имевших неосторожность оказаться на пути, застыли у свисающей с потолка металлической клетки — конуса, с моим пропавшим другом — Строгом внутри.

Боже, что с им сделали. Худой, до состояния стука костей, грязный, покрытый кровоточащими рубцами побоев, с взъерошенными, спутанными волосами в седых бровях, и горящими радостью, непокоренными глазами, он засмеялся потрескавшимися губами, увидев нас.

— Ты снова возвращаешь меня к жизни мой Фаст. — Я не узнал его хриплый, мертвый голос. — Как же я рад тебя видеть.

— Сейчас, сейчас. — Заорал я, выхватывая топор, и со всем остервенением, что накопилось у меня в душе, обрушился на замок. Обух звенел, высекая искры. Мат летел из моего горла, но чертова железяка не хотела открываться

— Позволь мне. — Прозвучал голос Рутыра за спиной, и рука легла на плечо, отводя в сторону от клетки бешеного меня.

Вот гад. Он вставил ключ и просто открыл. Убью, когда ни будь этого гада, еще и подмигнул. Сволочь

Деревня ткачей

В челюсть Рутыр получил от меня сразу после того, как замок, удерживающий в клетке Строга, упал на землю. Наверно я был неправ в тот момент, может быть пожалею об этом потом. Но согласись, что в то время, подобная шутка, мягко говоря, была неуместна. Нервишки и так расшатаны последними, совсем нерадостными событиями, а тут еще этот юморист нарисовался. Ну и напросился. Думаешь он обиделся? Как же. Жди. Стоит сволочь, смотрит как я пленника из каземата вытаскиваю и ржет.

Да досталось Строгу. На ногах стоит только потому, что я его держу. Обнял старого друга, по спине на радостях похлопать хотел, вовремя одумался. Плетью так она расплосована, что местами мясо из-под шерсти видно. Подбородочный глаз висит бессмысленно, уткнувшись в землю, явный признак крайней изможденности представителя их расы. Зато остальные два такой радостью и твердостью светятся, что сразу видно, не удалось его сломать.

Посадил я его аккуратно на землю, он застонал и заскрипел зубами:

— Как ты, друг?

— Спасибо Фар. Чуть отдохну и вообще хорошо будет. Затек я в этой тесной клетке. — Голос едва слышный, с хрипотой.

А Рутыр то молодец. Я-то упустил из внимания на радостях, а он додумался. Быстренько подсел рядышком, шкуру с продуктами развязал и мясо Строгу протянул, и флягу с водой. Умница. Правильно все сделал.

Да, наголодался мой озбрассо, вон как торопится, зубами рвет куски и глотает давясь, не жуя. От воды вообще не оторвать.

— Не торопись. Вредно это. Ешь по чуть-чуть, не отнимет никто. — Блин, как я был счастлив видеть его уродливую рожу, живой. — А мы ведь тебя уже к предкам проводили.

— Рано обрадовались. Я еще вам не один раз надоесть успею. — Он закашлялся, подавившись сухим смехом.

— За что же тебя так исплосовали, дружище? Только не говори, что послал по своей привычке, кого-то из них в дальние края.

— Так и есть. — Он нахмурился. — Понимаешь, Кардир, эти уроды хотели меня крюкшеров доить заставить. Нашли доярку. Ну я их и послал. Сказал, что хрен они заставят вождя баруци, насильно работать, пусть лучше сразу убивают. Но эти сволочи решили на моем примере воспитательные действия произвести. К столбу привязали, и кнутом принялись пороть, но аккуратно, чтобы не подох раньше времени. Ловко у них это получалось. Опытные суки.

— Крюкшеры, это что такое.

— Вот тут, пожалуй, сложно описать. Первый раз такое непотребство видел. Представь себе, как из глиняной стены торчит длинный розовый сосок, а над ним, сверху огромные красные губы, на такой же красной кишке — шее, тоже как будто к глине приклеенной, и больше ничего нет, ни ног, ни рук, ни туловища. Так вот сосок этот надо подоить, из него что-то вроде молока течет, только густого, и все бы вроде ничего, что тут сложного, но беда в тех самых губах кроется. Они постоянно за тобой охотиться, и всосать в себя пытаются. Точно говорю, всосать. Чмок и все, ты уже где-то там внутри. Поцелуй смерти, называются. Видел я там, как одну девушку так поцеловало, жуткое зрелище. — Он внезапно задумался и

опустил глаза. — Ты это.... Прости, Фаст. Самого главного то я не сказал. Я видел, как туда Ларинию привели.

— Где!!! — Я вскинулся на ноги, схватив топор, готовый бросится спасать жену, а рядом подпрыгнул Рутыр.

— Да сядьте вы, успокойтесь. — Окатила нас взглядом Строг. — Вдвоем вы там ничего не сделаете, а из меня помощник сами видите какой. Там два десятка охранников. В лучшем случае стенки доить отправитесь, а в худшем сами понимаете... Ничего хорошего вообще.

Видимо главная черта моего характера, это то, что чтобы начать соображать, надо получить как следует по морде. Слова зеленого друга как раз и послужили тем кулаком, который поспособствовал усилению умственной активности. Я оглянулся по сторонам. Нас обступало племя ткачей, с любопытством прислушивающихся к разговору.

— Строг? Как относились к тебе вот эти? — Я ткнул рукой, в направлении вздрогнувшей от моих слов толпы, конкретизируя вопрос.

— Нормально. К ним не может быть претензий, они как могли поддерживали меня. Большого от рабов ждать бессмысленно.

Я кивнул, принимая его ответ.

— Каплютчи! Вы хотите обрести свободу, чтобы самим решать собственную судьбу! — Обратился я к затихшему сборищу подземных ткачей.

— Ты что задумал Фаст. Строг на столько заволновался после моих слов, что попытался встать, но у него ничего не вышло, и он со стоном упал на землю. — Они не воины. У них нет ни оружия, ни навыков. Их там перебьют.

— Я не дурак друг мой, и все понимаю. Никто не потащит их сражаться. Мне только нужна помощь. Ну так как? Вы готовы?!!

Да. Вдохновения в их затравленных взглядах не наблюдается. Придется в добровольно принудительном порядке выбивать из них рабскую дурь, а о помощи не просить, а приказывать.

— Молчание знак согласия. Свелира. — Я повернулся к хранителю света.

— Назначь шестерых, сделаете носилки и поможете Рутыру отнести вашего бывшего пленника к выходу их подземелья. — Блин. Сам себя не узнаю. Откуда во мне эта властность. — Затем покажешь мне здесь все. И поговорим. Остальные приберитесь тут. Живете как свиньи. Выполнять. — Вот думаешь зачем остальных припахал? Да все очень просто. Чтобы стать человеком, надо и жить как человек. Начнем перевоспитание с чистоты. Да еще какую-то ответственность за них в душе почувствовал. В общем от Владимира Петровича во мне ничего уже не осталось.

— Кардир. Я не оставлю тебя здесь одного. — Другой реакции на свои слова, от этой горы мышц, Рутыра я и не ждал. Смотрит на меня молодым бычком.

— Ты хочешь поспорить со своим Фастом? — Я в гневе засверкал глазами, хотя на самом деле ничего подобного не испытывал. Мне и самому, в общем-то не хотелось оставаться в одиночестве, но надо было спасать Строга, затем, собрать и привести подкрепление. Все это нужно сделать быстро, и это мог сделать только он. — Выполнять! — Рывкнул я.

И вот остался один на один с жителями поселка. Назвать это убожество, именовавшееся местными: «Деревня», язык не поворачивается. Небольшая, тускло освещенная едва тлеющими клетками — светильниками пещера, напоминающая собой своеобразное лежбище тюленей.

Хаотично разбросанные прямо на земле грязные тканевые подстилки, убого обозначали места проживания семей. Такая скромная попытка обозначить уют домашнего очага за прозрачными, несуществующими стенами. Очень я хочу сказать скромная попытка.

По полу, ползают, зарываясь в кучки мха дети, напоминая копошащихся в песке бельков, что в совокупности с валяющимися на подстилках инфантильными жителями, и создает впечатление песчаного морского побережья, с неизменными его, ленивыми на вид, обитателями. Бедность и безысходность пропитала все настолько сильно, что только одно присутствие в этом месте вызывает желание завывать.

В дальнейшем, наиболее освещенном углу, грохотало станками местное производство. Естественно, что это меня очень заинтересовало, и я отправился туда, порадовать свое любопытство. Не скрою, планы имел в голове грандиозные, по переносу местных реалий к себе в племя. Я прихватил за плечо Свелира и направился в ту сторону, по дороге слушая его рассказ и задавая наводящие вопросы.

— Ну так, что же ты всё-таки знаешь о пленниках с поверхности. — Прервал я его нытьё, описывающее тяготы и лишения рабской жизни.

— Так ничего толком не знаю. Небыл там никогда. Только все, по слухам. Место говорят жуткое. Темень и сырость. Живут там тоже не долго. От того вяленые уши частенько на поверхность за новыми пленниками и отправляются на охоту. Только все время в разные места. Действуют очень аккуратно. Еще не разу никому не попались. Вы первые.

Мы как раз подошли к ткацкому станку. Свелира замолчал, а один из аборигенов любезно принялся мне объяснять, не отрываясь от перекатывания туда-сюда каретки, и трамбовкой очередного ряда нитей рейкой, принцип происходящего процесса. Ничего особенного я конечно не узнал. Примитивнейший древний ткацкий станок, который я когда-то видел, в прошлой жизни, в краеведческом музее, приведенный туда на экскурсию своей неудавшейся второй попыткой женитьбы.

Но интересно. Мастер явно был профессионалом, и прекрасно понимал не только суть происходящего на моих глазах действия, но и принципы самого производства, начиная от создания станка, до выпуска ткани. Явный фанат своего дела. Такое вызывает уважение.

Я заслушался, засмотревшись на магию движения ловких рук, и пропустил появление новых лиц. Дурак, что с меня возьмешь. Забыл, что на вражеской территории нахожусь. Расслабился. Удар по затылку, сбивший меня с ног, и заломленные назад руки напомнили о допущенном разгильдяйстве. Добро пожаловать в ад.

Сознание я не потерял, мозг не отключился, но толку от этого было мало, а радости еще меньше. Мое бедное тело мгновенно скрутили шелковыми веревками, превратив в такой своеобразный кокон бабочки — шелкопряда. В итоге получилась куколка переросток, дрыгающая ногами. Рот залепили какой-то гадостью, со вкусом молока, чтобы не матерился, и потащили по коридорам. Ощущал я себя в данный момент беспомощным мешком с дерьмом.

Болело все, казалось, даже кончики волос на голове вопили от страдания, связанные руки уже ничего не чувствовали — затекли, жестко сдавленные путами. Нос и глаза залепило плесенью с пола, отчего орган обоняния с трудом вдыхал воздух, а зрения различал только оттенки красного, сквозь сомкнутые веки.

Если кто-то тебе расскажет, что в тот момент, когда, волокут по земле, главный герой обдумывает план побега и страшной мести коварным похитителям — не верь. Тебе врут. Он не о чем не можешь думать, кроме того, что ему жутко больно, и что очень хочется, чтобы все скорее прекратилось. Ну а больше всего сдохнуть хочется.

Поэтому, когда меня наконец притащили в конечную точку, мыслей: «Что делать дальше», у меня не было. Вылитое на голову ведро воды, позволило проморгаться наконец, и рассмотреть куда меня в очередной раз занесла судьба.

Такого убожества даже представить себе невозможно. Посередине огромной пещеры, раскинут шатер. Но настолько убогий, что моментально появляется желание отгрызть руки строителю, сотворившему подобное непотребство. Грязная, когда-то видимо белая ткань, натянута на кривое основание, выглядела половой тряпкой, брошенной неряшливой хозяйкой на забор, и там засохшей серой заскорузлой кляксой. Если это дворец Фаршира, тудыт его в качель, то у нас бомжи лучше живут.

Но это только первое, что бросается в глаза. Основное, это мусор, который ровным слоем покрывает всю поверхность земли, в перемешку со мхом и плесенью. Как они тут не передохли еще от какой-нибудь инфекции за несколько веков существования в антисанитарии, непонятно. Но самое противное, что в этом мусоре валялся и я сам.

Что еще? Конечно же обитатели этого похабного места. Племя дикарей, больше никак не назовешь. Все голые, только, что достоинства свои под набедренными повязками спрятали, на головах парики из веревок, таких же, какими меня связали, длинные до плеч карикатуры на волосы, на концах высушенные уши привязаны. Из оружия ножи и короткие копья. Я, конечно, не большой знаток орудий убийства, но вроде у нас такие пилумами называются, ну это те, которыми древние римляне во врага кидались.

Ну и конечно же главное лицо, управляющее всем этим сбродом — Фаршир. Здоровый дядька, тут ничего не скажешь. И ростом, и статью удался. Отвисшие щеки и огромный живот входили в полный диссонанс с перекаченными мышцами рук и тонюсенькими короткими ногами, какая-то убогая пародия на Шварценеггера.

Перед ним на коленях стоял Свелира, а сзади хранителя света, два мордovorота с плетями, и со злорадными улыбками обрабатывали тому спину, прерываясь только когда Фаршир задавал вопрос:

— Значит ты встретил их в пятом перекрестке, и как они туда попали не знаешь? Или не хочешь говорить?

— Пших. — Пропела плеть оставив очередной рубец.

— Нет, Великий. Я не знаю. — Проплакал страдалец.

— Зачем они пришли ты тоже не знаешь?

— Пших. Пших. — Подтвердила вопрос плетка новыми кровавыми следами на спине.

— Они ничего не говорили! — Свелира уже не говорил, он выл.

— Так, так. — Значит пора пообщаться с нашим гостем.

Два мордоворота отложили плети и принялись разматывать на мне веревки. Один из них, сорвал липкую хрень с моих губ, вместе с застрявшими в ней волосинками усов и бороды. Первый в жизни раз я попробовал эпиляцию, и мне такой опыт совсем не понравился. Ну да ничего. Сейчас мне руки развяжут, я стоматологом поработаю, первым в этом мире специалистом по удалению зубов без заморозки.

Не дали, суки, моим мечтам исполнится. Вокруг тела путы разматывали, а на руках нет. Пинком по ногам, на колени поставили, и плети в руки взяли. Размяли меня перед разговором основательно, душевно поработали, с огоньком. Дай бог, выживу, оплачу им труды с лихвой, я такие вещи хорошо запоминаю. Но, что удивительно, я выть и пощадить просить не стал, выдержал до конца экзекуцию, даже сам себя уважать начал.

— Как вы сюда попали? — Нарисовался передо мной Фаршир. Рожу то какую серьезную соорудил. Ну что же, давай поговорим. Я кувыркнулся с колен, и сел на землю.

— Так, красавцы твои сюда меня привели, сам же видел. — Я улыбнулся ему самой милой улыбкой какую только смог изобразить на лице. — Станный вопрос. Хотя для тебя он конечно же сложен.

— Это почему? — Вот я его озадачил, взгляд-то какой растерянный стал. Видимо тут с ним никто еще так не разговаривал. Растерялся парень. Ну что же удовлетворим любопытство:

— Потому что дурак ты, ваше тупое величество.

Всё-таки ума хватает у меня, а не у него. Что за вожжа под хвост попала. Вот к чему надо было себя так вести. Обиделся сатрап недоделанный, побледнел, хотя при его то белоснежной коже уже вроде некуда, а поди же ты, смог меня удивить. Бошка затряслась, слюной забрызгала:

— Бей его!!! — Оплевал меня всего, сопливый черт.

То, как меня до этого плетью лупили, было нежное поглаживание моей несчастной шкурки. То, что такое настоящая боль я узнал только сейчас. Но терпел, зубы крошил, но терпел, не позволял себе выть. Я терял сознание, меня поливали водичкой и били, потом снова поливали, и снова били, я уже даже не чувствовать боль перестал, тело одеревенело. Сколько так продолжалось не знаю, но закончилось все окончательным погружением меня в состояние глубокого наркоза.

Первое, что я увидел, когда очнулся были глаза Ларинии. Осознание реальности медленно возвращалось в мой затуманенный болью мозг, и потому я как придурок растянул губы в улыбке, и попытался протянуть к ней руку, но стянувшие их веревки не дали этого сделать, и вернули в реальность. Мир наполнился звуками.

Жена стояла передо мной на коленях, удерживаемая в таком состоянии двумя воинами. В ее покрасневших глазах застыла боль и безысходность, но она не плакала, губы сжаты в упрямой гордости. Истинная внучка великого вождя. Она сможет выдержать все.

— Все будет хорошо, любимая. — Прошептал я. — Поверь.

— Верю. — Она даже нашла в себе силы улыбнуться.

— Сейчас расплачусь. — Захохотал рядом голос Фаршира. — Какая трогательная встреча двух любящих и гордых сердец. Вы даже не представляете, сколько я получу удовольствия обламывая вас. Одного у столба пыток, а вторую в шатре на ложе. Гордитесь, вы первые на ком я испытаю новую пытку. Ведь вы будете слышать стоны и крики друг друга, а видится не сможете, а то, что может нарисовать собственное воображение, до этого даже я не додумуюсь.

Он обошел нас по кругу, и велел поднять Ларинию. Осмотрел ее с ног да головы долгим пронзительным взглядом и зацокал языком:

— Хороша. Много наслаждения ты мне принесешь. Я не буду торопиться, ведь ожидание повышает удовольствие. Отведите ее в шатер, а этого к столбу привяжите, и полейте водой, а-то отключится. Мне еще с ним поговорить надо.

Нас разлучили. Упирающуюся жену увели, а меня привязали к столбу. Усмехающийся Фаршир остановился около меня, и пристально посмотрел в глаза долгим взглядом.

— Ты стоек, и сломать тебя будет трудно, но зато и интересно. Мне надо знать, как вы нашли вход в подземелье. Это очень важно, и ты мне это расскажешь в любом случае. Я даже готов подарить тебе и твоей подруге быструю смерть от поцелуя крюкшера. Это очень ценный дар. Расскажи и умрешь счастливым. — Он захохотал и развернувшись пошел в шатер.

Да. Эта сука действительно придумала самую извращенную пытку. Стоит только представить, что сейчас там произойдет, и я взвою от отчаяния. Рядом, на соседнем столбе висел замотанный веревками Свелира.

— Я ничего ему про твою спутницу не рассказывал. — Произнес он глухим голосом. — Он велел привести последнего пойманного на поверхности раба, и догадался сам, когда увидел реакцию девушки. Мне очень жаль.

Я молчал. Гнев внутри выжигал мне душу, но я ничего не мог с собой поделать.

Все поменялось мгновенно. Рев глоток наполнил своды пещеры. Сама ярость ворвалась сюда в виде моих друзей. Прямо ко мне летел, раскрыв рот в отчаянном крике, практически не касаясь земли Дын. От него в ужасе бросались в стороны вяленые уши, но попадали под безжалостный каток в виде Рутыра или Бутсея, и замертво падали сраженные тяжелым оружием, а пещера наполнялась все новыми и новыми воинами людей и обзрассо.

Работая топором, словно перочинным ножом, Дын разрезал связывающие меня веревки, и разрубил путы на моих, протянутых руках. Я, наверно неблагоприятная сволочь, но в тот момент мозг работал только в одном направлении, и потому, я оттолкнув в сторону друга, и забыв про все болячки, рванул в шатер.

Пусто. Эта сука, Фаршир, сбежала, утащив с собой мою любовь. Распоротая напротив ткань указывала точное направление. Мне туда. Схватив валяющийся на полу здоровенный ржавый нож, и взревев яростью, я бросился в преследование.

Хорошо меня отделали. В голове шум, ватные ноги еле слушаются, затекшие руки едва удерживают оружие, спину разрывает болью, но это все неважно. Там моя Лариния. Она в руках того долбанного урода, посмевшего украсть мою любовь. Она нуждается во мне, а я не смогу жить без нее. И потому, только вперед. Стиснуть зубы, и вперед. Догоню и вспорю жирное брюхо сволочи покусившееся на мое счастье. Только так и ни как иначе. Я не Владимир Петрович, я Фаст Кардир.

То ли злость, клокотавшая в душе, сыграла свою роль, то ли кровь вернулась в сдавленные до этого веревками конечности поспособствовала восстановлению, но я почувствовал прилив сил и побежал в сумрачный проход, освещаемый еле тлеющими светильниками- клетками. Долой, вон, из проклятой столицы каплютчей в погоню. Не уйдет тварь. Моя жена не податливая плюшевая игрушка, не избалованный родителями ребенок, она охотница, она воин, она будет сопротивляться и мешать, а значит Фаршир будет двигаться медленно. Я догоню, даже не сомневаюсь в этом, несмотря ни на какую боль и слабость догоню. Я не Владимир Петрович, я Грост Фаст Кардир, вождь племени дольсящ, а значит для меня не существует преград.

Я прибавил шаг, стараясь не поскользнуться на склизкой плесени, хрипел спертым воздухом подземелья, и подбадривал себя словами гимна племени дольсящ:

Врагу не сдаётся наш гордый "Варяг",

Пощады никто не желает.

Впереди послышались звуки, похожие на то, что кто-то ползет, или тащит по земле груз. Сердце сжалось в предвкушении. Звуки все ближе и ближе. Сейчас я увижу их: мою жену, и тварь посмевающую ее украсть. Злоба и радость вскипели в душе одновременно. Еще совсем чуть-чуть. И я воткну в поганое сердце нож до самого позвоночника, и с удовольствием его там, с хрустом проверну, с наслаждением наблюдая как подышает гнида, а потом обниму мою Ларинию... Но разочарование, от увиденного, заковало мне ноги пудовыми замками, приклеив к земле, что едва не стоило жизни.

В мою сторону, заполнив собой, немаленькое пространство тоннеля неслась апельсинового цвета, костяная рожа. Ну а как еще назовешь это недоразумение местной природы? Два бесцветных глаза без век и зрачков, нос гигантского гипертрофированного буратино, и беззубый, безгубый провал открытого рта, издающий звуки выпускаемых паров паровоза. Вот такое вот чучело. Оно надвигалось на меня со скоростью локомотива, напугав до чертиков. Ноги, как-то сами по себе отлипли и рванули в обратную сторону. Но куда там. Все ближе накатывается шум. Уже чувствую на спине холодное дыхание твари. Убежать не получается, не успеваю.

Спасло чудо. Я споткнулся. Непонятно обо что тут вообще можно было зацепиться ногами на абсолютно ровной поверхности, если только за плесень. Может и выглядит это нереально, но факт Ноги действительно за что-то зацепились. Кубарем покатился по земле, матерясь и зажмурил глаза в ожидании смерти, но ничего не произошло. Ничего еще не соображая, сделав последний кульбит, моментально вскочил на ноги, и повинувшись какому-то шестому чувству, выкинул вперед руку с зажатым в нее ножом, защищаясь. И попал. Лезвие вошло во что-то мягкое и явнодвигающееся, и испарывая плоть обдало меня липкой вонючей гадостью, стекающей под ноги хлюпающим болотом. Потом хлопок, похожий на

звук лопнувшего воздушного шарика, и еще больше жижи окатило меня с ног до головы.

Я стоял, с вытянутой рукой и сжатым, задеревеневшими пальцами, ножом, не смея пошевелиться и обтекал гулкими каплями в крошечной темноте. Все светильники потухли, раздавленные непонятной зверюгой.

— Ты его убил? — В голове прозвучал еле слышный голос, бесцветный, без всякого тембра, создавший ощущение что со мной заговорили собственные мозги.

— Ты кто? — От неожиданности я заорал гулким эхом, прокатившимся по сводам пещеры. — Выходи. Если ты, конечно, не моя собственная шиза. — Я замахал выставленным вперед оружием, и закрутился вокруг собственной оси, пытаясь не подпустить к себе противника, или хотя бы напугать.

— Не кричи так, я не страшный и я умираю.

— Я не верю тебе. Покажись. — Меня начало потряхивать. Нет, я не испугался присутствия рядом врага. Я испугался за себя. Голос звучал прямо в голове, минуя предназначенные для этого уши. Что тут можно было подумать. Или я умер и это знаменитый тоннель в потусторонний мир, или я сдвинулся мозгами, в сторону вечно улыбающегося дебила. Есть чего испугаться.

— Не могу я показаться. Я умираю, и не могу двигаться. Сказал же тебе. Выйди из ниши и увидишь.

— Какой ниши?

— В какую ты закатился, когда об меня споткнулся.

Я сделал шаг вперед и уткнулся в стену, с другой стороны, снова стена.

— Не туда, — прозвучал во мне голос. — В другую сторону. Аккуратно только ноги не поломай, там камень из глины вылез.

Во блин, оказывается я, выставив вперед нож, поучаствовал в скоротечной драке. Еще и убил кого-то. Надо полагать, что это то чудо-юдо, которое меня раздавить пыталось. Чего только не случается в жизни неожиданного, но не менее от этого приятного и радостного.

Я повернулся в другую сторону и осторожно шагнул в темноту. Сначала ничего не изменилось, все тот же мрак. Покрутил головой. Справа слабенький голубоватый всполох, еле заметный, даже в полной черноте окружающего пространства.

— Видишь? — Вновь прозвучало в моих мозгах.

— Это ты там светишь?

— Не свечу, а свечусь. Подойди, только аккуратно.

Нащупывая ногами скользкую изменившуюся после последних событий почву, из плотной глины в болото, я осторожно пошел на мерцающий свет.

— Осторожно! — Зазвучали взволнованным голосом мозги.

Я остановился и присел, закрутив головой. Никого нет. Только тоненькая малюсенькая полоска, похожая на нить накаливания, что используют в лампочках еле — еле подрагивала всплесками: «Он что испугался меня и бросил фонарик? Вот чудак, сам же звал». — Подумал я, а вслух спросил:

— Ты где?

— Прямо на меня смотришь, и если сделаешь еще хоть один шаг, то раздавишь.

Это чего такое? Я с лампочкой разговариваю? Это точно шиза. Видимо крепко головой я всё-таки приложился.

— Успокойся, я не галлюцинация я Штросс. Снова зазвучал голос. Ты почему-то меня слышишь в отличие от других. Даже не представляешь на сколько я этому рад. Хоть перед

смертью поговорить выдалась возможность, пусть и с таким уродливым существом как ты.

Уже лучше. Скорее всего это не сдвиг мозгов, а говорящий осветительный прибор, считающий себя эталоном красоты. Второй экспонат в этом дурдоме, называющий меня уродом. Можно гордиться.

— Тебя раздавило это чудовище? — Я не стал заострять внимание на различии художественного восприятия образов, зачем пытаться выглядеть лучше, чем ты есть на самом деле, тем более что в таком споре всегда каждый останется при своем мнении, и задал простой вопрос. — Как тебе помочь?

— Нет, я успел закатиться во впадину, и меня не задело. Помочь ты, конечно, можешь, но вряд ли захочешь. Вы, проживающие здесь особи, слишком любите смотреть на смерть. В этом, и без того жестоком мире, в вас очень мало любви, и много ненависти.

— И потому ты умираешь? Только не говори, что от старости, я не поверю.

Послышался слабый смех:

— Нет конечно. У нас даже такого понятия нет, как старение. Я умираю от голода.

— Ну я тоже не прочь чего-нибудь перекусить. Но не на столько чтобы сдохнуть от этого. — Хмыкнул я.

— Ты не понял, я действительно умираю от отсутствия белковой пищи. Наша раса так устроена. Голод, это неминуемая смерть.

— Ну раз это так серьезно, то лизни вон той жижи, оставшейся от монстра. От голода и не такого сожрать можно.

— Нет, это не белок, там другой структурный состав. Соединения кремния. Это мне не подойдет.

— Какой ты продвинутый червяк. — Усмехнулся я. — И пофилософствовать о жестокости мира не дурак, и про кремний знаешь. Что — то ты мало похож на обитателя этого, как ты говоришь, жестокого мира.

— Так я и не отсюда.

— Как!!! Тебя тоже туманом сюда закинуло? — Я даже подпрыгнул от такого неожиданного признания.

— Да. А ты откуда про туман знаешь?

— Так и я пострадал от его шалостей. — Блин родная душа попаданца, пусть и не земляк, а все же собрат, по несчастью. Нужно срочно спасать. Только вот чем его кормить-то? Тут нет ничего. — Тебе много надо? Я имею в виду пожрать?

— На меня посмотри. Сразу поймешь. Мне и капли молока хватит. А ты правда хочешь помочь?

Последний вопрос я игнорировал:

— Ну извиняй, молока тут нет, и вряд ли чем его тут заменить найдется. Подумай еще.

— Любая белковая жидкая пища подойдет.

— Где же я тебе ее тут найду? — Я задумался. Соков и компотов тут тоже не найдешь. Хотя есть одна мысль.

Я ткнул ножом палец и поднес наливающуюся каплю к нему.

— На, упырь жри.

Дорога, разговоры, молоко

Конечно же Штросс не присосался к моему пальцу и не стал, причмокивая и давясь глотать льющуюся потоками кровь. Естественно, ни чего подобного не было. Главное тут даже не то, что в пальце неоткуда взяться этим самым потокам, главное, что сосать нечем ему было. Не было у него жуткой пасти с окровавленными клыками, потому что сам рот отсутствовал как орган.

Как только капля крови с моего пальца упала на подрагивающую ниточку света, у меня под ногами, то начались быстрые метаморфозы преобразования пустоты, в материализацию физически осязаемого, странного тела.

Первой появилась желтая голова. По большей части лысая, но с редкими, длинными, перестреливающимися искрами электричества, волосинками-электродами. На этом странном лице, рот и нос отсутствовали полностью, также, как не было в наличии и ушей. Только две точки малюсеньких изумрудных глаз, смотрели на меня без всякого выражения, периодически появляясь и исчезая, словно подмигивая.

Затем, прокатившейся волной света, сверху вниз, материализовалось остальное тело. Мечта энтомолога извращенца. Этакий, в районе пуза, кусок прозрачной, наполненной светящимся туманом субстанции, в теле гусеницы бабочки краснохвоста, у которой спина поросла, стоящей дыбом редкой, желтой щетиной, по которой так же проскакивали искры электрических разрядов. Шея отсутствовала полностью, словно личинку разрезали пополам, а на место среза пришпандорили шарик от подшипника. И смешно и страшно смотрится.

Ну и в конце две крохотные черные ручки и две, чуть побольше ножки, без всяких там ладоней и стоп, и прочих суставов, зато с пятью пальцами (словно в конец кривой ветки пять гвоздей без шляпок вколотили), которыми эти конечности и заканчивались. Я-то думал, что природа только на местных отрывается, а тут глянь, и внеземной разум не отстаёт, хлещет сюрреализмом, по полной. Хотя какой он к чертям собачьим только внеземной, он, мать его, еще и самый настоящий внеборукский.

Поднялось это чудо, которое оказалось размером с мой указательный палец, на ножки. Посмотрело на меня внимательно, изумрудными глазенками. Создалось такое впечатление, что собственный ноготь меня рассматривает. И зашуршало в моей голове словами:

— Спасибо. Ты вернул меня к жизни.

Блин! Если эта светящаяся гусеница сейчас на колени шлёпнется и клясться начнет, я ее раздавлю, без всякого сожаления. Но нет, обошлось. Только поблагодарила.

— Не за что. — Я даже смутился слегка. Наверно я какой-то неправильный попаданец, надо бы ништяков в наглую требовать, у высшего разума, а мне стыдно как школьнику, которого завуч с сигаретой за углом школы поймал. — Ничего особенного я не сделал.

Я оторвал взгляд от этого чуды-юды и огляделся. А ведь неплохо так местность осветило его стараниями. Сразу мысль эгоистичная осенила голову:

— У тебя планы какие на будущее?

— Какие у меня могут быть планы. Выживать, как всегда, буду стараться. Клетку какую-нибудь свободную поищу, да светильником поработаю. Там хоть кормят изредка.

— А со мной пойти не хочешь?

— Ты серьезно? Ты меня забрать хочешь? — Это чучело даже подпрыгнуло на своих кривых ножках.

— Конечно серьезно. Я тебя кормить буду, а ты мне дорогу освещать. Обоюдовыгодное сотрудничество получится. Только вот легкой дороги обещать не могу. Так, что подумай. Со мной и помереть раньше времени можно.

— Что тут думать. Шанс такой выбраться отсюда. Пойду конечно. Только мне за тобой не угнаться. Ты вон какой большой.

Вот смотришь на его рожу, с полным отсутствием эмоций, слышишь его голос без признаков какого-либо выражения чувств, и понимаешь, что расстроено это существо. Вот как так?

— Значит у тебя есть шанс на спине самого Грост Фаста покататься. — Я засмеялся. — Думаю многие мои фастиры с удовольствием поменялись бы с тобой местами.

— А ты меня в клетку не посадишь? — Как-то подозрительно — заискивающе поинтересовался он, но я не придал этому значения, а зря.

— Нет конечно. Зачем.

И подхватив маленькое тельце, посадил себе на плечо, этакий Джон Сильвер с попугаем получился. Вот в этот самый момент я и понял зачем нужна клетка. Нечаянно коснувшись уха этой гребанной батареейкой, получил разряд такого удара электричества в мочку, что в глазах потемнело.

— Ты охренел, электрик — недомерок. — Когда искры из глаз сыпаться перестали взревел я.

— Прости, не сдержался, эмоции я так свои выражаю, трудно контролировать. — Такое ощущение создается, что сейчас расплечется. Злость прошла сразу.

— Ты это, того. Поаккуратнее, в следующий раз.

— Обещаю. Больше не повторится. Клянусь.

— Ладно. Забыли. Пойдем посмотрим, что нас с тобой чуть не раздавило. — Развернулся и пошел осматривать место своего недавнего побоища. Интересно всё-таки было посмотреть, что там осталось.

Осталась костяная пробка, запечатавшая наглухо выход из тоннеля в сторону столицы каплютчи. Добротная затычка, с капающей с обрывков оставшейся тонкой шкуры, зеленовато-голубой жижей. Назад хода нет, но мне, собственно, это и не особенно надо, пока другая цель. Надо жену искать, и урода ее укравшего.

— Знаешь, что я думаю, друг мой Штросс. Вот не с проста тут эта глиста переросток появилась. Натравили ее на меня. Даже знаю кто это сделал. Надо по ее следу назад идти, там меня ждуг. Точно тебе говорю.

— Кто ждет? — Чувствуется в его вопросе заинтересованность. Конечно. Он же не знает ничего. Ну а мне скрывать нечего. Припустил я быстрым шагом по следу, рассказывая на ходу свою историю. Тебе уже и так все известно, потому повторяться не буду.

Заблудится было сложно, попытавшееся нас убить чудище очень заметный след оставило. Тоннель выглядел как свежепроложенный штрек в шахте, так, что все перекрестки мы проскакивали не останавливаясь. Живой прожектор у меня на плече, качественно освещал дорогу, и больше не бился током. Все шло изумительно хорошо, кроме одного, очень хотелось кушать.

Чтобы хоть как-то отвлечься от сосущего под ложечкой голода спросил, не скажу, что это меня очень сильно волновало в данной ситуации, но всеравно любопытно было:

— Ты хоть кто? Мальчик или девочка?

— Для тебя это сильно важно? — Ка-то неуверенно прозвучал его голос.

— Собственно нет. Просто интересно.

— И то и другое одновременно. Я гермафродит.

Блин. Я даже споткнулся, забыв поднять ногу, для очередного шага.

— Это как же тебя так угораздило?

— Это не меня конкретно, у нас на планете все такие.

— Гендерная революция победила в кровавой схватке здравый смысл. — Я даже заржал, представив такое в своем мире, на земле. — Как же вы размножаетесь? Делением?

Он совсем не обиделся, и могу сказать с полным убеждением, что сам закатился от хохота, только неслышно

— Уж точно не таким примитивным способом как вы. Мы почкованием на свет появляемся. Это великое таинство, доступное только высшей расе.

— Во как тебя торкнуло, бактерия фашиствующая. Ты еще надуйся для важности, расист недомерок. Давай с тобой поспорим на счет привлекательности и различия видовых способов секса, у кого лучше.

Все. Мозги окончательно отключились, утонув в дуэте хохота. Даже есть расхотелось. Ох не к добру это.

Когда Штросс предложило (в каком это чудо еще роде называть как, не в среднем), перекусить, то я со вздохом достал нож и приготовился резать себе пальцы.

— Ты что делаешь? — Остановило оно меня.

— Как что? Кормить тебя буду.

— Зачем пальцы-то дырывать, там вон логово крюкшеров, можно молока попить.

То, что я увидел за поворотом одного из перекрестков меня поразило своей нереальностью. Все вроде в точности как описывал Строг, но видеть это воочию, совершенно другое дело.

Огромная глиняная грудь с длинным розовым соском, даже подумать страшно, кого она вскармливает, а над ней красные губы, целующие воздух в твоём направлении, на вытянутой кишке — шее. Жуть.

— Ты мне пососать из этого непотребства молочка предлагаешь? — Поморщился я.

— Нет, надо за ту розовую штуку подергать и сок белый побежит, очень вкусный кстати. Ты зря с таким отвращением воспринимаешь. Он очень питательный.

— Допустим я каки-то образом к нему проберусь, и меня даже не скушает этот милый ротик, который охраняет, наше калорийное богатство. Но во что ты мне предлагаешь доить эту глиняную корову. Поделись знаниями, фермер недоучка.

— Так рот подставляй да пей, что тут сложного.

Ага. Просто было на бумаге, но наткнулись на овраги. Не подпускали меня чмокающие губы, как не старался. Даже ножом в них тыкнул пару раз, эффекта ноль, ножик только искры высекал. Губки-то фарфоровые оказались, понять, почему они еще и такими подвижными были, мне наверно никогда не придется, знаний таких нет.

В общем, подобраться к вожаденному соску мне удалось методом извивающегося червя, лежа на спине, и отталкиваясь ногами. Даже удобно получилось, дернешь его и струйка прямо в рот течет, как из краника дозатора, точно на глоток. Действительно вкусная штука. Натуральное коровье молоко по вкусу, только немного сладковатое и землей отдает, но совсем чуть-чуть, для аромата видимо.

Кстати, Штрасса я чуть не утопил. Ему и надо-то всего каплю, а я с щедрой руки на него струю направил, он аж красным засветился, зато я узнал, что мат — это один из основных

видов межгалактического общения. Очень распространенный.

Одно только раздражало, чмокающие и втягивающие в себя воздух губы над головой. Но приходилось мириться. Кушать захочешь не так извернешься. В общем в дальнейший путь мы отправились сытые и умиротворенные.

Кто кому помог?

Его мы нашли на полу зала в конце длинного, сырого перехода, в тупике. Он лежал в грязной раскисшей от крови глине с перерезанным горлом. Фаршир нашел наконец то, о чем я мечтал, только жаль, что не я способствовал окончанию этого поиска. Нельзя всю свою жизнь безнаказанно убивать и унижать других. Бог, как бы он не назывался в разных народах и племенах, не допустит такого безобразия, он всегда заставит заплатить по счетам, в любом случае, и чем больше грехов ты ему задолжал, тем страшнее будет плата.

Я знаю кто это сделал, кто меня опередил, и даже завидую ей. Да, я завидую собственной жене, ибо только она могла перерезать эту поганую глотку. Конечно она имела на это полное моральное право, но видит бог, как я хотел сделать это собственными руками, лично расплосовать этого урода, теперь не получится. Очень жаль. Придется смириться.

Ларинии тут нет. Начинаящий вонять труп есть, а ее нет. Сколько я не кричал, никаких успехов не добился. Куда она могла уйти? Ответа нет и быть не может. Слишком много вариантов. Только кусок воротника ее кожаной куртки остался, который лежит рядом с тухлым, смердящим Фарширом. Такое отчаяние на меня навалило, что ноги подкосились и я сел прямо в кровавую грязь около трупа и прижав порванный лоскут к губам тихо завыл.

— Мы ее найдем. Не надо отчаиваться. — Прозвучал в голове голос. — Ты сильный, ты сможешь. А я помогу тебе. Нужно верить. — Мою душу окатило волной доброты и нежности, что сразу стало легче. — Ну вот. Ты уже не так сильно страдаешь. Пойдем. Поднимайся.

Я повернул голову и посмотрел на Штрасса:

— Спасибо. — Не знаю почему, но я был уверен, что он улыбнулся. — Не понимаю как это у тебя получилось, но правда, спасибо.

— Не благодари. Ты мой друг, а это единственное чем я могу тебе помочь. А сложного в этом ничего нет. Передача чувств это один из компонентов телепатического общения индивидуумов, посредством волновой активности эфирных областей мозга, накладываемых на метафизические статики планетной активности. — Голос его замолчал, а глаза внимательно посмотрели на меня.

— Ты сам-то понял, что сказал. — Спросил я, и внезапно, сам не зная почему рассмеялся. Так легко стало. Такая уверенность в себе появилась.

— Конечно... — Он сделал паузу став серьезным, как директор школы на экзаменах, но не выдержал и сам заржал, ну во всяком случае мне так показалось. — Конечно нет. Как можно понять подобный бред. — Он немного помолчал, дожидаясь пока успокоимся и пояснил, что на самом деле произошло. — Просто я передал тебе свое чувство любви, и тебе стало легче. Вот и все.

— Спасибо. — Еще раз поблагодарил я когда приступ смеха совсем прошел.

— За нами следят. — Внезапно он стал серьезен.

Да я забыл сказать, что Штрасса решил всё-таки считать мужиком. Во-первых, как-то неудобно общаться с неопределенным родом, а во-вторых, заслужил он этого больше, чем некоторые из тех, кто называет себя так. И он, кстати, не был против.

— Кто следит? — Я мгновенно стал серьезен.

— Не знаю, я просто чувствую злобу и страх. Он где-то недалеко.

Я встал, достал нож и огляделся. Пещера большая и стены неровные. Штросс не

освещает все.

— Пойдем поищем.

— Зачем. Мы можем просто уйти. — Чувствуется, что мой друг разволновался.

— Оставить врага за спиной и ждать, когда он неожиданно нападет. Ну уж нет. Эту проблему я решу сразу. Идем искать.

Обследование пещеры заняло немало времени, но все же мы его нашли. Густая грязно-коричневая шкура, идеально сливалась с грунтом, и если бы не сверкающие, синими искрами ненависти, глаза, мы-бы прошли мимо. Заметив, что обнаружен он зарычал и припал к земле, прижав уши.

— Ты кто такой? — Я стоял, опустив нож и рассматривал несчастное животное, попавшее в капкан. Его задняя лапа застряла между двух камней, намертво привязав это чудо к одному месту.

Ах, да, описать же его надо: так вот, это — смесь кота и крысы в одном флаконе, только размером с немецкую овчарку. Точно тебе говорю, если не веришь, то спроси у Штрасса, он соврать не даст.

И глаза, и нос, и пасть с клыками иголками, и даже усы, один в один кошачьи, а сверху прилеплены два мышинных уха. Тело крысиное вытянутое, ноги тоже от пакостного грызуна пришпандорены, а вот хвост снова кошачий.

Если бы это была просто крыса, то я бы скорее всего его просто убил. Вбитые с детства стереотипы поведения к подобным животным еще не выветрились из моего сознания. Но тут кошачья морда, а я всегда обожал этих милых зверьков, и самое главное глаза. Вот вроде злобой сверкают, а такие родные, земные.

— Убей его. Это самое страшное животное, обитающее в подземельях. Если оно вырвется нам конец.

— Не могу. Рука не поднимается. Только посмотри в эти вытянутые зрачки. Это же чудо.

— Когда это чудо будет тебе рвать глотку, ты заговоришь по-другому.

— Не ной. Лучше помоги. Что ты там про волны и про телепатическую хрень лепетал? Попробуй к его чувствам обратиться и объяснить, что мы не враги.

Подействовало. Успокоилась зверюга, голову опустила и заскулила. Ну а я, как истинный последователь собственно — сформулированного, сакрально-дебилоидного учения под названием: «Дурак всегда себе на задницу приключений найдет», пошел освобождать его лапу из каменного капкана. Зачем? Не спрашивай, не отвечу. Сам не знаю.

Довольно долго провозился, чуть нож не сломал, попробовав использовать его в качестве рычага. Устал и вспотел, как черт, но вытащил зверюге заднюю конечность. Если бы эта помесь кошки с крысой еще не дергалась, изображая из себя паралитика, то наверно быстрее бы получилось. Но я все равно справился.

— Что же ты такое? — Спросил я, садясь на недавний каменный капкан, и вытягивая уставшие ноги.

— Это хош. — Прозвучал в моей голове голос Штрасса. — Жуткая тварь. Зря ты ее освободил.

— Хош, так хош, но как хорош. — Я засмеялся над пришедшим в голову каламбуром. — Ползи сюда зверюга, лапу посмотрю.

Кошачьи глаза с подозрением посмотрели на меня, и убейте если это не так, поняли. Прижав уши, зверь подполз и замер у моих ног нахохлившись поднятой на загривке шерстью.

Не сдержавшись, я погладил его голову. Твою мать! Да он мурлыкает! Все, я окончательно растаял.

Осмотрел лапу и как истинный врач, который все болячки в жизни лечил матом и зеленкой, сделал вывод: «Кости целые», и: «Само пройдет», чем и удовлетворился.

— Ладно. Хорошего понемножку. Задержались мы тут с тобой, а мне еще жену искать. — Я вздохнул и поднялся на ноги. — Угостил бы я тебя чем-нибудь вкусеньким на прощание, но увы, нечем. Так, что выздоравливай и прощай. — Я подмигнул кошачьим глазам, развернулся и пошел вон из пещеры.

— Он за нами идет. — Умудрился изобразить взволнованное шептание у меня в мозгах Штросс.

Я развернулся. Действительно с нами намерилась зверюга.

— Ты Мурзик решил присоединится к нашей компании? — Вот почему я его Мурзиком назвал? Наверно опять стереотип из прошлой жизни. Само как-то получилось. Ну да ладно, пусть так и будет. — Вот если бы ты собакой был. — Мечтательно закатил глаза я. — То цены бы тебе не было. Понюхал бы вот этот кусок кожи, и привел бы по следу меня к жене.

Я ткнул лоскутом в кошачью морду. Получилось. Чуть не заорал от радости. Мурзик в глаза мне взглянул с пониманием, носом воздух потянул, забавно пошевелив усами и похромал вперед, указывая дорогу.

Пусть только посмеет кто-нибудь мне сказать, что чудес не бывает, я на того умника своего кота натравлю, пусть ему объясняет.

Шли долго и медленно. У меня сил не было, а Мурзик сильно хромал. Он прыгал на трех лапах, только изредка опираясь на четвертую. За поворотом, очередной раз скрывшим его от моих глаз, внезапно зазвучало его грозное рычание.

— Фу!!! — Заорал я и бросился туда.

Лариния, прижавшись к стене и выставив короткое копые, защищалась от него, и пытаясь сделать из моего нового питомца экспонат для гербария.

Фу! Фу! Свои! — Взревел я и кинулся к жене. У меня это получилось так резко, что Штросс свалился с плеча, и угодил точно на загривок к Мурзику, где, видимо со страху, вцепился руками в шкуру. Не ожидавший такой подлянки крыса-кот, взревел и подпрыгнув под потолок, бросился бежать, завывая и поскуливая, и успешно скрылся из глаз в тоннеле.

Ну а я, ничего не замечая вокруг, я обнимал жену.

Собака Баскервилей гениально описанная Конан Дойлем, по сравнению с тем, что к нам приближалось — это плюшевый розовый медвежонок, из ширпотреба, у колыбели улыбающегося и агукающего младенца. Подсвеченная улыбка хоша, стараниями светящегося Штрасса, выплывая из черного зева пещеры, наводила ужас, даже на меня, привыкшего к их мерзким ромам, а что говорить о Ларинии? Естественно, она испугалась.

И вот, чего эта сволочь, Мурзик, тут смешного увидел, что скалится так весело. Ну стоят муж женой в обнимку. Что тут такого. Могли бы, кстати, и задержаться, где ни будь в тоннелях, побегать там вдвоем, поиграть, или на худой конец молочка попить часик — другой, из глиняной сиськи. Нет приперлись. Вот нет у них ни совести, ни чувства такта.

— Где ты только нашел этих монстров, да и еще как-то приручить умудрился. — Плечи Ларинии передернулись. Еще бы не передернуться, я сам пугаюсь доброй улыбки Мурзика, хорошо, что хоть живая лампочка не умеет скалить зубы, по причине отсутствия рта, даже не могу представить, как это могло бы выглядеть. На ночь о таком не стоит даже упоминать, кошмары во сне замучают, если вообще уснуть сможешь.

— Представляешь, Кардир, а мы подружились. — Зазвучал у меня в голове довольный голос Штрасса. — Эта девочка такая милая оказывается, такая ласковая, я ей ушко почесал, а она меня облизала.

— Рад за вас. — Буркнул я на автомате, а потом встрепенулся, осознав, что только, что услышал. — Какая еще девочка?

— Так хош. Мурзик которая. А ты что не знал?

Очередной раз пыльным мешком по голове. Мурзик оказалась Мурзилкой. Ошарашили меня друзья мои меньшие. Вот откуда я мог знать? Времени разглядывать, что у нее там торчит или не торчит не было. Да и при других обстоятельствах не стал бы там рыться. Однако очередной урок, не делать скоропалительных выводов впредь.

— Ты с кем сейчас разговариваешь? С тобой все хорошо? — Жена взволнованно посмотрела в мои глаза, видимо пытаюсь там найти искры безумия. Она ведь не слышит Штрасса, я не успел еще ей рассказать о новом друге, и нашим с ним возможностях, вот и заволновалась моя девочка.

— Вон с тем светильником на жеребце, хотя нет, на кобыле. — Усмехнулся я. Хороший ответ получился. Вот теперь точно в дурку, меня отправит женушка. Вон как глаза выпучила, за сумасшедшего, мужа своего принимает. Что же, имеет полное право так думать. Но это конечно, ее мнение, я-то с таким отношением к себе несогласен. Нужно срочно объясняться.

— Все сейчас объясню. Да не переживай ты так. Все со мной нормально, я просто разговариваю вон с тем светящимся уродцем, что за уши своего транспортного средства держится. Кстати, можешь гордиться, его слышать я могу только один на всем баруксе. Такой вот у тебя муж уникам.

— Сам ты уродец. — В моей голове прозвучал обиженный голос Штрасса, теребящего ухо Мурзика. Они, уже подъехали, и стояли рядом снами.

Вот только мне тут разборки на ровном месте нахватало. С одной стороны обиженная, живая лампочка — жокей, с другой жена, считающая мужа идиотом. Если так продолжиться дальше, то: светильник разобью, и с женой разведусь. Шутка.

— Ну-ка цыц там на хоше. Меня сейчас по твоей милости в сумасшедший дом сдадут.

Дай объяснить, что тут происходит. — Рывкнул я на парочку, и повернувшись к Ларинии обнял ее за плечи. — Я все сейчас объясню. Только не перебивай.

Рассказывал я недолго, у меня жена сообразительная, быстро все поняла, не даром — внучка вождя. Да и событий за это время произошло немного, говорить особо много не пришлось. Лариния внимательно меня выслушала, все поняла, а потом рассказала и свою историю, заставившую меня немного понервничать.

Когда Фаршир, узнал, что на столицу напали, и понял, что шансов победить у него нет, то взвалил связанную девушку на плечо, благо, что здоровья ему от предков много досталось (видел я этого лося, здоровый черт), и, разорвав шатер, с обратной от входа стороны, удрал в лабиринт пещер. Там долго таскал Ларинию по темным тоннелям, видимо следы путал, пока наконец не пришел в тот самый зал.

Представляю, что пережила моя жена. Одно только путешествие на плече сумасшедшего садиста, чего стоит, а тут еще червяка переростка увидела, это того, которого я имел удовольствие прихлопнуть, совсем недавно. Кстати, я наконец узнал названия этого недоразумения: «Чукверхо» его местные обозвали, да уж, богат извращенными фантазиями здешний мир.

Этот червячок, использовался местными для копания новых тоннелей, такая своеобразная живая машина — фреза. Тело, как фиолетовая резиновая кишка, без хвоста, зато с костяной мордой, я ее уже тебе описывал. Землю впереди себя жрет и переваривает. Вот почему у него кремневая основа жизни, оказывается. А что, удобно, конечно, ничего не скажешь. Кормить не надо, глину кушает, убирать навоз за ней не надо, камешками какает, гравийной дорожкой за собой путь укладывает. Красотища. Мечта шахтера.

Но я отвлекся. Почесал, значит, этот Фаршир червя по спине, просвистел ему команду какую-то и заржал, как конь ретивый. Когда чудище в тоннель, из которого они пришли, ввинтилось то повернулся к Ларусии, сверкая довольной рожей и говорит.

— Конец твоему Кардиру. Раздавит его чукверхо, даже запаха не останется от муженька твоего, а я пока, в это время с тобой развлекусь, позанимаюсь приятным для себя делом. Больно мне уж твой норв непокорный нравится. Люблю обламывать таких. Да и сама ты девчонка ничего, симпатичная. Ну так как? Согласна мне удовольствие доставить? — И ржет, сволочь.

Но жена-то у меня умная, не в пример мне, говорит ему:

— Что ж так-то? Как же я связанная сопротивляться тебе буду? Что за удовольствие, куклу обламывать? Развяжи, и тогда, я тебе такую радость доставлю, что век не забудешь.

Задумался, сатрап недоделано-свергнутой, мозги лапой грязной почесал, покряхтел и согласился. Разрезал веревки, лапищи раскинул, и значит мучать жену мою приготовился, в объятьях, душить вознамерился, скотина. Она назад отступает, он на нее прет бульдозером, рожу скалит, слюной капает.

Но плохо он Ларинию знал. Думал растерялась она, испугалась, сейчас о милости просить будет. Как же, жди. Момент она выгадывала, на нож на поясе поглядывала, да к кадьку петушинуму в мыслях пристраивала. Доли секунды ей хватило, когда этот урод на камешек под ногами отвлекся. От уха до уха ему еще одну улыбающуюся пасть нарисовала. Лихая у меня жена.

Назад она пошла, по следу чукверхо, но быстро заблудилась в темноте, у нее ведь свитяги-то, как у меня не было. Кто ей до этого путь освещал? Ты думаешь я все выдумал? Совсем даже не придумывал я ничего. Фаршир с собой соплеменника Штросса в клетке

таскал, тот и освещал все вокруг, да только вот когда падал вождь каплютки, кровью захлебываясь, раздавил бедолагу осветительную. Вот и пришлось моей жене в кромешной темноте назад идти. Она уже совсем отчаялась, и с жизнью прощалась, когда мы наконец ее нашли. Вот такие вот дела.

Конечно же наши злоключения на этом не закончились, но самое главное, мы наконец-то были вместе.

Назад возвращаться, в столицу подземных жителей было бессмысленно, там череп червяка — переростка путь назад на глухо закупорил. Потому решили искать дорогу наверх, к солнышку. Но сначала следовало перекусить.

Из доступной пищи мы знали только молоко крюкшеров. Поиски их логова, долго не продлились. У нас ведь теперь Мурзик есть. С ее-то нюхом, это не составило особенного труда. Как, кстати, и добыча этого самого молока, оказалась тоже делом на удивление, совсем не сложным.

Представь мои глаза, когда я раздумывал над способом доставки наших тел под вожделенные соски-краники, увидел, как этот кото-крыса, просто подошла к фарфоровым губам крюкшера, потерлась о них шерсткой, помурлыкала, и потом спокойно присосалась к глиняной груди. И ведь никто ее не тронул, все прошло мирно и спокойно. Вот гадина. Где ты раньше была, когда я червем изворачивался, жизнью рисковал, чтобы к молоку подобраться.

А хош повернулась к нам и посмотрела так, словно спросила: «А вы чего встали? Присоединяйтесь».

Да уж, чего только не бывает. Оказывается, даже такое жуткое существо как крюкшер, ласку любит. Пропустил нас без каких было проблем, позволил, так сказать, к груди припасть. Напились мы от пуза. Потом долго отдыхали, развалившись прямо на земле, затем еще разок перекусили и наконец пошли выход, из этого подвала, на свежий воздух искать. С моим Мурзиком, это будет не сложно.

Из блаженства в клетку

Какое это удовольствие выползти из темного, сырого подвала под ласковое солнышко, под чистое голубое небо, ощутить дуновение теплого, летнего ветра на лице и почувствовать бархат нежной травы под ногами.

Мы валялись, на опушке леса, блаженно улыбаясь и прикрывая ладонями отвыкшие от яркого света глаза. Даже хош, вообще не знающая, ничего другого, кроме мрачных подземелий, блаженно урчала, грея на солнце вытянутое стрункой тело. Пели птицы, как они выглядят сказать не могу, не вижу, но красиво, что-то напоминающее и соловья, и жаворонка одновременно, дуэт двух завораживающих голосов в сольном исполнении, ни разу ничего подобного не слышал.

Не хотелось никуда идти, даже шевелиться не хотелось, так бы и лежал всю жизнь и смотрел в одну точку, на то, как покачивается на ветру листик дерева над головой. Я закрыл глаза, и улыбнулся, я был счастлив.

Всю идиллию нарушил громкий свист. Он прозвучал резко и где-то недалеко, резанув по нервам острой бритвой. Как же мне это все осточертело. Ну почему я просто не могу спокойно полежать. Почему этот мир, постоянно устраивает мне гадости. Вот думаешь сейчас просто так кто-то посвистел, от скуки или на радостях? Предчувствия подсказывают мне что, нет. Нет, это кто-то вновь хочет докопаться до моего покоя. Плевать. Пускай что угодно происходит не встану. Убивать будут не поднимусь. Лень.

Где-то рядом хрустнула под ногой ветка, и солнце заслонила тень. Пофиг. Я даже не пошевелился.

— Фаст! Тут беглые рабы. — Прозвучал чей-то голос у меня над головой. Я приоткрыл один глаз, и посмотрел на незнакомца. Ничего особенного, простой, худенький мужик, с реденькой русой бородой, стоит ухмыляется. Чего он тут мог увидеть веселого?

— Тебе чего от нас надо? Иди куда шел, не мешай отдыхать. — Я приподнял голову и осмотрелся. Из-за деревьев выходили еще трое, и все с топорами. Местные гопники, что ли? Даже смешно стало.

— Хош раздражена, и спрашивает разрешение их порвать. — Прозвучал в голове сонный голос Штрасса.

Я сел и зевнул.

— Не надо убивать, пусть попугает, слегка. — Я сказал это, не обращаясь ни к кому непосредственно, получилось так, словно в пустоту пробурчал.

— Что? — Не понял стоящий на до мной мужик, но договорить не успел, так как был сбит с ног метнувшейся серой тенью, которая, не останавливаясь не на секунду, уже валила на землю остальных, незваных гостей.

— Лучше лежи, не нервируй Мурзилку. Она сейчас не в духе, в принципе, как и я. Что вам нужно-то? — Я посмотрел на побледневшее лицо нежданного гостя. — Чего молчишь?

— М... мм... мы ох-хотъл-ллись тт-уу-тт... — Продрожал он.

— Ну так и охотились бы дальше, чего к нам-то пристали? — Я снова лег, закинув руки за голову. — Хотя стой. — Я окликнул уже вскочившего для побега гостя. — Что это за место? Да не трясись ты так. Никто тебя не обидит.

— Эт-то влад-дения Ф-фаста Стуся. — Ответил он, косясь на улыбающуюся Мурзика.

Однако, что-то я погорячился с кличкой нового питомца, как-то убого слышится

сочетание мужского рода в имени, и женским началом, в сущности. Во выдал, сам не понял, что сказал, но лирику в сторону, ошибку надо исправлять. Отныне будет: «Мурзилкой»

— Слышишь, Штросс, предай там Мурзику, что теперь она Мурзилка.

В голове прозвучал ленивый ответ свитяги, обозначающий что-то вроде: «Окей, шеф...».

— Чего? — Не понял куцегобородый мужичек.

— Это я не тебе. Лучше скажи, где ваш Фаст сейчас находится, поговорить бы мне с ним надо.

— Так это... — Замялся мой собеседник. — Зверушка ваша на нем сидит и умывается.

Я покачал головой и с осуждением посмотрел на Мурзилку. Ну вот ни грамма сожаления у нее в глазах, усы лапой вытирает и облизывает, довольная, твою мать, нашла блин себе мягкую скамейку. Как неудобно вышло-то.

— Брысь, зараза такая. — Рывкнул я.

Ага, так и бросилась она выполнять мой приказ. Сидит сволочь, и клыки скалит, усы лапой разглаживает. Рожу умывает. Вот конфуз-то какой. Лариния и та в кулак прыснула. Вот чего тут смешного?

— Штросс, передай этой... — Я даже слова подобрать сразу не смог, для выражения своего отношения, как к самой кото-крысе, так и ко всему происходящему вокруг. — Ну ты понял кому. Что если не слезет с уважаемого Фаста Стуся, то назад в подвал пойдет, молоко сосать.

Подействовало. Вон как шустро Мурзилка со своего насеста спрыгнула. А смотрит-то как на меня заискивающе. Ну истинный котенок, так и хочется погладить. Во блин, а Фаст-то местный не встает, Глазенками лупает, бледный весь, бедолага, а подниматься не хочет. Надо помочь ему, подойти представляться, в грудь себя кулаком лупануть, этикет соблюсти, чтоб ему пусто было, ни дна ему не покрывки, и этикету этому, и смельчаку, головенкой трясущему, заодно.

Подошел я, в грудь себя кулаком саданул:

— Фаст Грост Кардир. — Говорю. — Вождь нескольких племен. Спасал свою подругу, Ларинию, из плена, в следствии чего, попал в затруднительное положение, и потому выгляжу неподобающе в данный момент.

Ну наконец-то подняться соизволил. Тоже в грудь себя хлопнул, головой кивнул, а вот глазенки то хитрющие, так и бегают, в них и страх, и любопытство, и подлость перемешаны. Не нравятся мне такие люди. Добра от них ждать не приходится. Помню я таких еще по прошлой жизни. Но тут выбирать и носом крутить не приходится. Бери, как говорится, что дают.

— Рад знакомству. — Наконец, настрелявшись глазами, ответил он. — Грост великое звание, думал таких героев уже не встречается под небом барукса.

Вот вроде красиво все говорит, и улыбается заискивающе, а я не верю. Может просто неправильное первое впечатление?

— Позволь пригласить тебя в наш поселок. Мы будем рады, разделить с тобой, и твоими спутниками пищу и кров.

Нет, наверное, я всё-таки неправ. Нормальный он мужик. В гости позвал. Пообещал накормить и приютить на время. Да и улыбка вроде не такая уж подленькая. В общем уболтал, черт языкастый.

— Принимаю твое предложение.

Ой дурак!!! Говорила же мне бабушка: «Верь своим чувствам, и не верь разуму, у тебя его всеравно нет». Теперь вот в клетке сижу. Понятия не имею как сюда попал. Как в поселок пришли помню, как за стол садились тоже помню, а вот как тут оказался нет, как отрезало. Вот такая вот метаморфоза пьяного сознания. Пить хочется сил нет. На плече Штросс храпит. Его и не видно почти. Тело стало прозрачное и не светится, а нитка накала словно шрам небольшой на коже. Я его пальцем ткнул, разбудил.

— А? Что? — Глазами захлопал свитяга, не понимает ничего. — Где мы?

— В клетке, блин, не видишь, что ли?

— А как мы тут...?

— Откуда я знаю, сам только что проснулся. Давай рассказывай, что помнишь.

— Чего тут рассказывать. За стол сели, вина вам налили. Мурзилке тоже миску с каким-то пойлом поставили. Я под шрам замаскировался, но это давно еще, в лесу. Потом ты сказал, что я тоже бухнуть заслуживаю и капнул на меня той вонючей гадостью, что вином называется. Больше не помню ничего.

— Алкаш. — Констатировал я, и несмотря на жуткое положение, в котором оказался, рассмеялся. Наверно это нервное. Ну вот не могу я, чтобы не вляпаться в неприятности на ровном месте. Судьба извращенца — придурка такая, планида вроде называется, но точно не помню. Голова не соображает.

Мутным, похмельным взглядом окинул угрюмую действительность. Хорошего мало. Напротив, в другой клетке спит Лариния. Справа от меня рычит, и в безысходной злобе грызет, окровавленной пастью, стальные прутья Мурзилка. И еще десятка полтора клеток, расставленных вокруг посыпанной желтым песком небольшой площади, с корытом, наполненным грязной водой посередине, и с пленниками — представителями всевозможных племен и рас внутри переплетенных прутьев.

— Что, тоже попался на лживые улыбки и восхищения своей геройской наружностью? — Горько рассмеялся, глядя мне в глаза, один из пленников, представитель расы озбрассо, сидящий напротив. — Привыкай. Мы все здесь такие. Теперь будешь наслаждаться издевательствами Стуся, чтоб его разорвало. Но даже не надейся открутить ему голову. Он не подходит близко к клеткам. Мой совет, сядь и просто молчи, что бы не происходило.

— Звать то тебя как? Сенсей. — Я попытался изобразить улыбку, но думаю у меня получилось неубедительно.

— Копшер я. Бывший Фаст прибрежного племени Смеяшев, ныне экспонат зверинца Стуся, а ты кто?

— Рад знакомству. Я Фаст Грост Кардир, и пока не считаю себя бывшим, надеюсь и дальше остаться таким же.

— Как же как же, слышал. У нас многие боготворят тебя за мудрость и отвагу. Позволь выразить и мне свое восхищение. Ну, а пока давай помолчим. Стусь сюда идет. Помни, о чем я тебя предупреждал. Молчи, что бы не происходило. Терпи, не дай ему возможность наслаждаться твоей безнадежностью, а уж тем более отчаянием.

Уродская, подленькая натура труса, всегда особо сильно вываливается наружу вот именно в таких ситуациях. Издеваться над тем, кто не может тебе ответить в силу сложившихся обстоятельств, или банальной слабости перед изгаляющемся, от своей неуязвимости, уродом, что может быть мерзостнее? Никогда такого не понимал и презирал подобных индивидуумов. Их не должно существовать на белом свете.

Вот сейчас пере до мной прыгает подобная улыбающаяся тварь. Выдержать издевательства, как советовал Копшер, очень сложно. Сижу, пережевывая желваками скул безысходность положения, и успокаиваю себя планами будущей мести. Я найду способ выбраться из этой гребаной клетки и порвать эту мразь. Голыми руками удавлю скотину.

Стусь пришел довольный, с расплывшейся наглой улыбкой на губах, и маслянистым взглядом от предвкушения забавы. Остановился около корыта с водой и рассмеялся.

— Вижу, не все еще проснулись. — Кивнул он в сторону клетки со спящей Ларинией. — Хорошее у меня получилось вино, убойное. Сам, лично травки снотворные подбирал. Цените заботу. — Он ехидно скривил губы, и изобразил поклон. — Сейчас я еще лично вас умою, и проведу оздоравливающую зарядку. О не стоит меня благодарить. Все что я делаю, все от чистого сердца, искренне. Вам должно понравиться. — Что с него возьмешь. Урод, он и есть урод.

Зачерпнув грязной вонючей воды из корыта, он плеснул ей на спящую девушку, и закатился хохотом, наблюдая, как та вскочила в панике, не понимая, что происходит.

— С добрым утром, красавица. Извини, что пришлось побеспокоить. Но ты могла пропустить зарядку.

— Ты что творишь! Гад! — Взорвалась гневом моя жена. — Что тут происходит. Кардир, в чем дело?

— Сядь, Лариния, — Рывкнул я на нее. — Не поддавайся на его провокации, не доставляй этому уроду удовольствие.

Она сверкнула в мою сторону непонимающим взглядом, но послушалась и села на землю, зажав колени между рук, и опустил голову. Умница. Терпи моя девочка. Копи ненависть.

— Вот даже как. — Мгновенно стал серьезным извращенец, и вдруг затрясся, и забегал вокруг корыта в истерике, заверещал срывающимся голосом. — Я заставлю вас упасть передо мной на колени, вы принесете мне клятву жизнью или сдохните все. Я великий Фаст, и я стану еще более великим Гростом. Я так хочу, и я сделаю это, помимо вашей воли.

— Так вот чего хочет этот трусливый заликс. — Я не смог сдержать смеха, осознав смысл происходящего. — Я-то думал, что он просто маньяк — извращенец, а он извращенец идейный. Ты и правда, трусливый ушлепок, думаешь, что сможешь сломать Гроста Кардира, и поставить его на колени? Ты склизкая амеба...

Я не успел договорить. Стусь схватил с земли длинный кол, которого я, кстати, не видел до этого, так как эту корявую палку закрывало собой корыто, и кинулся на меня в атаку. Боже, как я обрадовался этому. Давай, давай, смелее, поближе подойди, Дай мне только дотянуться, и я сверну твою поросячью шею. Голыми руками, с огромным удовольствием, отверну этот поганый шарик головы с трусливого, вонючего тела. Нет, не хочет сволочь. Не подходит близко, боится. Издалека тыкает в меня палкой, дразнит словно собаку. Ну сука,

подожди.

Я скрестил руки на груди застыл с гордо поднятой головой, предварительно плюнув в его сторону, и окатив полным призрачным взглядом. Это еще больше раззадорило бесноватого придурка. Кол воткнулся мне в грудь, оцарапав кожу, и сбив дыхание. Дальше, все произошло на автомате.

Я быстро перехватил палку двумя руками и резко дернул на себя, а затем мгновенно толкнул назад. Эффект превзошел все ожидания. Не ожидавший ничего подобного, местный Фаст, не успел среагировать на такую подлость с моей стороны. Вцепившись в кол, он в точности повторил его движения.

Сначала дернулся, подпрыгнув в воздухе и засеменяв ногами, устремился по инерции, вперед, по направлению ко мне, а затем, резко схлопотав в брюхо обратным концом, шлепнулся в полете на задницу, и проскользнув, уже в обратном направлении, на сем мягком месте, по песку, жестко приложился о корыто спиной. Но на этом еще ничего не закончилось, так как отбросив палку в сторону, он попытался опереться на край емкости, но не рассчитал, и перевернул ее себе на голову.

Хохот со стороны всех клеток с пленниками сотряс воздух. Мне аплодировали все, казалось, что даже железные прутья рукоплескали. Думал такое выражение эмоций присуще только на земле, а оказывается и тут существует подобное проявление высказывания удовлетворения, от созерцания хорошо выполненной работы. Не разу не замечал в этом мире ничего подобного, но что не говори, а приятно, черт возьми.

Бедолага Стусь, мокрый с ног до головы, молча встал, окатил меня ненавидящим взглядом и также молча быстро ушел. Театр прервался на антракт. Главный герой — злодей, покинул сцену для сушки штанов.

— Ну порадовал ты меня, старика, Грост. Сколько буду жить, столько буду помнить. — Сквозь смех заговорил один из пленников, седобородый лысый дед, вытирая слезы с морщинистого лица. — Ох порадовал. Ни разу этого уродца еще так не унижали. Даже если нас всех после этого тут перебьют, то я умру с улыбкой, вспоминая из-за чего принял смерть. Спасибо тебе. Ты покоришь мне сердце.

— Замучаются пыль глотать, убивать нас тут. — Я говорил, а сам уже исследовал навесной замок, закрывающий клетку. Ничего особенного. Я же всё-таки слесарь, соображаю чуть-чуть в подобных механизмах. Был бы кусок проволоки, вскрыл бы без проблем. Но чего нет, того нет.

— Что задумался? — В моей голове прозвучал голос Штрасса.

— Как открыть это чудо местной инженерной мысли. — Я посмотрел на сидящего на плече друга, и гениальная мысль полыхнула у меня в мозгах.

— У тебя рука в личину пролезет?

— А что это такое?

— Вот видишь эту висящую хрень, по недоразумению называющуюся замком. — Я указал рукой, куда ему надо смотреть. — С обратной стороны есть дырка, в которую вставляется ключ. Это и есть личина. В той дырке, можно при желании, нащупать язычок, и если на него надавить, то мы освободимся. Понял? Сможешь?

— Не знаю, надо попробовать. Просунь меня между прутьев и поддержи, я посмотрю.

Он долго молчал, только шевеление его маленького тельца на моей ладони выдавало какое-то движение, происходившее там. Что именно там делалось я не знаю, не видел, массивный замок закрывал обзор. Потом он выглянул из-под душки, и забавно заморгал

глазами, на измазанной черной краской рожнице, что-то вроде дегтя видимо использовалось в механизме, для смазки, в чем он и испачкался.

— А где она должна быть? Сверху или снизу? Там много всяких выступов, я не пойму на какой из них давить.

— Он единственный из всех должен хоть как-то качаться. Найдешь такой, на него и дави.

— Есть там один такой. Куда его жать? Вправо или в лево?

— Да блин, куда сможешь его сдвинуть, туда и дави, что есть сил.

Он кивнул головой и вновь исчез из поля зрения. Спустя время у меня в голове зазвучал его брзжащий голос.

— Дави, дави. Сам попробуй сдвинуть эту хрень с места, а я посмотрю. Этот гребаный выступ, больше, чем я сам, в два раза. Придется внутрь лезть. Блин весь в этой липкой гадости извожусь.

Вот ведь нахватался инопланетный разум от меня выражений. Я даже улыбнулся столь несвойственному для него монологу. Внезапно ладонь почувствовала легкость, избавившись от груза, а в моей голове, вновь зазвучало брзжание.

— Так. Что тут у нас. Руками не сдвинуть. Попробую упереться ногами.

— Испуганный вскрик, мгновенно переросший в восторженный рев, и душка замка выскочила из гнезда, повиснув и раскачиваясь в петлях.

— Штросс! — Радостно крикнул я.

— Что?

— Вылезешь, я расцелую твою чумазую, противную рожу. Обещаю.

— Тогда я не вылезу. Но если тебя заменит Лариния, то я подумаю.

Вот сволочь. Знает ведь гад как подколоть. И шутки у него плоские. Но я его люблю.

Я наконец был свободен. Хотелось помочь остальным пленникам, но вряд ли это могло сейчас получиться. Явно слышались шаги, кто-то приближался, и времени на освобождения и раздумывания не было.

Спонтанные, необдуманные решения, это мой конек. Все построено на интуиции. Я прыгнул назад в клетку, прикрыл за собой дверку и замер в ожидании. Из-за поворота показался переодетый в сухое, бормочущий, что-то себе под нос, Стусь, с копьём в руках.

— Конец тебе Кардир. Плевать мне на твою присягу. Я тебя просто убью. — Проорал он мне в лицо, брызжа слюной, и развернулся к остальным пленникам. — Смотрите, что происходит с тем, кто смеет оскорблять великого Фаста...

Он не договорил, потому что моя рука легла на его плечо, а вторая опустилась на голову, в виде кулака, и отключила сознание уроды.

Любовь, встреча и парад

Удачно я это чучело по тыкве приложил. Качественно получилось. С одного удара позвонки у него в штаны вывалились. Пипец котенку. Обидно только, что обещание: «Голову открутить, этому уроду», данное самому себе так и не выполнил. Но никто же не знал про этот мой тайный зарок, а я уж как-нибудь себя прощу. Так уж и быть.

На веревке, у валяющегося у моих ног Стуся, повязанной на поясе, нашелся всего один ключ, но зато сразу от всех замков. Поэтому буквально через пару минут, все пленники были на свободе, и после бурных выражений благодарности: Отбив на радостях мне оба плеча до состояния онемения и синяков, а также, попинав, для приличия, и просто чтобы выразить свое: «Фи», труп обидчика, собрались вокруг меня кружком, с застывшим в глазах вопросом: «Что дальше делать». Интеллигенция, блин местная, со своим извечным вопросом, после ответа на который, страна разваливается.

Я-то откуда знаю. Мне вон вообще надо хоша от трупа, почившего моими стараниями в вечность, оттащить, а то окончательно переработает местного Фаста на мелкий фарш. Сильно обиделась Мурзилка на него, на то, что ее, вольную животину, в клетку упаковали. Да и Ларинию обнять хочется, успокоить, жену. Ну вот почему никто и никогда, не спрашивает моих желаний. Всем всегда что-то, надо, от моей несчастной тушки.

Огляделся я вокруг. Вздохнул тяжело, и приступил к обязанностям начальника. Начал, конечно же, с трофеев: не густо. Убогое, короткое копьё, нож и топор, порванные, острыми зубами кото-крысы, штаны и куртка вряд ли куда ни будь теперь пригодиться. Снова вздохнул.

— Кто с копьем работать умеет? — Оглядел затихших вокруг меня недавних пленников. В ответ тишина, блин, как в песне, видимо еще из боя не вернулись. — Ну чего молчим? Воды в рот набрали?

— Я могу. — Лысый, морщинистый дед с кряхтением поднял оружие с земли, и вдруг ловко крутанул его пропеллером, лихо перебирая руками, и улыбнувшись, в прыжке, в стойку боевую встал, как в китайском кино, ниндзя, блин. Я даже рот открыл от неожиданности. — Позволишь Грост?

Ай да дедушка, я кивнул головой в знак согласия. Что тут думать. Этому шаолиньскому монаху сам бог велел таким шестом владеть, тут без вариантов.

— Тебя как звать-то дедуля?

— А чего меня звать-то, внучек, тут я, перед тобой стою, не уходил пока никуда. — Вот же старая ехидная рожа. Почему просто не ответить. Обязательно съязвить надо. Почему меня жизнь вот с такими неоднозначными личностями все время сводит? — А так-то, мамка с папкой имя дали: «Ниндю». — Договорил он и опустил голову. Покорность гад изобразил.

— Почти ниндзя, как раз для тебя подходит, — буркнул я, не зная как на это все реагировать, и повернулся к остальным. — Это тебе. — Ткнул я в руки топор Копшеру. Отдал ему не грамма не сожалея, он и помощнее других, да и такое оружие как раз его расе больше подходит. Себе только нож оставил, хотел и его отдать, но жаба взбунтовалась и не позволила совершить столь расточительный поступок. На этом раздача пряников и закончилась. Осталось решить, что делать дальше.

Нас тут собралось восемнадцать. Все или Фасты, или лучшие воины своих племен. Сливки общества, тудыт его в качель. Но видимо такие же тупые, как и я, раз попались

такому ничтожеству как Стусь в лапы. Ну и я, как самый главный из присутствующих придурков, естественно, взял командование на себя.

Мой естественный в данном случае приказ уносить, по-быстрому, отсюда ноги, вызвал дикое негодование. Блин. Что тут после этого началось:

И, что не ожидали они, от столь славного воина, владеющего жизнями Фастов, подобной трусости. И, что это не дело, вот так уйти, не отомстив подлому племени за свой пережитый позор. И что лучше умереть в бою, чем бесславно сбежать. Но я быстренько то все остановил тирадой отборного мата. Вон как рты пооткрывали — заслушались. Штросс даже попросил повторить, так как не успел запомнить, а Лариния покраснела и голову опустила, видимо перестарался я с красочными описаниями процессов.

— Вы думать умеете вообще..., или вам головы нужны, чтобы только жрать в них...? Вы безоружные собираетесь напасть на обвешанных копьями и топорами воинов...? Бесславно сдохнуть хотите...? Слушать меня...! Собираемся и быстро уходим! Кто не согласен, пускай остается. Когда мы вернемся, во главе своих племен, мстить, то пинками проводим этих бесславно подошедших тупиц к кострам предков, если конечно отыщем останки.

После такого моего спича, никто оставаться не захотел. Рожи в землю опустили и молчат. Как нашкодившие первоклассники, перед учителем. Детский сад, а не вожди племен.

До первого поселения добирались три дня. Никто нас не преследовал, и в засаде не поджидал. Ниндзя — дед, исправно добывал дичь. Швырнет, куда-нибудь в кусты, острую палку, и оттуда какую ни будь зверюгу тащит, золото, а не попутчик, хотя и ехидный гад. Так и кормил нас всю дорогу свежей убоиной. Ручьи тоже попадались довольно часто, потому и от жажды мы не страдали. В общем турпоход, а не побег из плена.

Первым, а для меня и последним пунктом в путешествии оказалось поселение Копшера. Я конечно же имею в виду, что никто меня тут не убил и в плен не взял. Меня тут за что-то уважали? Хрен его знает почему. Слухами борукс полнится. Великий герой Кардир, посетил их селение, да еще освободил их Фаста из плена.

Неприменно последовавший бы за этим триумф с битьем головами о землю, и попыткой обильной обжираловки на вечернем пиру, могла остановить только моя многоцветная нецензурная речь. Которая и прозвучала, с объяснениями недопустимости подобного расслабления в данный момент.

Бывшие пленные Фасты были посланы. Нет, конечно, не туда куда ты думаешь. В свои поселения я их отправил, собирать воинов для страшной мести. А также был найден доброволец, знающий дорогу и в мою вотчину, который также был отправлен по данному маршруту. Оставалось только ждать. Чем, собственно, я и занялся. Облюбовал прелестную, красочную поляну в лесу, где и обосновался в одиночестве со своей женой, под кронами деревьев.

Наконец-то первая брачная ночь. И пусть хоть одна сволочь помешает. Убью. Пять дней любви у костра в палатке из шкур, пролетели как один вечер. Сплошная романтика. Вот оно счастье. Выстраданное и заслуженное нами разлукой, страданиями и болью. Не променяю я такое ни на одну постель с балдахинном, и даже на королевский номер в Гранд Отеле. Пусть там убогие кувыркаются, а для нас небо — одеяло, волшебные цветы — постель, ледяной ручей — душ, а светящиеся глаза любимой, божественные фонарики, освещающие душу. Одно плохо. Слишком быстро все это заканчивается, счастье увы — скоротечно.

Гонец прибежал конечно же, как обычно, не вовремя. Вежливо покашляв, у входа в

палатку, сволочь такая, сообщил, что в поселок прибыло войско дольсящ, то есть мое. Послав его назад, по известному маршруту. Пошли и мы с женой туда же, покинув уютное гнездышко любви. Надо встречать своих фастиров. Но не дошли. Были остановлены примчавшимся на хатире Бутсеем.

Друг привел под уздцы Тузика, и белоснежную красавицу моей Ларинии, а также и привез комплекты новой одежды. Но какой! Не осточертевшие кожаные шмотки, а тканевые, шелковые одеяния. Моей спутнице, белоснежное платье, чем-то напоминающее покроем старое свадебное, и черный, свободный и удобный костюм мне. Ну и конечно же атрибуты власти Фаст Гроста, и его подруги. Шкуры сакуров на плечи, и обручи на голову, но с одним только новшеством, обручи теперь обтянуты кожей смайлюсов. Вот почему тогда хитрил Габсурдин. Удивили, ничего не скажешь. Очень красиво. У жены так вообще глаза запылали счастьем, сейчас вспыхнет, моя красавица. Царская чета из нас получилась, едрить колотить.

Вход в поселок смеяшев, моего войска вызвал фурор. Я сам офонарел от такого торжественного действия.

Первыми вошли всадники. Люди, с луками за плечами, и копьями в руках, гордо восседали на хатирах, в седлах, гарцуя по трое в ряд, и свысока посматривая на собравшихся. За ними пехота озбрассо, тоже по трое с огромными щитами и топорами, с ружьями на плечо, марширующие в ногу под звук барабана. Вот откуда? Когда они успели маленький барабан изготовить? Что там за прогрессор такой нашелся? Узнаю, кто такой, расцелую. До чего же здорово получилось. Вон и барабанщик, пацан совсем молодой, гордо вышагивает, сверкая довольной улыбкой, и лупя палочками по мембране.

Внезапно барабанный бой оборвался и строй воинов рявкнул: «Варяга», охренеть, аж мурашки по коже. Да уж. Удивили меня мои фастиры. Порадовали. Про местных вообще молчу. Бабы, так те вообще с открытыми ртами в обморок попадали, а мужики от зависти позеленели, хотя они ведь и так зеленые, куда вроде больше, и тоже замаршировали на месте, пытаясь повторять слова песни. Полный аншлаг.

Вот откуда, что берется. Построение шеренгами более-менее понятно откуда. Натренировались, когда к войне с бляксами готовились. Но парад под барабанный бой? Песня? Я, конечно, много рассказывал про свой прежний мир, но что все это выльется в такое — не ожидал.

Возглавлявший парад Габсурдин, подъехал ко мне на своей хатире, вскинул руку, остановив этим жестом, и развернув мгновенно замолчавшее войско в мою сторону. Склонив в приветствии голову, в полной, образовавшейся в одно мгновение тишине, он громко, чтобы каждый смог услышать, рявкнул:

— Грост Фаст Кардир! Войско, по твоему требованию прибыло. — И кулаком в грудь: «Бабах».

Все. Вот теперь точно на хрен мне не сдавшаяся слава обеспечена. Теперь точно можно ожидать неприятностей. Закон подлости, веришь ты в его существование или нет, не важно, но он обязательно вцепит по темечку со всей своей подлостью, и так рационально и виртуозно это сделает — ровно на столько, чтобы ты оглох, но не сдох, а помучался посильнее и подольше.

Поселок был пуст, если не считать древней старухи, опирающейся на корявую, суковатую палку, и подслеповато щурящуюся на незваных гостей, стоящую рядом с ритуальным костром. При моем приближении, она с кряхтением встала на колени и склонила голову в поклоне. Седые, длинные и довольно еще густые, не смотря на возраст, волосы, упали к моим ногам, оголив морщинистую, тонкую шею.

— Встань. — Я не мог этого видеть. Как не сильна была ненависть к этому подлому племени в моей душе, но все нутро противилось такому унижению старого человека. — Поднимись немедленно.

— Прости их Фаст. — Глухо прозвучал скрипучий голос прямо в землю, она не поднимала головы и не вставала. — Они только выполняли свой долг. Так поступил бы каждый из твоих воинов. Они давали клятву жизни, и выполнили ее до конца.

Внезапно рядом со старухой на колени упал Ниндю, и тоже склонил голову. Этому-то что тут надо?

— Выслушай ее Грост. Она достойна этого. Если бы просил кто-то другой, то я бы промолчал. Но ее, прошу. Послушай.

— Ну-ка встаньте оба немедленно. Для того, чтобы разговаривать не обязательно стоять на коленях, в унижительной позе. Терпеть этого не могу. Да и для вас я не Грост и не Фаст. Вы не давали мне клятвы. Поднимайтесь, и рассказывайте, что тут происходит?

Они не встали. Только плечи стариков вздрогнули при моем окрике, а головы опустились еще ниже.

— Конечно же ты вождь только своего племени. — Заговорил Ниндю еле слышно, словно с трудом подбирая, и выговаривая слова. — Но все эти воины пошли за тобой, и слушаются любого твоего приказа. Ты непререкаемый авторитет среди них, и любое твое слово закон.

Вот же твою мать. Этот дед раскрыл мне глаза. Ведь и правда, я за все время пути, к этому поселку, огромного разношерстного войска, не разу не слышал, ни от кого, слова: «Нет». Любую мою, тупую просьбу, не то, что приказ, бросались исполнять, и не только простые воины, но и Фасты. Все мои распоряжения выполнялись мгновенно и беспрекословно. Что-то мне это совсем не нравится. Попахивает очередными фастирами, которых мне и даром не надо. Да и какими к чертям собачьим, фастирами? Тут целой империей попахивает, воняет тут — смердит проблемами. Какой из меня Император? Я о себе позаботиться не могу нормально, а тут ответственность за тысячи, смотрящих тебе в рот индивидуумов. Полный бред. Я не хочу такого. Но как отказаться, если сам влез в это дерьмо по шею. Пищи, но тащи, и не скули.

— Поднимайтесь и рассказывайте. Раз считаете меня авторитетом, то выполняйте, что говорю. Не смей больше стоять пере до мной на коленях. — Ну вот, началось. Уже и голос властный прорезался откуда-то. Они послушались. С колен встали, но в глаза не смотрят. — Ну! Слушаю!

— Они увели женщин и детей в лес, чтобы сохранить им жизни. Воины, же, все собрались на поле, возле кривого оврага. Они ждут там, чтобы принять заслуженную смерть, и смыть кровью позор своего фаста. — Старуха говорила тихо, но слова с ее губ слетали уверенно и твердо, словно повторяли заученный текст. — Они не посмеют сопротивляться,

они опусят головы, подставив шеи под топор правосудия Гроста.

— Так понятно. — Задумался я, и перевел взгляд на Ниндю. — А ты старый тут с какого бока? Только не смей изворачиваться. Если я почувствую ложь в твоих словах, то берегись.

Он как-то совсем по-стариковски сжал плечи, и словно уменьшился в размерах.

— Это длинная история. — Горький и тяжелый вздох вырвался из груди деда.

— Я не тороплюсь и слушаю. — Как бы мне не было его жалко, но я настоял на своем.

— Хорошо. — Еще тяжелее вздохнул он.

— Давно это было. Я был молодым и глупым юношей, верящим в справедливость и честь. В один из дней, во время осенней охоты встретил ее, мою единственную любовь жизни. — Глаза старика с нежностью покосились на стоящую рядом старуху. Она была красива, молода и дерзка, и я даже не смел мечтать о такой. Но она ответила взаимностью. Любовь разорвала наши сердца страстью, и соединила в одно единое целое, подарив сына.

Наверно мы были бы самыми счастливыми людьми на свете, если бы по злобной насмешке коварной судьбы, не принадлежали к разным, враждующим племенам. Мне ничего не оставалось, как только броситься в ноги к своему Фасту, с мольбой, договорится с племенем моей возлюбленной, помочь соединится. Он все понял и согласился. Мриста, так звали мою любовь. — Дед снова с нежностью взглянул на старуху. — Тоже молила своего вождя об этом. И он тоже согласился. Но обманул.

Стусь подло, в спину, убил пришедшего на встречу вождя моего племени, а Мристу сделал своей бесправной спутницей, а моего сына практически рабом.

— Так. Стоп. Что-то тут у тебя не сходится. Стусь был моложе тебя раза в два. Как он мог быть Фастом, в то время, когда ты был молодым? Он тогда еще сиську сосать был должен.

— Мы с Мристой совсем не старые. Горе посеребрило наши головы и сморщило лица. Мы ведь с тобой, Кардир, практически одного возраста. А Стусь выглядел всегда в два раза моложе чем был на самом деле. Есть такой сорт людей, которые всю жизнь на юнцов похожи, щедра к таким природа, хоть и не всегда справедлива.

— Твою мать! Хорошо. С этим я согласен. Но что вам надо от меня?

— Справедливости Грост. Только мудрой справедливости. — Твердо произнесла старуха, посмотрев прямо мне в глаза. А взгляд-то у нее действительно не старческий. — Такое количество жителей барукса не может следовать за глупым вождем, о ни все идут за тобой. Прошу! Пощади людей моего племени, они не виноваты, в том, что выполняли свой долг. Накажи, но не убивай.

И что мне с ними делать. Сзади застыла толпа, жаждущая крови, а передо мной, два состарившихся от горя человека, просят пощады тем, кого хотят убить остальные. Вот на хрена мне все это надо. Какое решение принять. Как вообще такое можно решить?

— Веди меня к ним. — Кивнул головой старухе, и тут же обернулся, к загомонившим сзади воинам. — А вам стоять тут и ждать. Ничего со мной не случится. Я должен посмотреть, и принять решение.

А овраг и правда был кривой. Даже не смогу его описать. Вот смотришь на него и просто понимаешь, что он кривой. Как будто само пространство исказилось в мареве, нависающей над ним дымки. Посмотришь, и дрожь пробирает. Жуткое место. Наверно специально сволочи такое выбрали.

Они стояли на коленях строго в один ряд. Словно выравненные по линейки. Больше сорока стариков, мужчин и юношей, со склоненными покорно головами, и положенными

рядом на землю топорами, ждали своей участи. Атмосфера гнетущей безысходности заполняло пространство, наполненное оглушающей тишиной. Я стоял, смотрел на них и думал.

Два старика молчали за моей спиной, взявшись за руки, и я бессознательно, прямо самой душой, чувствовал их волнение. Еще два существа присутствовали тут, два преданных мне спутника, которым плевать было на все мои запреты. Это Мурзилка, со своим крохотным наездником на загривке, Штроссом.

— Жутко-то как. — Прозвучал у меня в голове голос. — Ты надеясь не собираешься их всех убить?

Я не ответил. Глупый вопрос. Рука не поднимется рубить головы безоружным. В бою, там другое дело, а вот так? Нет уж. Увольте.

— Встаньте. Хочу видеть ваши глаза. — Блин. Волнуюсь. Хотел рывкнуть на склонившихся передо мной, а получилось прохрипеть. Ряд воинов молча поднялся на ноги, и застыл с опущенными головами. — Кто старший тут у вас? Подойди.

Ба! Да это мой старый знакомый, которого я увидел там, на поляне, первым. Это тот плюгавенький мужичек — первая жертва Мурзилки. Вон как на хоша косится. Помнит засранец, что шутить чревато. Подошел, на трясущихся ногах и замер, уставившись в землю, не смея поднять глаза.

— Не скажу, что рад тебя видеть. — Я старался говорить жестко, подавляя в себе волнение. — Почему так произошло? Почему вы исполняли приказы сумасшедшего? Почему никто из вас не выступил против?

— Мы были его фастами. Клятву нельзя нарушить. Предки не поймут такого, и не примут к своим кострам. — Он говорил дрожащим голосом тихо, но уверенно.

Чем дальше я нахожусь в этом мире, тем больше поражаюсь таким несоответствиям. С одной стороны гордые, готовые идти до конца, исполняющие долг, любой ценой, даже ценой жизни жители этого странного места. С другой — бесправные рабы, выполняющие прихоть своего хозяина. И ведь это одни и те же люди и озбрассо. В голове такое не укладывается.

— Как же вы могли, дать клятву жизнью такому уроду, как Стусь? Только не говори, что он вас заставил. Я в такое не поверю.

— Тогда он был другим. Сильным и смелым воином и охотником, берущим на себя ответственность и ведущим за собой племя. Потом, что-то произошло, и он изменился. Но нам, всеравно пришлось следовать за ним, согласно данной клятве. Спасибо тебе, что избавил... — Он осекся, сглотнув последние слова, но и так все было понятно. Надо, что-то менять в этом мире. Рабство, в любом виде это зло. Вот передо мной живой пример этому.

— Хорошо. Я принимаю все так, как есть, и не держу обиды. Вы сейчас выберите себе вождя. Я повторяю, вождя, а не фаста. Никаких клятв жизнью быть не должно. Затем идете и извиняетесь перед остальными. Вас никто не тронет. Ниндю и Мриста свидетели моих слов.

— Если Грост позволит, мы бы хотели признать вождем Ниндю, и объединить наши с ним племена. Он достоин уважения. И потом у него подруга и сын из нашего поселения. Это много значит.

Во поворот. Даже дед, смотрю, охренел от такого предложения. Но глазенки-то вон как засветились. Понятно, что отказа не будет.

Через некоторое время я остался только с Мурзилкой и Штроссом. Все остальные ушли, ну а мне придурку захотелось на овражек странный поближе посмотреть.

Посмотрел, блин на свою голову. Шило в моей неутомонной заднице, вновь засунуло меня в неприятности.

Я дома. Что бы ему пусто было

— Почему вода такая странная? — Хороший вопрос ошарашенному произошедшем мне.

Я всего лишь хотел посмотреть, что там на дне оврага так клубит маревом. Кто же знал, что край такой сыпучий, зараза. Поехал у меня под ногами. Так и прокатился я на заднице с струях песка до самого дна, в густой как вата туман. Дежавю блин. Было у меня уже такое, полностью поменявшее жизнь. Еще и на голову мне хош съехал, с матерящемся Штроссом на заливке. Превзошел, блин ученик своего учителя по ненормативной лексике, такие колена выдал, что даже у меня, привычного к подобному, уши покраснели.

Но это все неважно. Главное, то, что не видно ни хрена, ни впереди не сзади, сплошная белая стена. Даже дышать тяжело, воздух тягучий тут как кисель. Попробовал назад залезть, не получается, сыпучий грунт не держит, назад сползаю. Поорал, помощи попросил. Без ответа. Ушли все, некому ответить. Что делать, только вперед двигаться. Или назад? Вод блин, тупой вопрос. Какая разница? Всеравно не понять, где тут что, пойду туда куда ноги поведут.

Выставив вперед руки, как слепой, двинулся на встречу очередной гадости, подкинутой мне моей заботливой судьбой. Ничего хорошего не ожидал, понимая, что уже в очередной раз попал, но всеравно охренел в конце пути. Поначалу стало холодно. Нет не просто холодно, а очень холодно, а затем туман исчез. Просто оборвался, и все. Ты знаешь, что такое отчаяние? Ни хрена ты не знаешь.

Остался только лес. Асфальтированная ровная дорога. Снег, и взволнованный голос Штросса в замороженных от произошедшего мозгах:

— Почему вода такая странная? Мы вообще где?

Вернулся ты, Владимир Петрович Иванов, в свой родной мир. Поздравляю. Все, что дорого, осталось где-то там, в исчезнувшем за спиной тумане. Дверь в обратную сторону, растаяла, унесенная порывом пронизывающего ветра, вместе с планами, надеждами и красавицей женой. Вокруг только ночь, холод одиночество и отчаяние.

Место это я узнал сразу. Вон тот приметный столб высоковольтки с нецензурной надписью, а чуть дальше знак ограничения скорости до сорока, перед крутым, закрытым поворотом. Осточертевшая, в свое время дорога с работы домой, и место провала в мир борукса — прямо под ногами. Место, с которого началась моя новая жизнь. Даже попрыгал в надежде провалиться, но конечно же безрезультатно. Как видимо она тут и закончилась, моя буйная интересная судьбинушка. Здравствуй опостыливший завод, со своими гребаными сверлами. Выразить то чувство, которое я испытывал сейчас словами невозможно. Нет, так не пойдет. Надо, что-то решать.

— Это мой мир, Штросс. — Вздохнув сказал я.

— Какой холодный, и странный. Что мы будем делать?

— Наверно для начала пойдем ко мне домой, отдохнем, подумаем и переоденемся. Да не трясись ты так, потерпи. Я знаю, что холодно. Сейчас срежем через парк по тропе, и минут через пятнадцать будем на месте. Только бы не встретить никого. Вид у нас, для этого мира, мягко говоря, странноватый, да и хош ни как на домашнюю зверушку не тянет.

Но куда же я, и без неприятностей. Встретил, конечно, загулявших в ночи горожан. Местных поддатых гопников, ищущих приключений на задницу, а также надеющихся пополнить свое материальное положение за счет редких ночных прохожих. Вот где их глаза

были? Видно же, что Мурзилка совсем на котика домашнего не похожа, да и на песика никак не тянет. Да и я, с голыми ногами на снегу, и в прикиде а-ля д'Артаньян, после печальной первой встречи с графом Рашфором и Миледи, да еще с топором и ножом на поясе, ну совсем для гоп-стопа не подхожу.

— Это, что тут у нас за недоразумение гуляет на нашем пути? Ты кто такой, болезный? Может поделишься с дяденьками на пиво?

— Пожалуйста, проходите. Не хулиганьте. — Вот придурок. Нашел что ответить. Еще бы пальчиком им погрозил, воспитатель детского сада блин. Что-то на меня видимо так воздух городской действует. Туплю.

Они обступили с трех сторон, почему-то совсем проигнорировав Мурзилку, сидящую в сугробе, и хлопающую в непонимании глазами. Не чувствовала кото-крыса угрозы исходящей от них, слишком все происходило как-то буднично, вот не беспокоилась.

— Ты от куда тут такой реконструктор-недоразумение нарисовался? — Тот, что напротив меня остановился, ехидно растянул рожу в улыбке. — Давай сюда топорик-то, он тебе совсем не нужен, а я пристрою, куда ни будь, при случае, и ножичек тоже давай. — И руки потянул к не принадлежащим ему предметам

Мне оставалось только вздохнуть, обратится к хошу:

— Только не убивай. — Ну и ударить впередистоящего кулаком в лоб. Дальше ничего делать не пришлось. Дальше я просто стоял над лупающими глазами на улыбающуюся Мурзилку, телами, развалившимися веером на пожелтевшем в одно мгновение снегу, и качал головой.

— Вот что вам нейдет придуркам. Мы ведь просто шли и никого не трогали. Ну и что мне прикажите с вами делать. Ай, да ладно, не кормить же вами животинку, в самом деле. Полежите тут немного, пока мы уйдем, отдохните. — Я отошел от них на приличное расстояние, но тут вспомнил, что не сказал самого главного, и обернулся, ласково промурлыкав на прощание:

— Да, еще. Не говорите никому про нас. Не надо. — Ну прямо Сухов из «Белого солнца пустыни», сам собой восхищаюсь.

Они довольно бодро закивали головами, соглашаясь с моим предложением, а что им еще оставалось делать, радостно рычащий хош, не способствовал другому решению с их стороны. Ну а мы пошли дальше, слава богу без приключений добрались до подъезда многоэтажки, в которой я прожил долгие годы нудной жизни. За электрощитом достал запасной ключ, хорошо, что ума в свое время хватило спрятать на всякий случай, и вошли в мою одинокую однокомнатную квартиру.

Первый шок испытали мои спутники, когда я включил свет. Резкий переход из ночи в день, заставил Мурзилку прижаться к ламинату и зарычать, а Штрасса заорать, в моих мозгах, восторженным приветствием своим соплеменникам. Вот откуда ему было знать, что это просто лампочки, ох и разочаровался он когда узнал правду. Даже не разговаривал со мной некоторое время. На что обиделся — непонятно, инопланетная душа потемки, для затуманенного цивилизацией разума.

Следующим потрясением был телевизор. Прощай мой дорогуший, нажитый строжайшей экономией, продвинутый дивайс. Жидкокристаллический экран, был безжалостно порван лапой Мурзилки. Надо же было в момент включения, напороться на программу с рычащим во весь экран львом, не стерпела моя киса конкуренции. Просмотр под грохот падающего «Голубого экрана», закончился, практически и не начавшись.

Ноутбук, я уже включал, соблюдая все возможные предосторожности: закрывшись в туалете, и сидя на унитазе, но не потому, что приспичило, а потому, что тут никто не увидит, и не угробит очередное технически развитое изделие, в порыве необузданных эмоций.

Проштудировав все возможные поисковики на предмет статей и видео, о происходящих неизведанных сверхъестественных событиях. Осознав, что все, что выложено в сети это полный бред, и фантазии писателей фантастов, выдающих себя за экспертов. Со злостью захлопнул пластиковую крышку, и вышел в комнату. Полная идиллия.

Мурзилка дрыхнет на моей кровати, положив голову на подушку, и накрыв лапой голову спящего свитяги. Хорошо хоть одеялом не накрылась. А мне куда лечь? На пол? У меня больше ничего подходящего, чтобы кости кинуть нет. Пнул, сладкую парочку, заставив подвинуться и устроился рядом. Как говорится: «В тесноте, да не в обиде». Уснул быстро. Накопившаяся усталость сделала свое дело, лучше всякого снотворного.

Утро встречал невыспавшимся, злым и голодным. Гребаная Мурзилка, храпела мне всю ночь в ухо, и постоянно пыталась сбросить с кровати, пинаясь задними дрыгающимися в сомнамбулистическом беге, лапами. Что ей там снилось не знаю, но от этого не легче. Теперь бока в синяках и болят. В конечном итоге, пришлось выдернуть из-под нее одеяло, кинуть на пол и спихнуть подругу туда. Ей, конечно, это не понравилось, но смирилась. Еще бы было по-другому. Кто тут хозяин?

Утром переоделся в местную одежду, достал из шкафа отложенные на черный день наличные, и пошел на охоту в супермаркет. Отвык я, конечно, от городской суеты и тесноты. Сидящая на лавочки у подъезда, любопытная тетя Валя, подслеповато сощурившись поздоровалась и поинтересовалась, где я столько времени пропадал, и благополучно обо мне забыла, удостоверившись ответом: «В командировке».

Загрузив пакеты мороженым мясом соком и пельменями, вернулся домой. Швырнув Мурзилке каменный, заиндевевший кусок, на пол, закинул в кастрюлю и сварил мечту холостяка. Поесть спокойно, конечно же не дали. Первым пристал Штросс. Капля сока из пакета ввела его в восторг, и он потребовал добавки. На второй капле он заморгал красным предупреждающим об опасности сигналом, и завалился на бок, закатив глаза. Обожрался с непривычки сволочь, заставив меня переволноваться. К нему ведь скорую не вызовешь, и куда клизму поставить я тоже не знаю. Но слава богу пронесло. Довольное урчание: «Кайф», в моих мозгах успокоило нервы.

Затем наступила очередь Мурзилки. Она напрочь отказалась есть замороженное мясо, зато махом слизнула с тарелки мои пельмени, и уставилась на меня немигающими глазами, в ожидании продолжения банкета. В итоге, сожрала все, оставив меня голодным.

Бросил мясо прямо в оставшийся от пельменей бульон, и не дождавшись полного приготовления, впился зубами в горячий кусок, попутно отгоняя ногами оборзевшую зверюгу. Но всеравно потерпел фиаско, но слава богу, что успел в битве, проглотить изрядный кусок.

Голод отступил, во всяком случае под ложечкой сосать перестало. Зато добавилась лужа и куча, от пищеварительной деятельности хоша. Нет. Долго я так не выдержу. Надо что-то решать.

Чтобы понять чувства, которые бурлили в душе, надо поставить себя на мое место. Но все же я попробую описать это, используя примитивное сравнение.

Попробуй представить, что тебя поселили в замке. В подгорьях высоких гор, теряющихся своими сказочными вершинами в дымке облаков бездонного неба. Тебе сказали, что этот великолепный дворец, отныне принадлежит тебе, со всеми этим непременными залами, мебелью в стиле модерн, золотыми унитазами, джакузи и слугами в придачу.

Отныне ты можешь делать там все, что душе заблагорассудится. Ты, пускай и незаслуженно, но быстренько вживаешься в роль графа, или царя (это уже на твой выбор). Строишь планы, командуешь слугами, направо и на лево, а затем внезапно — шарах! Ты снова в грязном подвале, с бомжами. В том самом месте, от куда тебя какая-то сволочь переселила в рай, и пообещала, что это на всегда. Как тебе такое ощущение?

Вот примерно и я, сейчас, именно так себя чувствую. Стою на обочине дороги, смотрю и думаю: «Как назад во дворец из этой клоаки вернуться?» Но он не появляется, эта сволочь, туман, хоть убей. Уже неделю живу тут, типа турист экстремал, потерявший связь с реальностью, на фоне сукотности по голове пыльным мешком.

Но все по порядку. Самое сложное было Мурзилку в этом мире легализовать. Вот попробуй инопланетного монстра вписать в земную действительность. Кое как, но получилось.

Первым делом нашел в зоомагазине одежонку для особо мерзлявых крупных собак. Тело крысы, замечательно замаскировалось под навороченной дорожкой шубкой, ничего дешёвого найти не удалось, так как, не выпускают наши бизнесмены для простых Бобиков одежду по приемлемым ценам. Получился такой вот огромный котяра, в ярко малиновом прикиде. Вот только, что с мышинными ушами делать? Ничего умного тут не придумал, поэтому положился на авось.

Первый вход в свет получился феерическим. Вечная наседка местной лавочки, тетя Валя, забыла закрыть рот, оборвавшись на вещании очередной сплетни своей подруги, по перемальванию костей, бабы Лены, и охнув опустила упитанную гузку на скамейку.

— Это кто у тебя, Володя?

— Кот. — Я изобразил на лице самое безмятежное выражение, какое только мог.

— Это же монстр какой-то.

— Нет, обыкновенная забугриногорская домовая майкунка. — Выдал я полный бред, какой только мог выговорить.

— Надо же? — Обе бабки выкатили удивленные пятикопеечные глаза и дружно перекрестились. — Каких только чудес не бывает. Где же ты только такое чудище откопал?

— В командировке подарили, неудобно отказываться было. — Продолжил я беззастенчиво врать. Чем наглее ложь, тем в нее более искренне верят. — Вы извините меня, но надо выгулять котика, а то убирать за ним больно много приходится.

— Иди, сынок, иди конечно. — Замахали они руками, а потом, когда я отошел, и по их мнению ничего не мог слышать, завистливо зашептали. — Это же сколько эта зверюга мяса за раз съедает? А уж латок-то какой ей надо под туалет? Даже представить не могу. Да уж. А все приbedнялся, слесаря из себя изображал, а сам во в какие комадировочки катается. Деньжищи-то наверно заколачивает?

Дальше я не слушал, потому что образовалась новая напасть. Занятия в соседней школе закончились, и за мной следом увязалась немаленькая толпа гомонящей детворы, выкрикивающая мне в спину.

— Дяденька. А это у вас котик такой? А что он кушает. А где вы его взяли? А у него котята есть? А можно его погладить? А он не кусается. А он мышей ловит? — И тому подобное без остановки. И ведь не отвязаться от них никак, и не послать на все веселые матерные буквы, какие знаю, дети все же. А уж когда этот котик, поднял лапку на ствол дерева...

Нет, дети тут ничего страшного не увидели, поржали только. Но зато, застывший памятником одинокий прохожий в близоруких очках, вежливо произнес, заставив мое сердце сжаться в неприятных тисках страха.

— По-моему это у вас не совсем кот. Их биологический вид испражняется совсем по-другому. Скажите мне, молодой человек, кто это?

Твою мать! Мне только ученого биолога, не хватало для полного счастья.

— Вы всё-равно, не поверите. — Попытался отмазаться я и быстренько слинять. Но не ту-то было. Его ладонь крепко ухватила меня за плечо. На что Мурзилка среагировала глухим рыком, и совсем не добрым оскалом.

— Ого. — Незнакомец восхищенно выкатил глаза, заполнив ими линзы очков. — Это чудо точно не относится к семейству кошачьих. — Кто ты, красавица? — Он смело протянул руку и почесал Мурзилку между ушей. И ведь эта предательница, моментально успокоилась, закатив глаза, замурлыкала и уткнулась в его ноги. — Первый раз вижу женскую особь, справляющую нужду таким мужским образом. Я очень хочу услышать ваш рассказ.

— А не боитесь, что после удовлетворения вашего любопытства, мне придется вас убить? — Я попытался его напугать. А сам в это время бешено искал варианты, отвязаться от любопытного товарища.

— Что вы. — Он рассмеялся. — Есть вещи, которые просто необходимо знать, даже если эти знания будут последними в жизни. Ну так как? Расскажите?

— Ну и что мне с вами делать?

— Давайте для начала познакомимся. Я Василий Федорович Пыльнов, Учитель математики в школе, ученики которой, в данный момент, наострив уши подслушивают наш разговор.

— Грост Фаст Кардир. — Буркнул на автомате я и осекся.

— Кто? — Собеседник не понял в начале моего ответа, но затем рассмеялся. — Теперь я начинаю что-то понимать, и вы просто так от меня не отделаетесь. — Он задумался. — Думаю, что с вашей красавицей в кафе нас не пустят. Предлагаю пойти ко мне домой. Выпить по чашечке коньяка, если только вашей расе позволяет пищеварительная система подобные напитки.

Я чуть не заржал, сообразив, что этот очкарик меня за инопланетянина принял. Его понять можно. Косяков я выдал тут прилично. Начиная с кота-крысы, и заканчивая именем. Но вот откуда это учитель математики столько знает о кошках? И как он вообще смог определить вот так, походя, пол Мурзика? И почему, эта скотина, хош, так легко его приняла за своего? Одни вопросы.

— Хорошо. Но разговаривать мы пойдем ко мне домой.

— У вас есть свой дом? Но в общем-то без проблем. Идемте скорее, не то я сгорю от нетерпения.

Коньяка у меня не было, зато присутствовала бутылка водки и шпроты. Мы ее быстренько уговорили, и Васек смотался за другой. Чего ты удивляешься, конечно, Васек. Раздавлив пол-литра, даже враги подчас становятся друзьями. Ну а мы вообще довольно быстро нашли общий язык. Мне просто необходимо было перед кем ни будь выговорится, а его раздирало любопытство.

Выложил я ему всю свою историю, полностью и без утайки. А он сидел, восхищенно цокал заплетающимся языком, и чесал голову Мурзилки, мурлыкающей на его коленях, а что ты хочешь, после литра спиртного, выпитого на двоих, как он вообще еще чего-то соображал.

Знакомство со свитягой привело моего гостя в восторг. Еще бы было по-другому. Увидеть живую лампочку, да еще и поболтать с ней, пусть и через переводчика в моем лице, разве это не чудо. В итоге подлый Штросс, перекочевал на плечо очкарика Васи.

В общем, итогом нашего разговора, было полное предательство моих спутников: Мурзилки и Штрасса, отдавших свои подлые симпатии новому знакомому, и не сводящие с него восторженных глаз, а также мое обещание непременно забрать Василия с собой на борукс. А также, последовавшее за бурным возлиянием, жесткое похмелье с утра, двух спящих валетом на одеяле на полу у кровати тел. Где еще было спать? Мурзилка в наглую приватизировал постель.

Василий оказался интеллектуалом, ходячей энциклопедией, и вообще очень сообразительным мужиком, авантюристом — сорвиголовой. Вообще своим парнем в доску, хотя и откровенным «ботаником». Как он с таким характером был еще и учителем в средней школе, непонятно, но профессию свою обожал, а ученики в нем души не чаяли. Однако все это не помешало ему уволиться, и в один день и получить расчет. На закономерный вопрос с моей стороны:

— На хрена тебе это было надо?

Ответ был не менее тупым чем выдал бы я сам в подобной ситуации:

— Так мы же в другой мир уходим.

Вот с чего он взял, что нам удастся вообще туда попасть, в этот новый мир? Портал ведь может никогда больше не открыться. Его такая уверенность пугала, и давала надежду одновременно.

В итоге мы решили, переселиться в виде туристов — экстремалов поближе к месту возможного перемещения, и там ждать чуда. Закупились необходимыми предметами, благо финансов хватало. Денег Васи, полученных при расчете с работы, плюс его и моих скромных накоплений на черный день, хватило на палатку, три спальных мешка, Мурзилке то же надо где-то было отдыхать, она к зиме непривычная. Термосы, примусы, и прочую необходимую в путешествиях дребедень, на все хватило, даже осталось на покусать.

Разбили палаточный городок, недалеко от проезжей части, и наблюдая как крутят у виска проезжающие мимо водители, принялись ждать. Вот потому-то и стою я сейчас на обочине и мыслями дурными себя развлекаю, от безделья.

— Лейтенант Суконкин. Предъявите ваши документы.

Вот какого рожна ему от меня надо? Чем мы могли помешать доблестным защитникам правопорядка? Сидим тут четвертый день, никого не трогаем, отвечаем шутками, тупые вопросы, задаваемые из проезжающих, и притормаживающих около нас автомобилей. Ту еще этот товарищ в погонах и с дубинкой на поясе, нарисовался.

Машина с мигалками остановилась недалеко от меня, спокойно медитирующего в сторону предполагаемого открытия перехода, и молодой лейтенант, с серьезной рожей навис надо мной, всей своей мощью государственной машины безопасности. Серьезный такой. Глазами меня сверлит, на чистую воду диверсанта выводит.

— А в чем, собственно говоря, дело? — То ли от скуки, толи от накопившегося раздражения от неудачных попыток перемещения, я решил поспорить и подерзнуть. Паспорт у меня был конечно, но не с собой, а в рюкзаке он, в палатке, а идти не хочется. — Чем мы так заинтересовали органы правопорядка? Мы ничего не нарушаем. Сидим спокойно. — Хорошо, что еще не ляпнул: «Починяем примусь». — Проезжайте дальше, господин полицейский, не мешайте туристам любоваться достопримечательностями, мы мирные и законопослушные граждане.

— Просто предъявите документы. Пожалуйста. — Вот рожа непробиваемая, а веде последнее слово с угрозой произнес, рассердился блин хранитель закона.

— Вась! Принеси паспорт из рюкзака. — Проорал я в сторону палатки. И повернулся к лейтенанту состроив самую милую улыбку, какую только мог изобразить. Ну а чего тут удивительного? Осознал я, что был неправ. Кто его знает, арестует еще суток на несколько, и накроется наш переход медным тазом. — Сейчас. — Я почти проворковал последнее слово.

— Чего? — Высунулось заспанное, взволнованное лицо. — Что там случилось? Туман?

— Паспорт тут у меня требуют. Только Мурзилку с собой не бери. Не к чему ему показываться сейчас. — Вот зачем я про хоша ляпнул? Кто за язык тянул? Вон как вояка насторожился. Ведь всеравно бы наш кото-крыс на волю не вылез. Холодно ему тут. Он целыми днями в спальнике дрыхнет, нос не высовывает.

— Мурзилку тоже предъявите. — Полицейский насторожился и сделал шаг назад, опустив руку к кобуре. Вот же чертяка подозрительная. Даже улыбка моя волшебная на него не действует. Как же тебя успокоить?

— Собака это наша, очень злобная и без намордника, боюсь, как бы не кинулась. — Попытался я объяснить, да и припугнуть слегка, что греха таить, но не получилось. Вот, чего он к нам прицепился? Неужели у меня морда такая страшная. Хотя конечно бороденка у меня на вид, как раз самая что ни есть бандитская, прямо скажу, террористического вида бороденка, фасона а ля Бен Ладан. Наверно на его месте я тоже бы документами поинтересовался.

— На поводке выводите. И без шуток. — Он щелкнул застежкой кобуры и захрипел рацией. — Патруль сюда. Шестой километр... От завода, конечно, от куда еще. — Рывкнул он, видимо там сразу не поняли, куда ехать. — Руки на виду держите. — Это он уже ко мне.

— Ну вот откуда ты тут такой подозрительный взялся. — Вздохнул я. Хотел еще что-нибудь добавить, но не успел.

— Туман. — Прозвучал у меня взволнованный голос в голове, я даже вздрогнул от

неожиданности.

— Что? — Я сразу не понял.

— Туман говорю. Портал открылся.

Твою мать. Как же это все не вовремя. Что делать-то. Этот псих с пистолетом, нас просто так не отпустит. Вон как решительно настроен. Террористов блин поймал, рейнджер недоделанный.

— Вася! Давай сюда с Мурзилкой выходи. — Все думать некогда. Нужно действовать. Дальше на инстинктах. Шоковая терапия для нашего воинственного гостя, на данный момент просто необходима, без нее у нас шансов нет. — Без одежды веди ее выводы, представь гостю во всей красе, и быстрее! Времени совсем нет! Туман опустился! Портал открывается!

Я думал только в кино можно такое увидеть, а в реальной жизни ничего подобного не бывает.

Палатка взлетела в верх, и зависнув в воздухе таким скомканным парашютом, выстрелила, поднявшим снежную взвесь Василием, с двухстволкой в руках и бешеными глазами. Откуда ружье? Так он его с собой притащил, охотник заядлый ко всему прочему оказался. Споткнувшись о метнувшуюся, испуганную, под ноги Мурзилку, он прокатился кувыркком по сугробам, но моментально сориентировавшись, вскочил и рванул ко мне, не обращая никакого внимания на стража закона.

— А ну стоять! — Рывкнул полицейский, и вдруг, наконец обратил внимание на хоша. — Это кто. — Вот оно. Пришло осознание. Руки затряслись, глаза повылазили, назад мужик попятился, ноги не гнуться. Только вот чего я от него не ожидал, но что с меня дурака возьмешь, и не такие глупости совершал, так это то, что он палить из табельного оружия примется, хорошо, что в виду неадекватного состояния и трясущегося тела, не попал ни разу. Так и лупил из своей пугалки табельной, пока патроны не закончились, и затвор, крякнув не выскочил, а сам снайпер на задницу не шлепнулся.

Мурзилка не поняла, что ее только что убить могли, потому не разозлилась, а довольная подошла, и ласково лизнула горе-вояку в нос. Успокоила блин парня. Нашатыря у меня нет его в чувство приводить. Пускай так лежит, скоро патрульные приедут помогут. Ну а нам пора. Меня жена ждет — волнуется, ну и конечно же новые неприятности, тоже ждут, как без них? Вот чувствую я их неприятности эти, пятой точкой ощущаю.

Все, пора мне. Пора оставить этот мир Владимира Петровича Иванова. Миң инфантильного индивидуума из серой безликой массы таких же как он, продвинутый мир интернета, лени и мягкого дивана. Я возвращаюсь домой. Туда, где я нужен. Туда, где меня ждет жена и друзья, где смертельная опасность на каждом шагу, туда, где мне нравится. Туда, где я стал настоящим, не слабой копией мужчинки, а настоящим, понимаешь? Настоящим человеком, покорителем своей собственной судьбы:

Грост Фаст Кардиром.

Больше книг на сайте - Knigoed.net